

ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1881.

(Годъ двадцать второй).

ІЮЛЬ. — № 7.

Содержаніе:

Страницы:

- I. Блаженного Августина, епископа иппонійскаго
(въ русскомъ переводѣ) О Градѣ Божіемъ,
книга одиннадцатая 173—232
- II. Книга Пѣснь Пѣсней и ея новѣйшіе критики.
(Представители гипотезы фрагментовъ). А. А.
Олесниужаго. 255—323
- III. Двадцатилѣтіе журнала „Труды Кіевской дух.
Академіи“ (1860—1879 гг.). *И. Н. Королькова*. 324—360
- IV. Извѣстія церковно-археологическаго Общества
при Кіевской Академіи (за май 1881 г.).
Н. И. Петрова. 361—366

Въ приложеніи:

- V. Описаніе рукописей Почаевской Лавры, хра-
нящихся въ бібліотекѣ музея при Кіевской
дух. Академіи. *В. Березина*. 1— 24
- VI. Протоколы засѣданій Совѣта Кіевской Ака-
деміи (24 апрѣля 1881 г.). 177—208

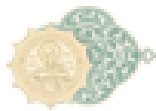
„Труды Кіевской дух. Академіи“ выходятъ по прежней программѣ.

Цѣна 7 рубл. съ пересылкою.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улвц., собственный домъ.

1881.

ВЪ 1881 ГОДУ ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ издаются

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННЫМЪ ПРОГРАММАМЪ:

1, Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости,

Церковная, по преимуществу мѣстная, *газета*. Программа ея въ общемъ слѣдующая: **Отдѣлъ официальный**, Высочайшіе манифесты и повелѣнія, синодальные указы и правительственные распоряженія, относящіеся къ Кіевской епархіи, мѣстные административныя распоряженія и извѣстія и проч. **Отдѣлъ неофициальный**, мѣстные церковныя историко-статистическія извѣстія и достопримѣчательныя письменныя памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

2, Воскресное Чтеніе,

Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера въ общедоступномъ и общеназидательномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленіи и видѣ, какъ онъ издавался *первоначально*. Въ немъ будутъ помѣщаемы общепонятныя статьи, служація къ уразумѣнію Слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утвержденію въ сердцахъ любви, вѣры и упованія христіанскаго и тому под.

3, Труды Кіевской Духовной Академіи,

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ, по изложенію доступнымъ большинству читателей и никакъ не въ видѣ сырыхъ матеріаловъ. При журналѣ будутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и Августина.—Изъ твореній бл. Іеронима въ настоящемъ, 1881 г. будутъ издаваться его знаменитыя толкованія на ветхозавѣтныя книги; изъ твореній бл. Августина—его знаменитѣйшее твореніе—о градѣ Божіемъ.

Такимъ образомъ изданія Кіевской духовной Академіи имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей: 1, своеговременнаго знакомства съ текущими церковными событіями (*газетное* чтеніе,—„Епархіальныя Вѣдомости“); 2, *религіозно-нравственнаго*, общеназидательнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе“), и 3, научнаго образованія богословскаго („Труды Кіевской духовной Академіи“).

„Епархіальныя Вѣдомости“ будутъ выходить еженедѣльно въ четвертку, въ два столбца, не менѣе одного листа въ

О ГРАДѢ БОЖІЕМЪ,

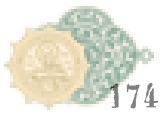
КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

Начинается вторая часть сочиненія о Градѣ Божіемъ, въ которой говорится о началѣ, распространеніи и предназначенномъ концѣ двухъ градовъ, небеснаго и земнаго. Въ настоящей книгѣ бл. Августинъ прежде всего указываетъ первоначальныя зачатки этихъ двухъ градовъ въ предшествовавшемъ имъ различеніи ангеловъ добрыхъ и злыхъ, и по этому поводу говоритъ о сотвореніи міра, которое описывается въ св. Писаніи въ началѣ книги Бытія.

ГЛАВА I.

Объ этой части сочиненія, въ которой начинается изложеніе начала и конца двухъ градовъ, небеснаго и земнаго.

Градомъ Божіимъ мы называемъ градъ, о которомъ свидѣтельствуешь то самое Писаніе, которое, по волѣ высочайшаго провидѣнія возвышаясь надъ всѣми безъ исключенія писаніями всѣхъ народовъ божественнымъ авторитетомъ, а не случайно производимыми впечатлѣніями на человѣческія души, покорило себѣ всякаго рода умы человѣческіе. Въ этомъ Писаніи говорится: *Преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій* (Пс. 86, 9). И въ другомъ псалмѣ читается: *Велій Господь, и хваленъ зѣло во градъ Бога нашего, въ горѣ святой его, благопокореннымъ радованіемъ всяя земли.*

Въ томъ же псалмѣ, немного ниже: *Якоже слышахомъ, тако и видѣхомъ во градъ Господа силъ. во градъ Бога нашего: Богъ основа и възъ* (Пс. 47. 2, 3, 9). И еще въ иномъ псалмѣ: *Ръчная устремленія веселятъ градъ Божій: освятилъ есть селеніе свое Вышній Богъ посреде его, и не подвижется* (Пс. 45, 3, 6). Изъ этихъ и другихъ того же рода свидѣтельствъ, которыя всѣ приводить было бы слишкомъ долго, мы знаемъ, что существуетъ нѣкоторый Градъ Божій, гражданами коего мы страстно желаемъ быть въ силу той любви, которую вдохнулъ въ насъ Основатель его. Граждане земнаго града предпочитаютъ своихъ боговъ этому Основателю Града Святаго, не вѣдая, что Онъ есть Богъ боговъ,—боговъ не ложныхъ, т. е. нечестивыхъ и гордыхъ, которые, лишившись Его неизмѣняемаго и общаго всѣмъ свѣта и ограничившись жалкимъ могуществомъ, создаютъ для себя нѣкоторымъ образомъ частныя самодержавства и отъ обольщенныхъ подданныхъ требуютъ божескихъ почестей, а боговъ благочестивыхъ и святыхъ, находящихъ болѣе удовольствія въ томъ, чтобы себя самихъ подчиненныхъ одному Богу, чѣмъ—многихъ себѣ, и самимъ почитать Бога, чѣмъ быть почитаемыми за Бога. Но врагамъ этого святаго Града мы отвѣтили при помощи Господа и Царя нашего, какъ могли, въ предъидущихъ десяти книгахъ. Теперь же зная, чего отъ меня ждутъ, и не забывая своей обязанности, начну говорить со всегдашнимъ упованіемъ на помощь того же Господа и Царя нашего, насколько возмогу, о началѣ, распространеніи и предназначенномъ концѣ обоихъ Градовъ, т. е. земнаго и небеснаго, о которыхъ я сказалъ, что они въ настоящемъ вѣкѣ нѣкоторымъ образомъ переплетены и другъ съ другомъ смѣшаны; а прежде всего скажу о первоначальныхъ зачаткахъ двухъ этихъ Градовъ въ предшествовавшемъ имъ раздѣленіи ангеловъ.

ГЛАВА II.

*О познаніи Бога, понятіе о Которомъ люди приобрета-
ютъ только чрезъ Посредника между Богомъ и людьми—
человѣка Иисуса Христа.*

Дѣло великое и въ высшей степени рѣдкое—появъ и узнавъ по опыту измѣнчивость всей вообще твари тѣлесной и безтѣлесной, отвлечься отъ ней усиліемъ ума и возвыситься до неизмѣняемаго существа Бога и тамъ отъ самаго Бога научиться, что вся природа, которая не есть то что Онъ, Имъ сотворена. Въ этомъ случаѣ Богъ говорить съ человѣкомъ не чрезъ какое-либо твореніе тѣлесное, производя шумъ въ тѣлесныхъ ушахъ сотрясеніемъ воздушнаго пространства, находящагося между говорящимъ и слушающимъ, и не посредствомъ чего либо чувственнаго, что принимало бы форму, подобную тѣламъ, какъ во снѣ, или инымъ какимъ либо подобнымъ образомъ; ибо и въ такомъ случаѣ онъ говорить какъ бы тѣлеснымъ ушамъ: потому что говорить какъ бы чрезъ тѣло и какъ бы при существованіи промежутковъ между мѣстами тѣлъ, такъ какъ видѣнія этого рода во многомъ подобны тѣламъ. Но говорить Онъ самою истиною, если кто способенъ слушать умомъ, а не тѣломъ. Говоритъ Онъ въ этомъ случаѣ къ той части человѣка, которая въ человѣкѣ лучше остальныхъ, изъ которыхъ, какъ извѣстно, состоитъ человѣкъ, и лучше которой только самъ Богъ. Ибо какъ скоро существуетъ прямое убѣжденіе, а если оно не возможно—покрайней мѣрѣ вѣра, что человѣкъ созданъ по образу Божію; то частію, которою онъ наиболѣе приближается къ верховному Богу, будетъ конечно та часть его, коею онъ возвышается надъ своими низшими частями, общими у него даже съ животными. Но такъ какъ самый умъ, которому отъ природы присущи разумъ и пониманіе, обезсиленъ нѣкоторыми омрачающими и

застарѣлыми пороками; то не только для того, чтобы этотъ неизмѣняемый свѣтъ привлекъ его, давая ему наслаждение, но и для того, чтобы онъ могъ перенести его, умъ прежде всего долженъ быть напоенъ и очищенъ вѣрою, пока, день ото дня обновляемый и врачуемый, содѣлается способнымъ къ воспріятію столь великаго счастія. Но чтобы въ этой вѣрѣ человѣкъ надеждѣ шелъ къ истинѣ, сама истина—Богъ, Сынъ Божій, воспріавъ человечество и не потерявъ Божества, упрочилъ и утвердилъ эту самую вѣру, дабы она была путемъ къ Богу человека чрезъ Богочеловѣка. Онъ-то и есть Посредникъ между Богомъ и человекомъ—человѣкъ Іисусъ Христосъ. Вотъ почему Онъ—посредникъ, почему—человѣкъ и почему—путь. Если между тѣмъ, кто стремится достигнуть куда нибудь, и цѣлю, къ которой стремится, посредствуетъ путь; то существуетъ и надежда на достиженіе цѣли. А если пути нѣтъ или путь, которымъ должно идти, неизвѣстенъ: то что пользы знать, куда слѣдуетъ идти? Единственный же совершенно надежный путь противъ всѣхъ заблужденій состоитъ въ томъ, что Онъ же есть и—Богъ и человѣкъ: какъ Богъ—Онъ цѣль, къ которой идутъ, какъ человѣкъ—Онъ путь, по которому идутъ.

ГЛАВА III.

О важности каноническаго Писанія, произведенія Духа святаго.

Онъ, говорившій, насколько считалъ достаточнымъ, сначала чрезъ пророковъ, потомъ самъ лично, послѣ же чрезъ апостоловъ, произвелъ также и Писаніе, называемое каноническимъ и обладающее превосходнѣйшимъ авторитетомъ. Этому Писанію мы довѣряемъ въ тѣхъ вещахъ, незнаніе которыхъ вредно, но и знанія которыхъ мы не въ состояніи достигнуть сами. Ибо если на основаніи собственнаго сви-

дѣтельства можетъ быть познано нами то, что не удалено отъ нашихъ чувствъ, внутреннихъ или даже внѣшнихъ, что поѣтому называется подлежащимъ чувствамъ (*praesentia* въ томъ смыслѣ, какъ называется подлежащимъ зрѣнію то что находится предъ глазами: то въ отношеніи того, что удалено отъ нашихъ чувствъ, поколику мы не можемъ знатъ его при помощи собственнаго свидѣтельства, мы непремѣнн требуемъ посторонняго свидѣтельства, и вѣримъ тѣмъ, относительно которыхъ не сомнѣваемся, что оно не удалено или не было удалено отъ ихъ чувствъ. Итакъ, какъ относительно предметовъ видимыхъ, которыхъ мы не видимъ сами, мы довѣряемъ видѣвшимъ ихъ, и также точно поступаемъ и въ отношеніи остальныхъ вещей, подлежащихъ тому или иному тѣлесному чувству: такъ и въ отношеніи того, что чувствуется душою или умомъ (ибо и это совершенно справедливо называется чувствомъ—*sensus*; откуда происходитъ и самое слово *sententia*), т. е. въ отношеніи тѣхъ невидимыхъ вещей, которыя удалены отъ нашего внутренняго чувства, мы должны вѣрить тѣмъ, которые познали поставленное въ ономъ безтѣлесномъ свѣтѣ и созерцаютъ въ немъ пребывающее.

ГЛАВА IV.

О міръ, что онъ и міръ временный, и въ ту же пору сотворенъ не по вновь принятому божественному рѣшенію, такъ какъ бы Богъ послѣ пожелалъ того, чего прежде не желалъ.

Изъ всего видимаго величайшее есть міръ; изъ всего невидимаго величайшее Богъ. Что существуетъ міръ, это видимъ; что есть Богъ, этому мы вѣримъ. А что Богъ сотворилъ міръ,—мы никому не можемъ безъ колебанія вѣрить, кромѣ самаго же Бога. Но гдѣ же слышали Его? Пока

нигдѣ лучше, какъ только въ священномъ Писаніи, въ которомъ пророкъ Его сказалъ: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1, 1). Но развѣ пророкъ былъ при томъ, какъ Богъ творилъ небо и землю? Пророка при томъ не было; но была Премудрость Божія, чрезъ которую все сотворено, которая затѣмъ вселяется въ святыхъ души, наставляетъ друзей Божіихъ и пророковъ (Пр. Сол. 7, 27), и внутреннимъ образомъ, безъ словеснаго звука, повѣствуетъ имъ о дѣлахъ своихъ. Говорятъ имъ также и Ангелы Божіи, видящіе выну лице Отца (Мѡ. 18, 10) и возвѣщающіе, кому надлежитъ, волю Его. Изъ числа ихъ былъ и тотъ пророкъ, который сказалъ и написалъ: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю*. Пророкъ этотъ былъ до такой степени надежнымъ свидѣтелемъ для того, чтобы вѣрить чрезъ него Богу, что тѣмъ же Духомъ Божіимъ, отъ котораго по откровенію узналъ упомянутое, задолго предсказалъ и самую будущую вѣру нашу.

Но почему же Богу вѣчному пришла въ данное время мысль сотворить небо и землю, которыхъ Онъ прежде не творилъ? Если говорящіе такъ желаютъ представить міръ вѣчнымъ, безъ всякаго начала, и не сотвореннымъ отъ Бога; то они далеко уклонились отъ истины и безумствуютъ въ смертной болѣзни нечестія. Ибо, помимо пророческихъ словъ, самъ міръ, нѣкоторымъ образомъ молчаливо, своею въ высшей степени стройною подвижностію и измѣняемостію и прекраснѣйшимъ видомъ всего видимаго, вѣщаетъ какъ о томъ, что онъ сотворенъ, такъ и о томъ, что могъ быть сотвореннымъ только неизреченно и невидимо великимъ и неизреченно и невидимо прекраснымъ Богомъ. Тѣ же, которые хотя и признаютъ, что міръ сотворенъ Богомъ, однакоже не хотятъ представлять его временнымъ, а только — имѣющимъ начало его производшее: такъ что онъ былъ сотворенъ нѣкоторымъ едва понятнымъ образомъ отъ вѣчности;—тѣ,—хотя

и высказываютъ нѣчто, чѣмъ думаютъ якобы защитить Бога отъ упрека въ случайной нечаянности: дабы-де не подумалъ кто, будто Ему внезапно пришло на мысль сотворити міръ, о которомъ Онъ прежде не думалъ, и будто Онъ принялъ новое рѣшеніе, тогда какъ Самъ ни въ чемъ неизмѣняемъ,—какъ могутъ оправдать свое основное положеніе въ примѣненіи къ другимъ вещамъ, я не понимаю. Особенно это—въ примѣненіи къ душѣ. Если они утверждаютъ, что душа совѣчна Богу, то они никоимъ образомъ не могутъ объяснить, откуда произошло новое для нея несчастье, котораго она никогда прежде отъ вѣчности не знала. Если жъ они скажутъ, что ея счастье и несчастье чередовались отъ вѣчности, то неизбѣжно должны сказать, что и сама она отъ вѣчности подвержена переменамъ. Отсюда у нихъ вытекаетъ та нелѣпость, что душа даже и тогда, когда называется блаженною, нисколько не блаженна, если предвидитъ предстоящее ей несчастье и позоръ; а если не предвидитъ что будетъ подлежащею позору и несчастною, и полагаетъ, что будетъ вѣчно блаженною: то она блаженна вслѣдствіе ложнаго представленія. Глупѣе этого ничего не можетъ быть сказано. Но если они полагаютъ, что хотя несчастье души вмѣстѣ съ ея блаженствомъ и чередовались въ теченіи прежнихъ безграничныхъ вѣковъ, но что теперь, будучи разсвобожденною, душа не подпадетъ болѣе несчастію: въ такомъ случаѣ они должны согласиться, что прежде она ни когда не была поистинѣ блаженною, а теперь начала быть блаженною нѣкоторымъ новымъ неложнымъ блаженствомъ и слѣдовательно признать, что съ нею совершилось нѣчто новое, и притомъ нѣчто величайшее и прекраснѣйшее, чего никогда прежде отъ вѣчности съ нею не было. При этомъ если они станутъ отрицать, что это новое состояніе души имѣетъ свое основаніе въ вѣчномъ совѣтѣ Бога: то они вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ отрицать и то, что Онъ виновникъ

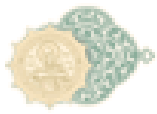

ея блаженства; что свойственно богопротивному нечестию. Если же скажутъ, что Богъ принялъ новое рѣшеніе, чтобы душа на будущее время была вѣчно блаженною; то какъ они докажутъ, что Онъ чуждъ измѣняемости, которой они также не желаютъ допустить? Далѣе, если они призываютъ, что хотя душа и сотворена во времени, но не перестанетъ существовать ни въ какой моментъ времени, подобно тому, какъ число имѣть начало, но не имѣть конца; и что вслѣдствіе этого, разъ испытавъ несчастіе, она, будучи освобождена отъ него, никогда потомъ не будетъ несчастною: то они конечно не усумнятся, что это возможно только при неизмѣняемости совѣта Божія. Въ такомъ случаѣ пусть вѣрятъ, что и міръ могъ быть сотвореннымъ во времени, но что и Богъ, творя міръ, тѣмъ не менѣе не измѣнилъ отъ того своего вѣчнаго совѣта и воли.

ГЛАВА V.

Не слѣдуетъ представлять безконечнаго пространства времени прежде міра, какъ не слѣдуетъ представлять безконечнаго пространства мѣста внѣ міра.

Далѣе, соглашающіеся съ тѣмъ, что Богъ есть Творецъ міра, но спрашивающіе, что мы можемъ отвѣтить относительно времени сотворенія міра, должны подумать, что они сами отвѣтятъ относительно пространства, занимаемаго міромъ. Ибо какъ возможенъ вопросъ о томъ, почему именно тогда, а не прежде сотворенъ міръ; такъ возможенъ вопросъ и о томъ, почему міръ именно здѣсь, а не гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Если они представляютъ себѣ безграничныя пространства времени до міра, въ которыхъ, какъ имъ кажется, Богъ не могъ оставаться недѣятельнымъ: то подобнымъ же образомъ они могутъ представлять себѣ и безграничныя пространства мѣста; и если кто нибудь скажетъ, что

Всемогу́щій не могъ бытъ недѣятельнымъ въ нихъ, то не будутъ ли они вынуждены вмѣстѣ съ Епикуромъ бредить о безчисленныхъ мірахъ? Различіе будетъ только различіемъ, что Епикуръ утверждаетъ, что міры рождаются и разрушаются вслѣдствіе случайнаго движенія атомовъ; а они, если не желаютъ, чтобы Богъ оставался празднымъ въ безграничной неизмѣримости пространствъ, распростертыхъ внѣ и вокругъ міра, будутъ утверждать, что эти міры сотворены дѣйстви́емъ Бога, и такъ же, какъ, по ихъ мнѣнію, и настоящій міръ, не могутъ разрушиться ни отъ какой причины. Ибо мы ведемъ рѣчь съ тѣми, которые вмѣстѣ съ нами мыслятъ, что Богъ безтѣлесенъ и есть Творецъ всѣхъ существъ, которые не суть то, что Онъ самъ; входятъ же въ подобныя разсужденія о религіи съ другими совершенно не стоитъ, особенно въ виду того, что и у тѣхъ, которые считаютъ необходимымъ воздавать культъ многимъ богамъ, первые превосходятъ прочихъ философовъ извѣстностію и авторитетомъ не по чему либо иному, какъ потому, что они, хотя и значительно далеки отъ истины, все же ближе къ ней остальныхъ. Развѣ не скажутъ ли уже они, что существо Божіе, котораго они не заключаютъ, и не ограничиваютъ, и не распространяютъ въ пространствѣ, но которое признаютъ, какъ это и прилично мыслить о Богѣ, при безтѣлесномъ присутствіи повсюду находящимся въ цѣльномъ видѣ,—развѣ не скажутъ ли, что существо это не присутствуетъ въ столь великихъ мѣстныхъ пространствахъ внѣ міра, а занимаетъ только одно, и въ сравненіи съ собственною безконечностію слишкомъ ничтожное пространство, въ которомъ существуетъ міръ? Но я не думаю, чтобы они дошли до такого пустословія. Итакъ, если они скажутъ, что сотворенъ одинъ міръ, хотя по своей тѣлесной массѣ и чрезвычайно огромный, но міръ—конечный пространствомъ своимъ ограниченный, и сотворенъ дѣйстви́емъ Божіемъ: то, чтó отвѣтятъ они о без-

границныхъ пространствахъ внѣ міра, въ объясненіе, почему Богъ пересталъ въ нихъ дѣйствовать, тоже самое пусть отвѣтятъ себѣ и о безконечныхъ временахъ до міра, въ объясненіе того, почему Богъ въ эти времена оставался безъ дѣйствія. Изъ того, что изъ безконечныхъ и во всѣ стороны открытыхъ пространствъ не было никакого основанія предпочтительно избрать это, а не другое, не слѣдуетъ непременно, чтобы Богъ случайно, а не по божественному соображенію устроилъ міръ не въ другомъ какомъ мѣстѣ, а именно въ томъ, въ которомъ онъ существуетъ; хотя та божественная причина, по которой это совершилось, не можетъ быть понята никакимъ человѣческимъ умомъ. Также точно и изъ того, что времена предшествовавшія міру протекали одинаково въ безграничныя пространства минувшаго, и не было никакой разницы, которая давала бы основаніе избрать одно время предпочтительнѣе предъ другимъ, не слѣдуетъ, чтобы съ Богомъ случилось нѣчто неожиданное, что Онъ сотворилъ міръ именно въ это, а не въ прежнее время. Если же они скажутъ, что люди ломаютъ головы надъ пустяками, когда воображаютъ себѣ безконечныя пространства, такъ какъ внѣ міра нѣтъ пространства: то мы отвѣтимъ имъ, что также точно люди представляютъ себѣ вздоръ, когда воображаютъ протекшія времена, въ которыя Богъ пребывалъ безъ дѣйствія: потому что прежде міра не было никакого времени.

ГЛАВА VI.

Начало творенія міра есть вѣчность съ тѣмъ и начало временъ, и одно не предшествовало другому.

Дѣйствительно, если справедливо, что вѣчность и время различаются тѣмъ, что время не бываетъ безъ нѣкоторой подвижной измѣнчивости, а въ вѣчности нѣтъ никакого измѣненія: то кто не пойметъ, что временъ не было бы, еслибы

не было творенія, которое измѣнило нѣчто нѣкоторымъ движеніемъ? Моменты этого движенія и измѣненія, поколику совпадать не могутъ, оканчиваясь и смѣняясь другими болѣе краткими или болѣе продолжительными промежутками и образуютъ время. Итакъ, если Богъ, въ вѣчности- котораго нѣтъ никакого измѣненія, есть Творецъ и Устроитель времени, то я не понимаю, какимъ образомъ можно утверждать, что Онъ сотворилъ міръ спустя извѣстное количество времени? Развѣ уже утверждать, что и прежде міра существовало нѣкоторое твореніе, движеніе котораго давало теченіе времени? Но если священныя и въ высшей степени достовѣрныя Писанія говорятъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1, 1), чтобы дать понять, что прежде Онъ ничего не творилъ; потому что еслибы Онъ сотворилъ нѣчто прежде всего сотвореннаго имъ, то и было бы сказано, что Онъ именно это нѣчто сотворилъ въ началѣ: то нѣтъ никакого сомнѣнія, что міръ сотворенъ не во времени, но вмѣстѣ съ временемъ. Ибо что происходитъ во времени, то происходитъ послѣ одного и прежде другаго времени,—послѣ того, которое прошло, и прежде того, которое имѣетъ быть; но никакого прошедшаго времени быть не могло: потому что не было никакой твари, движеніе и измѣненіе которой опредѣляло бы время. Но несомнѣнно, что міръ сотворенъ вмѣстѣ съ временемъ, если при сотвореніи его произошло измѣняющееся движеніе, какъ представляетъ это тотъ порядокъ первыхъ шести или семи дней, при которыхъ упоминаются и утро и вечера, пока все, что сотворилъ Богъ въ эти шесть дней, не завершено было седьмымъ днемъ, и пока въ седьмой день, съ указаніемъ на великую тайну, не упоминается о покоѣ Божіемъ. Какого рода эти дни—представить это намъ или крайне трудно или даже вовсе невозможно; а тѣмъ болѣе невозможно говорить о томъ.

ГЛАВА VII.

О свойствахъ первыхъ дней творенія, о которыхъ говорится, что они, прежде чѣмъ сотворено было солнце, имѣли вечеръ и утро.

Мы видимъ, что обыкновенные наши дни имѣютъ вечеръ вслѣдствіе захода солнца, и утро вслѣдствіе восхода солнца: но изъ тѣхъ дней первые три прошли безъ солнца, о сотвореніи котораго говорится въ день четвертый. Повѣствуется, правда, что съ первыхъ же поръ словомъ Божиимъ сотворенъ свѣтъ, и что Богъ раздѣлилъ между свѣтомъ и тьмою и назвалъ этотъ свѣтъ днемъ, а тьму ночью (Быт. 1, 4); но какого свойства былъ этотъ свѣтъ, какимъ поочереднымъ движеніемъ и какого рода вечеръ и утро производилъ онъ,—это недоступно нашему разумѣнію, и не можетъ быть понято нами соотвѣтственно тому, какъ оно есть; хотя мы должны этому вѣрить безъ колебанія. Можетъ быть это нѣкоторый тѣлесный свѣтъ, находящійся въ высшихъ частяхъ міра вдали отъ взоровъ нашихъ, или тотъ самый, которымъ впослѣдствіи возжено солнце; а можетъ быть именемъ свѣта обозначается святой Градъ, состоящій изъ святыхъ ангеловъ и блаженныхъ духовъ, о которомъ говоритъ Апостолъ: *Высшій Іерусалимъ свобода есть, иже есть мати всѣмъ намъ* (Гал. IV, 26). Ибо въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: *Вси бо вы сынове свѣта есть и сынове дне: нѣтъмы нощи, ниже тьмы* (1 Тес. V, 5). Можемъ пожалуй до извѣстной степени правильно разумѣть подъ этимъ утро и вечеръ послѣдняго дня. Ибо знаніе твари въ сравненіи съ знаніемъ Творца представляетъ собою нѣкотораго рода сумерки, которыя потомъ просвѣтляются и обращаются въ утро, когда знаніе это обращается къ прославленію и любви Творца; и ночи не бываетъ тамъ, гдѣ Творецъ не оставляется любовію твари. Кстати и Писаніе никогда не употребляетъ

слова ночь, когда перечисляетъ по порядку дни творенія. Оно не говоритъ нигдѣ: *Бысть ночь*; но: *И бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ* (Быт. 1, 5). Таковъ день второй, таковы и прочіе дни. Знаніе твари само по себѣ гораздо, такъ сказать, тусклѣе, чѣмъ когда оно пріобрѣтается при свѣтѣ Премудрости Божіей,—при помощи какъ бы самаго искусства, которымъ сотворена она. Вотъ почему оно приличнѣе можетъ быть названо вечеромъ, чѣмъ ночью; хотя, какъ сказалъ я, оно переходитъ въ утро, когда относится къ прославленію и любви Творца. И когда оно является какъ сознаніе себя самой, то это день одинъ; когда переходитъ въ познаніе тверди, которая называется небомъ, между водами высшими и низшими,—второй день; когда переходитъ къ познанію земли и моря и всего раждающагося, связаннаго съ землею корнями,—день третій; когда къ познанію свѣтилъ, большаго и меньшаго, и всѣхъ звѣздъ,—день четвертый; когда къ познанію всѣхъ изъ воды происходящихъ животныхъ и животныхъ летающихъ,—день пятый; а когда къ познанію всѣхъ животныхъ земныхъ и самаго человека,—день шестой.

ГЛАВА VIII.

Что и какъ нужно разумѣть подъ покоемъ Божіимъ, которымъ Онъ почилъ въ седьмой день послѣ шести дней творенія.

Когда же Богъ почилъ въ седьмой день отъ всѣхъ дѣлъ своихъ и освятилъ его то этотъ покой отнюдь не слѣдуетъ понимать подѣтски, какъ будто бы утомился, творя, Богъ, который *рече и быша* (Пс. 148, 5),—рече словомъ умнымъ и вѣчнымъ, а не звучащимъ и временнымъ. Покой Божій означаетъ покой тѣхъ, которые успокоиваются въ Богѣ. Такъ радость дома означаетъ радость веселящихся въ домѣ,

хотя бы радовалъ ихъ не самый домъ, а что нибудь другое. Если же самый домъ веселитъ обитателей своею красотою, то онъ называется веселымъ не только по тому словопотребленію, по которому мы чрезъ содержащее обозначаемъ содержимое, какъ напр. когда говорить: театры рукоплещуть, луга ревуть, между тѣмъ какъ въ театрахъ рукоплещуть люди, на лугахъ ревуть быки; но и по тому (словопотребленію), по которому чрезъ причину обозначается дѣйствіе: Какъ напр. письмо называемъ радостнымъ для обозначенія радости тѣхъ, которыхъ оно радуетъ при чтеніи его. Итакъ пророкъ употребляетъ въполнѣ соответственное выраженіе, когда повѣствуетъ, что Богъ почилъ, обозначая этимъ покой тѣхъ, которые въ Немъ успокоиваются, и которыхъ Онъ самъ успокоиваетъ. Пророчество и общается людямъ, къ которымъ оно обращено и ради которыхъ оно написано, что по совершеніи добрыхъ дѣлъ, которыя въ нихъ и чрезъ нихъ производитъ Богъ, они будутъ имѣть вѣчный покой въ Богѣ, если прежде, въ настоящей жизни, нѣкоторымъ образомъ приблизятся къ Нему посредствомъ вѣры. Это самое у древняго народа Божія прообразовано по заповѣди Божіей покоемъ субботняго дня; о чемъ я считаю нужнымъ поговорить обстоятельнѣе въ своемъ мѣстѣ

ГЛАВА IX.

Что должно думать о твореніи Ангеловъ согласно съ свидетельствами свящ. Писанія.

Такъ какъ я предположилъ говорить о происхожденіи святаго Града и предварительно считалъ нужнымъ сказать о томъ, что относится къ святымъ Ангеламъ, составляющимъ большую и тѣмъ блаженнѣйшую часть этого Града, что она никогда не странствовала въ чужбинѣ: то нынѣ при помощи Божіей я и постараюсь изъяснить, насколько это

покажется необходимымъ, имѣющіяся божественныя свидѣтельства объ этомъ предметѣ. Когда священное Писаніе говоритъ о сотвореніи міра, оно не говоритъ съ ясностію ни о томъ, сотворены ли Ангелы, ни о томъ, въ какомъ порядкѣ сотворены. Но если они совершенно не опущены, то разумѣются или подъ именемъ неба, когда говорится: *Въ началъ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1, 1); или еще лучше подъ именемъ того свѣта, о которомъ я упоминалъ. А что они не опущены, — этого не думаю, на томъ основаніи, что написано, что въ седьмой день Богъ почилъ отъ всѣхъ своихъ дѣлъ, сотворенныхъ Имъ; между тѣмъ какъ книга именно начинается: *Въ началъ сотвори Богъ небо и землю*, чтобы дать понять, что прежде неба и земли не было ничего другаго сотворено. Итакъ, если Богъ началъ съ неба и земли, и земля эта, сотворенная Имъ въ началѣ, какъ Писаніе въ слѣдъ за тѣмъ рассказываетъ, была невидима и неустроена и тьма была надъ бездною, т. е. надъ нѣкоторымъ неразличимымъ смѣшеніемъ земли и воды: потому что не былъ еще сотворенъ свѣтъ, а гдѣ нѣтъ свѣта, тамъ необходимо тьма; и если дальнѣйшее твореніе упорядочило потомъ все, что, какъ повѣствуется, совершенно было въ шесть дней: то какимъ образомъ могли бы быть опущены Ангелы, какъ бы не бывшіе въ числѣ дѣлъ Божіихъ, отъ которыхъ Онъ почилъ въ седьмой день? А что Ангелы суть твореніе Божіе, то хотя въ данномъ мѣстѣ, не будучи совершенно обойдено, это высказывается не ясно, зато въ другихъ мѣстахъ Священное Писаніе выражается громогласно. Такъ въ пѣснѣ трехъ отроковъ въ печи огненной, послѣ того какъ сказано: *Благословите вся дѣла Господня Господа*, при исчисленіи дѣлъ Божіихъ упомянуты и Ангелы (Дан. III, 57, 58). И въ псалмѣ поется: *хвалите Господа съ небесъ, хвалите его въ вышнихъ. Хвалите его вси Ангелы его хвалите его вся силы его. Хвалите его солнце и луна*

хвалите его вся звезды и свѣтъ. Хвалите его небеса небесъ, и вода, яже превыше небесъ. Да восхвалятъ имя Господне: яко той рече, и быша: той повелъ, и создашися (Пс. 148, 1—5). И здѣсь по откровенію свѣще сказано весьма ясно, что Ангелы сотворены Богомъ, потому что они упомянуты въ числѣ другихъ небесныхъ твореній и ко всѣмъ относится слова: *Той рече и быша*. Кто же осмѣлится думать, что Ангелы сотворены послѣ всего того, что перечислено въ шестидневномъ твореніи? А если кто и безумствуетъ въ этомъ родѣ, то его суетность опровергаетъ имѣющее такой же авторитетъ другое Писаніе, въ которомъ Богъ говорить: *Егда сотворены быша звезды, восхвалиша Мя гласомъ велимъ вси Ангели Мои* (Іов. 38, 7). Слѣдовательно ангелы уже были, когда сотворены были звѣзды. Они сотворены были, когда былъ четвертый день. Итакъ скажемъ ли, что они сотворены въ третій день? Нѣтъ! Ибо предъ глазами то, что сотворено въ этотъ день. Тогда земля отдѣлена была отъ воды, и эти двѣ стихіи восприняли различныя, свойственныя имъ, формы, и земля произвела все, что связано съ нею корнями. Но не сотворены ли они во второй день? И этого не могло быть: ибо тогда между водою низшею и вышею сотворена была твердь, названная небомъ; на каковой тверди сотворены были въ четвертый день звѣзды. Итакъ, если ангелы принадлежать къ твореніямъ Божиимъ, созданнымъ въ тѣ дни, то они безъ сомнѣнія суть тотъ свѣтъ, который получилъ наименованіе дня, но дня, который, для обозначенія единства его, не названъ—день первый, а *день единъ*. И не иной день второй, или третій, или прочіе, но повторяется тотъ же самый день, единъ для пополненія шестиричнаго и седмиричнаго числа, ради шестеричнаго и седмиричнаго познанія,—шестеричнаго—по отношенію къ твореніямъ, созданнымъ Богомъ, седмиричнаго—относительно покоя Божія. Ибо когда Богъ сказалъ: *Да бу-*

дѣтъ свѣтъ и бысть свѣтъ, то, если подѣ этимъ свѣтомъ справедливо разумѣется твореніе ангеловъ, они несомнѣнно сотворены участниками вѣчнаго свѣта, который есть сама неизмѣняемая Премудрость Божія, сотворившая все и называемая нами едиnorodнымъ Сыномъ Божиимъ; такъ что, просвѣщенные свѣтомъ, которымъ сотворены, они содѣлались свѣтомъ и названы днемъ по причастію неизмѣняемому свѣту и дню, который есть Слово Божіе, коимъ и сами они и все сотворены. Ибо Тотъ свѣтъ истинный, *иже просвѣщаетъ всякаго челоука, грядущаго въ міръ* (Іоан. 1, 9), просвѣщаетъ и всякаго чистаго ангела; такъ что послѣдній есть свѣтъ не самъ въ себѣ, но въ Богѣ. Но если ангелъ отвращается отъ Него, то дѣлается нечистымъ; какъ въ свѣ, называющіеся нечистыми духами, которые уже не свѣтъ въ Господѣ, но тьма сами въ себѣ, какъ лишенные причастія свѣту вѣчному. Ибо зло не есть какая либо сущность; но потеря добра получила названіе зла.

ГЛАВА X.

О простой и неизмѣняемой Троицѣ единого Бога—Отца и Сына и Св. Духа, у котораго не иное—свойство и не иное—сущность.

Есть только одно простое, и потому единственно неизмѣняемое благо,—это Богъ. Этимъ Благомъ сотворены всѣ блага, но не простыя, а потому и измѣняемыя. Я говорю сотворены, т. е. содѣланы, нерождены. Ибо рожденное отъ простаго блага разное просто, и есть тоже, что и то, отъ котораго Оно рождено. Этихъ двухъ мы называемъ Отцемъ и Сыномъ, и эти два вмѣстѣ съ Духомъ святымъ суть единый Богъ. Сей Духъ Отца и Сына въ священномъ Писаніи называется Святымъ Духомъ въ нѣкоторомъ особенномъ смыслѣ этого слова. И Онъ есть иной, чѣмъ Отецъ и Сынъ:

потому что Онъ ни Отецъ, ни Сынъ; но говорю—иной, а не иное: потому что и сіе благо одинаково просто, и также неизмѣнимо и совѣчно. И эта Троица есть единъ Богъ; и не теряетъ своей простоты отъ того, что Троица. Ибо эту природу блага мы называемъ простою не потому, что въ ней одинъ Отецъ, или одинъ Сынъ, или одинъ Духъ Святой; и не потому, чтобы эта Троица существовала только по имени безъ самостоятельности лицъ, какъ думали еретики савелліане. Но она называется простою по той причинѣ, что то, что имѣеть, и есть она сама, за исключеніемъ того, что говорится о каждомъ лицѣ по отношенію къ другому. Ибо хотя Отецъ имѣеть Сына, однакожъ Онъ не есть Сынъ; и Сынъ имѣеть Отца, тѣмъ не менѣе Онъ не Отецъ. Итакъ, насколько говорится о Комъ либо изъ нихъ въ отношеніи къ Нему же, Онъ есть то, что имѣеть; такъ напр. самъ Онъ по себѣ называется живымъ, какъ имѣющій жизнь, и эта жизнь и есть самъ Онъ.

Поэтому-то простою называется та природа, которой не свойственно имѣть что либо такое, что она могла бы потерять; или въ которой иное содержащее, и иное содержимое: какъ напримѣръ, сосудъ и какая либо жидкость, тѣло и цвѣтъ, или воздухъ и свѣтъ и теплота, или душа и мудрость. Ибо ни одинъ изъ этихъ предметовъ не есть то, что онъ имѣеть или содержать. Ни сосудъ не есть жидкость, ни тѣло—цвѣтъ, ни воздухъ—свѣтъ или теплота, ни душа—мудрость. Отъ того они могутъ лишиться этихъ вещей, которыя они имѣютъ, перейти въ другія состоянія или измѣнить свойства: сосудъ, напримѣръ, можетъ освободиться отъ жидкости, которою онъ наполненъ; тѣло можетъ потерять цвѣтъ; воздухъ можетъ омрачиться и охладѣть, и душа сдѣлаться неразумною. Но если тѣло будетъ нетлѣннымъ, какъ общается это святымъ въ воскресеніи, то хотя оно и будетъ имѣть неутратимое свойство самаго нетлѣнія;

однако, поколику тѣлесная субстанція останется, не будетъ само нетлѣніе. Ибо нетлѣніе въ каждой отдѣльной части тѣла будетъ цѣльнымъ, и не будетъ тамъ большимъ, а здѣсь меньшимъ: потому что ни одна часть не будетъ нетлѣннѣе другой; но само тѣло въ цѣломъ будетъ больше, нежели въ части; однакоже хотя въ немъ одна часть будетъ объемистѣе, другая меньше, болѣе объемистая часть не будетъ нетлѣннѣе той, которая меньше. Итакъ иное есть тѣло, которое не во всякой своей части есть цѣлое тѣло; и иное—нетлѣніе, которое въ каждой части есть цѣлое: потому что каждая часть нетлѣннаго тѣла, хотя она и неровна прочимъ частямъ, въ равной степени нетлѣнна. Для примѣра: отъ того, что палецъ меньше цѣлой руки, рука не будетъ нетлѣннѣе пальца. Итакъ, хотя рука и палецъ неравны, нетлѣнность руки и пальца одинаковы. А потому хотя нетлѣнность неотдѣлима отъ нетлѣннаго тѣла, однакоже иное—субстанція, называемая тѣломъ, и иное ея свойство, называемое нетлѣніемъ. И слѣдовательно она не есть сама то, что имѣеть. Также точно и душа, хотя бы она была и всегда мудрою, какою будетъ, когда освобождена будетъ на вѣки, однакоже будетъ мудрою чрезъ общеніе съ неизмѣняемою мудростію, которая не есть тоже, что душа сама. Ибо и воздухъ, если бы и никогда не былъ оставляемъ свѣтомъ, разлитымъ въ немъ, не пересталъ бы быть инымъ въ отношеніи къ свѣту, которымъ онъ освѣщается. Я не хочу этимъ сказать, что душа есть воздухъ; такъ думали нѣкоторые, не могшіе представить себѣ безтѣлесное естество. Но душа и воздухъ, не смотря на великое между ними различіе, имѣютъ нѣкоторое сходство, такъ что не будетъ несообразностью сказать, что безтѣлесная душа просвѣщается безтѣлеснымъ свѣтомъ престои Премудрости Божіей такъ же точно, какъ тѣлесный воздухъ освѣщается тѣлеснымъ свѣтомъ; и какъ воздухъ, оставленный этимъ свѣтомъ, помрачается (ибо такъ называе-

мая тьма какого-либо тѣлеснаго мѣста есть ничто иное, какъ воздухъ, не имѣющій свѣта), такъ помрачается и душа, лишенная свѣта Премудрости.

Итакъ, соотвѣтственно этому попреимуществу и истинно божественное потому и называется простымъ, что въ немъ не иное свойство, и не иное существіе; и что оно не по общенію съ другимъ божественно, или премудро, или блаженно. Впрочемъ въ священномъ Писаніи Духъ премудрости называется многочастнымъ (Прем. VII. 22), потому что Онъ многое имѣетъ въ себѣ; но то, что Онъ имѣетъ, есть также Онъ, и это все—одинъ. Ибо существуютъ не многія, но одна Премудрость, заключающая въ себѣ нѣкоторыя неизмѣримыя и безконечныя сокровища разумныхъ вещей, въ числѣ коихъ всѣ невидимыя и неизмѣняемыя основы вещей, видимыхъ и невидимыхъ, чрезъ нее же сотворенныхъ. Ибо Богъ не творилъ ничего, не зная, какъ не творить, строго говоря, даже и какой либо человѣкъ художникъ; если же Онъ сотворилъ все зная, то безъ сомнѣнія Онъ сотворилъ то, что зналъ. Отсюда вытекаетъ нѣчто удивительное, но тѣмъ не менѣе истинное, именно—что этотъ міръ не могъ бы быть извѣстнымъ намъ, еслибы не существовалъ; но еслибы Богу онъ не былъ извѣстенъ, то и не могъ бы существовать.

ГЛАВА XI.

Слѣдуетъ ли думать, что участниками того блаженства, которымъ всегда отъ начала своего пользовались святые ангелы, были также и тѣ духи, которые не устояли въ истинѣ.

Если это такъ, то тѣ духи, которыхъ мы называемъ ангелами, никоимъ образомъ не были первоначально въ извѣстный промежутокъ времени духами тьмы; но вмѣстѣ

съ тѣмъ, какъ были сотворены, сотворены были свѣтомъ. Ибо они сотворены были не только такъ, чтобы какъ нибудь существовали и какъ нибудь жили: но были вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣщены, чтобы жили разумно и блаженно. Отвратившись отъ этого просвѣщенія, нѣкоторые изъ ангеловъ не удержали за собою преимущества жизни разумной и блаженной, которая безъ всякаго сомнѣнія въ силу того, что вѣчна, беззаботна и спокойна относительно своей вѣчности; но и умную, хотя и неблагоприятную, жизнь имѣютъ такъ, что не могутъ потерять ее, еслибы даже и пожелали. Въ какой же степени они были участниками въ вышеупомянутой мудрости прежде чѣмъ согрѣшили? Развѣ можетъ кто нибудь опредѣлить это? Какимъ образомъ могли бы мы сказать, что по участию въ этой мудрости они были равны тѣмъ ангеламъ, которые по тому-то поистинѣ и вполне блаженны, что не ошибаются въ вѣчности своего блаженства? Будь они равны въ ней съ тѣми, и они также одинаково пребывали бы блаженными вѣчностью этого блаженства; потому что одинаково были бы увѣрены въ ней. Можно было эту жизнь назвать жизнью, пока она продолжалась, но нельзя было назвать ее жизнью вѣчною, если она имѣла прекратиться. Вѣдь жизнь называется отъ того только, что существо живетъ; а вѣчная отъ того, что не имѣетъ конца. Поэтому, хотя не все, что вѣчно, непремѣнно и блаженно (ибо вѣчнымъ называется и огонь, назначенный для наказанія); тѣмъ не менѣе, если поистинѣ и вполне блаженная жизнь есть только вѣчная жизнь, то такую жизнью не была жизнь этихъ духовъ: потому что она имѣла прекратиться и слѣдовательно не была вѣчною, знали ли они о томъ или, не зная, представляли нѣчто другое. Знай они,—имъ не позволялъ бы быть блаженными страхъ, а не знай—не позволяло бы заблужденіе въ томъ, что они блаженны. Если же невѣдѣніе ихъ было такого рода, что они ложному и невѣрному не вѣрили, но

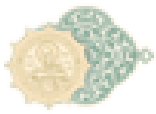

не имѣли точнаго представленія ни о томъ, вѣчно ли будетъ ихъ блаженство, ни о томъ, что оно когда нибудь будетъ имѣть свой конецъ; то самое сомнѣніе въ столь великомъ счастіи исключало ту полноту блаженной жизни, какая, какъ мы вѣримъ, свойственна святымъ ангеламъ. Ибо слову блаженная жизнь мы не придаемъ такого крайне тѣснаго значенія, чтобы называть блаженнымъ одного Бога, который, разумѣется, поистинѣ столь блаженъ, что большаго блаженства и не можетъ быть. Что въ сравненіи съ Нимъ блаженство ангеловъ, блаженныхъ въ своемъ родѣ высшимъ блаженствомъ, какое только возможно для ангеловъ?

ГЛАВА XII.

Сравненіе блаженства праведныхъ, не обладающихъ еще наградой божественнаго обитованія, съ блаженствомъ первыхъ людей въ раю до паденія.

Что касается до разумной и надѣленной умомъ твари, то мы полагаемъ, что и не одни ангелы должны называться блаженными. Ибо кто осмѣлится отрицать, что первые люди были въ раю блаженными до грѣха, хотя и не были увѣрены, будетъ ли блаженство и продолжительно или будетъ оно вѣчно (а оно было бы вѣчно, если бы они не согрѣшили); когда и въ настоящее время, безъ всякой мысли о превозношеніи, называемъ блаженными тѣхъ, о которыхъ знаемъ, что они въ надеждѣ на будущее безсмертіе проводятъ земную жизнь праведно и благочестиво, безъ преступленія, отягощающаго совѣсть, и легко приклоняютъ милосердіе Божіе къ грѣхамъ своей немощи? Хотя и убѣждены они въ наградѣ за свое постоянство, однакоже относительно самаго постоянства неувѣрены. Ибо кто изъ людей можетъ знать, что онъ до конца пребудетъ непоколебимымъ въ упражненіи и въ преуспѣяніи въ справедливости, если посред-

ствомъ какого-либо откровенія не будетъ обнадеженъ Тѣмъ, Который относительно этого праведнымъ и таинственнымъ судомъ своимъ хотя не всѣхъ предувѣдомляетъ, никого однакоже не обманываетъ? Итакъ, что касается до наслажденія настоящимъ благомъ, то первый человѣкъ въ раю былъ блаженнѣе, чѣмъ всякій праведникъ въ настоящей немощи смертной; но въ томъ, что касается надежды будущаго, то всякій, кому непредположительно, но съ достовѣрною истинною извѣстно, что онъ будетъ обитать въ чуждомъ всякой скорби обществѣ ангеловъ безъ конца, наслаждаясь въ тоже время общеніемъ съ высочайшимъ Богомъ,—всякій, при какихъ угодно тѣлесныхъ страданіяхъ, будетъ блаженнѣе, чѣмъ былъ тотъ первый человѣкъ, неувѣренный въ великомъ счастіи рая.

ГЛАВА XIII.

Всѣ ли ангелы сотворены равно блаженными, но такъ, что падшіе не могли знать, что они падутъ, а устоявшіе получили предвѣдѣніе о своемъ постоянствѣ только послѣ паденія падшихъ.

Отсюда уже для всякаго безъ труда ясно, что блаженство, къ которому, какъ къ своей истинной цѣли, стремится разумная природа, условливается соединеніемъ того и другаго, а именно: она должна безпечально наслаждаться неизмѣняемымъ благомъ, которое есть Богъ, и въ тоже время не должна ни подвергаться какому либо сомнѣнію, ни обманываться какимъ либо заблужденіемъ относительно того, что будетъ вѣчно пребывать въ Немъ. Съ благочестивою вѣрою мы думаемъ, что ангелы свѣта обладаютъ этимъ блаженствомъ; но само собою слѣдуетъ, что ангелы согрѣшившіе лишившіеся этого свѣта вслѣдствіе своей развращенности, не обладали имъ и прежде, чѣмъ они пали; хотя и нужно пола-

гать, что они обладали нѣкоторымъ, хотя относительно будущей судьбы и неизвѣстнымъ блаженствомъ, если жили нѣкоторое время до паденія. А если покажется несообразнымъ, что, когда сотворены были ангелы, одни изъ нихъ сотворены были такъ, что не получили предвѣдѣнія относительно своего постоянства или паденія, а другіе такъ, что съ положительнѣйшею достовѣрностію знали вѣчность своего блаженства; а между тѣмъ всѣ отъ начала сотворены съ равнымъ блаженствомъ и пребывали такими, пока тѣ ангелы, которые нынѣ злы, не отпали по своей волѣ отъ этого свѣта умственной и нравственной чистоты: то безъ сомнѣнія еще гораздо несообразнѣе думать, будто святые ангелы не увѣрены въ вѣчномъ своемъ блаженствѣ, и относительно себя самихъ не знаютъ того, что мы могли узнать о нихъ при помощи Святыхъ Писаній. Ибо кто изъ православныхъ христіанъ не знаетъ, что изъ добрыхъ ангеловъ не будетъ болѣе никакого новаго діавола, равно какъ и того, что и діаволъ не возвратится болѣе въ сообщество добрыхъ ангеловъ? Въ Евангеліи истина общается святымъ и вѣрнымъ, что они будутъ равны ангеламъ Божиимъ (Мѣ. XXII, 30); имъ общается также, что они войдутъ въ жизнь вѣчную (Мѣ. XXII, 46). А за тѣмъ, если мы увѣрены, что никогда не отпадемъ отъ этого безсмертнаго счастья, они неувѣрены: то мы уже будемъ имѣть преимущество передъ ними, а не будемъ равными имъ. Но поелику истина никогда не обманываетъ, и мы будемъ равными имъ; то безъ сомнѣнія и они также увѣрены въ вѣчности своего счастья. Поелику же тѣ другіе (падшіе духи) не имѣли точнаго объ этомъ знанія; ибо счастье ихъ, въ коемъ они были увѣрены, не было вѣчнымъ, такъ какъ должно было имѣть конецъ: то остается предположить, что ангелы были или неравны между собою, или, если равны, то добрые ангелы только послѣ паденія злыхъ достигли опредѣленнаго знанія относительно сво-

его вѣчнаго счастія. Развѣ, можетъ быть, кто нибудь скажетъ, что сказанное Господомъ о діаволѣ въ Евангеліи: *Онъ челоукоубійца бы искони, и во истинѣ не стоитъ* (Іоан. УІІІ, 44), слѣдуетъ понимать не въ томъ только смыслѣ, что онъ былъ челоукоубійцею отъ начала, т. е. отъ начала челоуческаго рода, съ того момента, когда сотворенъ былъ челоукъ, котораго онъ могъ бы убить посредствомъ оболъщенія. Но онъ-де не устоялъ въ истинѣ отъ начала своего сотворенія, и потому никогда не былъ блаженнымъ вмѣстѣ съ святыми ангелами; такъ какъ отказывался быть въ подчиненіи своему Создателю, находилъ гордое удовольствіе какъ бы въ своемъ особомъ частномъ могуществѣ, а чрезъ то являлся лицемѣрнымъ и лживымъ: потому что никогда не могъ уйдти отъ силы Всемогущаго, и не желалъ въ благочестивомъ подчиненіи сохранять то, что дѣйствительно есть, усиливался по гордой надменности ложно изображать то, чего не было. Въ этомъ-де смыслѣ должно быть понимаемо и сказанное блаженнымъ апостоломъ Іоанномъ. *Исперва діаволъ согрѣшаетъ*. (1 Іоан. ІІІ, 8), т. е. что съ того момента, когда сотворенъ былъ, онъ отрекся отъ истины, которою можетъ обладать только благочестивая и преданная Богу воля. Кто удовлетворяется такимъ мнѣніемъ, тотъ еще не единомысленъ съ извѣстными еретиками, т. е. манихеями. Впрочемъ и нѣкоторыя другія зловредныя ереси держатся того образа мыслей, что діаволъ какъ бы отъ нѣ котораго противоположнаго (благому Богу) начала получилъ свою собственную въ извѣстномъ родѣ злую природу. Въ суетности своей они доходятъ до такого безумія, что, хотя уважаютъ одинаково съ нами вышеприведенныя евангельскія слова, не обращаютъ вниманія на то, что Господь не сказалъ: *діаволъ чуждъ былъ истинѣ*, но сказалъ: *во истинѣ не стоитъ*. Этимъ Онъ хотѣлъ дать повясть, что діаволъ отпалъ отъ истины; а еслибы устоялъ въ ней, то, сдѣлавъ

шишь ея участникомъ, пребывалъ бы блаженнымъ вмѣстѣ съ святыми ангелами.

ГЛАВА XIV.

О томъ оборотъ рѣчи, который употребленъ о діаволѣ, что онъ во истинѣ не стоитъ, потому что истинны нѣтъ въ немъ.

Затѣмъ, какъ бы отвѣчая на вопросъ нашъ: откуда видно, что діаволъ не устоялъ въ истинѣ,—Господь показываетъ, откуда это видно, и говоритъ: *яко нѣтъ истинны въ немъ*. Она была бы въ немъ, еслибы онъ устоялъ въ ней. Оборотъ рѣчи мало употребительный. Словами: *во истинѣ не стоитъ, яко нѣтъ истинны въ немъ* (Іоан. VIII, 44), дается какъ будто такая мысль, что онъ не устоялъ въ истинѣ потому, что въ немъ не было истины; между тѣмъ какъ главнѣйшею причиною, что въ немъ нѣтъ истины, служить то, что онъ не устоялъ въ истинѣ. Подобный оборотъ употребленъ и въ псалмѣ: *Азъ воззвахъ, яко услышалъ мя еси Боже* (Пс. XVI, 6). Повидимому слѣдовало бы сказать: *Услышалъ мя еси Боже, яко азъ воззвахъ*. Но онъ сказалъ: *Азъ воззвахъ*; а за тѣмъ, какъ бы отвѣчая на вопросъ: чѣмъ онъ доказываетъ, что онъ воззвалъ, указываетъ на произведенное его воззваніемъ къ Богу дѣйствіе,—на то, что Богъ услышалъ его. Онъ какъ бы такъ говоритъ: я показываю здѣсь, что я воззвалъ, поелику Ты услышалъ меня.

ГЛАВА XV.

Что нужно думать о выраженіи Писанія: Исперва діаволъ согрѣшаетъ.

Такъ и относительно извѣстныхъ словъ Іоанна о діаволѣ: *исперва діаволъ согрѣшаетъ* (1 Іоан. III, 8); они не

понимають, что если это естественное дѣло, то оно никакимъ образомъ не составляетъ грѣха. А въ такомъ случаѣ что сказать относительно пророческихъ свидѣтельствъ, — того ли, что говоритъ Исаія, обозначая діавола подѣ образомъ князя вавилонскаго: *Какъ спадетъ съ небесе денница восходящая завтра?* (Исх. XIV, 12); или того, что говоритъ Іезекииль: *Въ сладости рая Божія былъ еси, всякимъ камнемъ драгимъ украсился еси* (XXVIII, 13)? Изъ этихъ словъ видно, что онъ нѣкогда былъ безъ грѣха. Ибо нѣсколько далѣе говорится ему съ большею выразительностію: *былъ еси ты непороченъ во дняхъ твоихъ* (15 ст.). Если эти слова не могутъ имѣть другаго болѣе соответственнаго значенія, то и сказанное: *въ истинѣ не стоишь*, — мы должны понимать въ томъ смыслѣ, что онъ пребывалъ въ истинѣ, но не остался въ ней. И на основаніи этого выраженія: *исперва діаволъ согрѣшаетъ*, слѣдуетъ полагать, что онъ согрѣшаетъ не отъ того начала, когда онъ былъ сотворенъ, но отъ начала грѣха, потому что грѣхъ получилъ начало отъ его гордости. Равнымъ образомъ и то, что написано въ книгѣ Іова, когда рѣчь идетъ о діаволѣ: *Сіесть начало созданія Господня: сотворенъ поруганъ быти ангелы его* (Іов. XL, 14), — согласно съ чѣмъ повидимому говоритъ и псаломъ, въ которомъ читается: *змій сей, егоже создалъ еси ругатися ему* (СIII, 26), должно быть понимаемо нами не въ томъ смыслѣ, будто онъ съ самаго начала созданъ былъ такимъ, чтобы надъ нимъ издѣвались ангелы, а въ томъ, что онъ подпалъ этому наказанію послѣ грѣха. Итакъ по началу своему онъ есть созданіе Господне; ибо даже въ числѣ послѣднихъ и низшихъ животныхъ нѣтъ никакого естества, котораго бы онъ не сотворилъ: отъ Него всякая мѣра, всякій видъ, всякій порядокъ, безъ которыхъ нельзя ни указать, ни вообразить ни одной вещи, а тѣмъ болѣе ангельской твари, которая достоин-

ствомъ своей природы превосходить все остальное, созданное Богомъ.

ГЛАВА XVI.

О степеняхъ и различіи тварей, иначе опредѣляемыхъ съ точки зрѣнія пользы, и иначе—съ точки зрѣнія разумнаго порядка.

Ибо въ ряду того, что какимъ либо образомъ существуетъ, но что не есть Богъ, отъ Котораго сотворено, живущее ставится выше неживущаго, равно какъ и имѣющее силу рождать и даже желать, ставится выше того, что не имѣетъ такого побужденія. И между живущими существами чувствующія ставятся выше не чувствующихъ, какъ животныя, напримѣръ, выше деревьевъ. И между чувствующими разумныя ставятся выше неразумныхъ, какъ люди, напримѣръ, животныхъ. И между разумными безсмертныя ставятся выше смертныхъ, какъ ангелы выше людей. Все это ставится одно выше другаго въ силу порядка натуры. Но есть и другія разныя мѣрки для оцѣнки вещей по той личной пользѣ, которую онѣ приносятъ тому или другому. Такъ бываетъ, что мы иныя безчувственные вещи предпочитаемъ другимъ, обладающимъ чувствами, и до такой степени, что, будь то въ нашей власти, мы рѣшили бы вовсе уничтожить ихъ въ природѣ, или по незнанію того мѣста, какое онѣ занимаютъ въ ней, или, и при знаніи этого мѣста, потому, что ставимъ ихъ ниже нашихъ удобствъ. Ибо кто не пожелалъ бы имѣть въ своемъ домѣ лучше хлѣбъ, чѣмъ мышей, и лучше деньги, чѣмъ блохъ? Да и что удивительнаго, когда при оцѣнкѣ даже людей, природа которыхъ по истинѣ отличается высокимъ достоинствомъ, по большей части дороже цѣнятся конь, чѣмъ рабъ, и дороже драгоценный камень, чѣмъ служанка? Такимъ образомъ при свободѣ сужденія су-

ществуетъ большое различіе между разумнымъ основаніемъ мыслителя и потребностію нуждающагося или удовольствіемъ желающаго: тогда какъ первое направляется къ тому, что само по себѣ имѣетъ цѣну въ различныхъ степеняхъ вещей, потребность обращаетъ вниманіе на то, къ чему она стремится; первое ищетъ того, что открывается истиннымъ для свѣта умственного, а удовольствіе ищетъ того, что пріятно ласкаетъ тѣлесныя чувства. Однакожъ у разумныхъ натуръ какъ бы нѣкоторый своего рода вѣсъ воли и любви имѣетъ столь великое значеніе, что хотя въ порядкѣ природы ангелы предпочитаютъ людямъ, однакоже по закону справедливости добрые люди предпочитаютъ злымъ ангеламъ.

ГЛАВА XVII.

О томъ, что порокъ злобы не въ натурѣ, но противъ натуры, для которой причиною грѣха служитъ не Создатель, а воля.

Итакъ мы не ошибаемся, когда полагаемъ, что выраженіе: *сіесть начало созданія Господня* (Іов. XL, 14), относится къ природѣ, а не къ злобѣ діавола; потому что нѣтъ сомнѣнія, что пороку злобы предшествовала природа неповрежденная. Порокъ же до такой степени противенъ природѣ, что не вредитъ природѣ. Отступить отъ Бога не было бы порокомъ, еслибы природѣ, для которой это составляетъ порокъ, не соответствовало болѣе быть съ Богомъ. Вотъ почему даже злая воля служитъ сильнымъ свидѣтельствомъ доброй природы. Но Богъ, какъ лучший Творецъ доброй природы, такъ и справедливѣйшій распорядитель злой воли: когда она злоупотребляетъ доброю природою, Онъ пользуется для самаго добра злою волею. Вслѣдствіе этого Онъ устроилъ такъ, что діаволъ, сотворенный Имъ добрымъ, но сдѣлавшійся злымъ по своей волѣ, уничиженный, находится въ

поруганіи Его ангеловъ, въ томъ смыслѣ, что искушенія его служатъ въ пользу святымъ, которымъ онъ желаетъ нанести ими вредъ. А такъ какъ Богъ, созидая его, безъ сомнѣнія зналъ будущую злобу его, и предвидѣлъ, какія блага извлечетъ Онъ изъ злыхъ дѣлъ его: то псаломъ и говорить: *зміи сей, егоже создалъ еси ругатися ему* (СН, 26), чтобы дать понять, что въ то самое время, когда Онъ сотворилъ его, и по своей благодати сотворилъ добрымъ, Онъ уже по своему предвѣдѣнію предуготовлялъ то, какъ воспользоваться имъ и злымъ.

ГЛАВА ХУІІІ.

О красотѣ вселенной, которая по устроенію Божію дѣлается еще прекраснѣе отъ сопоставленія противоположностей.

Богъ не создалъ никого,—не говорю изъ ангеловъ, но даже изъ людей, о комъ Онъ зналъ напередъ, что онъ сдѣлается злымъ, и въ тоже время не зналъ бы, какую благоую пользу извлечетъ Онъ изъ него, и такимъ образомъ украсить рядъ вѣковъ, какъ какой нибудь превосходнѣйшій стихъ, своего рода какъ бы антитезами. Ибо такъ называемыя антитезы, которыя полатыни называются противоположеніями, или выразительнѣе,—противопоставленіями, служатъ наилучшимъ украшеніемъ рѣчи. У насъ не употребляется это слово, хотя самыми украшеніями этого рода пользуется и латинская рѣчь, даже—языки всѣхъ народовъ. Такими антитезами и Апостолъ Павелъ, въ второмъ посланіи къ Коринѳянамъ, увлекательно излагаетъ то мѣсто, гдѣ говоритъ: *Въ словеси истины, въ силѣ Божіей, оружіи правды десными и щирми, славою и безчестіемъ, гажденіемъ и благохваленіемъ: яко лестцы, и истинни яко незнаеми, и познаваемы: яко умирающе, и се живи есмы: яко наказуеми, а*

не умерщвляемъ: яко скорбяще, присно же радующеся: яко нищии, а мнози богатые: яко ничтоже имущи, а вся содержаще (VI, 7—10). Итакъ, какъ взаимное сопоставленіе противоположностей придаетъ красоту рѣчи, такъ изъ сопоставленія противоположностей, изъ своего рода краснорѣчія не словъ, а вещей, образуется красота міра. Это весьма ясно выражено въ книгѣ Екклесіастъ слѣдующимъ образомъ: *(яко) противу злему благое, и противу смерти животъ; тако противу благочестиваго грѣшникъ. И сице воззри во вся дѣла Вышняго: двое двое, едино противу единому* (Сир. XXXIII, 15).

ГЛАВА XIX.

Какъ повидимому слѣдуетъ разумѣть слова Писанія: и разлучи Богъ между свѣтомъ, и между тмою.

Темнота божественной рѣчи полезна въ томъ отношеніи, что она приводитъ къ весьма многимъ истиннымъ сужденіямъ и вводитъ въ свѣтъ знанія, когда одинъ понимаетъ ее такъ, другой иначе. Но нужно, чтобы смыслъ, заключающійся въ темномъ мѣстѣ, подтверждался или очевидностію вещей или другими мѣстами, менѣе сомнительными; или, если говорится о многомъ, чтобы вытекала та мысль, которую имѣлъ въ виду писатель; а если она ускользаетъ, то чтобы разъясненіе темнаго мѣста дало нѣкоторыя другія истины. Поэтому мы не представляется несообразнымъ съ дѣлами Божіими мнѣніе, что подъ тѣмъ сотвореніемъ перваго свѣта, разумѣется созданіе ангеловъ, а раздѣленіе между святыми и нечистыми ангелами—тамъ, гдѣ сказано: *И разлучи Богъ между свѣтомъ, и между тмою. И нарече Богъ свѣтъ день, а тму нарече ночь* (Быт. 1, 5). Подобное раздѣленіе могъ произвести одинъ Тотъ, Кто въ состояніи былъ прежде, чѣмъ они пали, предвидѣть, что они падутъ и пребудутъ въ мрачной гордости, лишившись свѣта

истины. Ибо раздѣленіе между извѣстнѣйшимъ намъ днемъ и ночью, т. е. между земнымъ свѣтомъ и земною тьмою, Онъ повелѣлъ произвести такъ хорошо знакомымъ для нашихъ чувствъ свѣтиламъ небеснымъ: *Да будутъ свѣтила на тверди небесный, освѣщать землю, и разлучати между днемъ, и между ночью.* И немного далѣе: и сотвори Богъ два свѣтила великая: свѣтило великое въ начала дне, и свѣтило меньшее въ начала ночи, и звезды. И положи я Богъ на тверди небесный, яко свѣтити на землю, и владѣти днемъ и ночью, и разлучати между свѣтомъ и между тмою (Быт. 1, 14, 16). Но между тѣмъ свѣтомъ, который есть святое общество ангеловъ, свѣтящееся духовно во свѣтъ истины, и противоположно ему тьмою, т. е. отвратительнѣйшими душами злыхъ ангеловъ, уклонившихся отъ свѣта правды, могъ положить раздѣленіе только самъ Онъ, для котораго не могло быть тайнымъ или неизвѣстнымъ и будущее зло,—зло не природы, но воли.

ГЛАВА XX.

О томъ, что сказано послѣ отдѣленія свѣта отъ тьмы: и видѣ Богъ свѣтъ, яко добро.

Затѣмъ, не слѣдуетъ обойти молчаніемъ и того, что послѣ сказаннаго Богомъ: *Да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ,* тотчасъ же прибавлено: *И видѣ Богъ свѣтъ, яко добро,* а не послѣ того, какъ Онъ положилъ раздѣленіе между свѣтомъ и тьмою и назвалъ свѣтъ днемъ, а тьму ночью. Это для того, чтобы не показалось, будто вмѣстѣ съ свѣтомъ Онъ далъ свидѣтельство своего благоволенія и такой тьмѣ. Ибо тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о тьмѣ безупречной, между которою и между свѣтомъ, видимымъ для этихъ глазъ, полагаютъ раздѣленіе свѣтила небесныя,—тамъ не прежде, а послѣ замѣчается: *И видѣ Богъ, яко добро. И положи я*

Богъ на тверди небесней, яко свѣтити на землю, и владѣти днемъ и ночью, и разлучати между свѣтомъ и между тмою: и видѣть Богъ, яко добро. И то и другое ему угодно, потому что и то и другое безъ грѣха. Но тамъ, гдѣ Богъ сказалъ: Да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ. И видѣть Богъ свѣтъ, яко добро, и послѣ того замѣчается: И разлучи Богъ между свѣтомъ и между тмою. И нарече Богъ свѣтъ день, а тму нарече ночь,—тамъ не прибавлено вслѣдъ за этимъ: И видѣть Богъ, яко добро. Это для того, чтобы не называть добромъ и то и другое, такъ какъ одно изъ этого было зломъ по собственной винѣ, а не по природѣ. Поэтому Творцу въ этомъ случаѣ и пріятенъ только одинъ свѣтъ; а тьма ангельская, хотя и должна была войти въ порядокъ міровой, не должна была получить одобренія.

ГЛАВА XXI.

О вѣчномъ и неизмѣняемомъ знаніи и волѣ Бога, по которымъ Ему все сотворенное также нравилось прежде творенія, какъ и по сотвореніи.

Что высказывается въ изреченіи, употребляемомъ при всякомъ случаѣ: *видѣть Богъ, яко добро*, какъ не одобреніе творенія, созданнаго соотвѣтственно художеству, которое есть Премудрость Божія? Но Богъ не тогда только узналъ, что оно добро, когда оно было сотворено: ничего этого и не было бы, еслибы оно не было Ему извѣстно. Итакъ, когда Богъ, видитъ, что добро, то, чего ни въ какомъ случаѣ не было бы, если бы Онъ не видѣлъ его прежде, чѣмъ оно явилось: то Онъ научаетъ, а не научается, что это добро. Платонъ употребляетъ еще болѣе смѣлое выраженіе, именно—

что Богъ восхищенъ былъ радостію по окончаніи творенія вселенной. И онъ въ этомъ случаѣ не до такой степени безумствуетъ, чтобы думать, будто Богъ сдѣлался блаженнѣе вслѣдствіе новаго своего творенія; онъ хотѣлъ этимъ показать, что художникъ былъ доволенъ тѣмъ, уже сотвореннымъ, чѣмъ былъ доволенъ въ идеѣ, соответственно которой оно должно было быть сотворено. Знаніе Божіе отнюдѣ не имѣетъ такого разнообразія, чтобы въ немъ иначе представлялось то, чего еще нѣтъ, иначе то, что уже есть, и иначе то, что будетъ. Ибо Богъ прозираетъ будущее, взираетъ на настоящее, и озираетъ прошедшее не по нашему, но нѣкоторымъ инымъ образомъ, далеко отличнымъ отъ обыкновеннаго образа нашего мышленія. Не перемѣняя мысли изъ одного въ другое Онъ видитъ, но совершенно неизмѣняемымъ образомъ. Изъ того, что совершается во времени, будущее, напримѣръ, еще не существуетъ, настоящее только что существуетъ, прошедшее уже не существуетъ; но Онъ все это обнимаетъ въ постоянномъ и вѣчномъ настоящемъ. И не иначе созерцаетъ Онъ глазами, и иначе умомъ: потому что Онъ не состоитъ изъ души и тѣла; не иначе теперь, не иначе прежде, и не иначе послѣ: потому что Его знаніе не измѣняется, какъ наше, по различію времени, настоящаго, прошедшаго и будущаго. *У него нѣтъ преткновенія, или преложенія стѣны* (Іак. I, 17). Отъ мысли къ мысли не переходитъ намѣреніе того, въ чемъ безтѣлесномъ созерцаніи все, что Онъ знаетъ, существуетъ одновременно вмѣстѣ. Онъ такъ знаетъ времена безъ всякихъ понятій временнаго свойства, какъ приводитъ въ движеніе временное безъ всякихъ движеній временнаго свойства. И потому тамъ, гдѣ Онъ видѣлъ добрымъ то, что сотворилъ, тамъ онъ видѣлъ доброе, чтобы сотворить его. И то, что Онъ увидѣлъ сотвореннымъ, не удвоило Его знанія или не увеличило его въ нѣкоторой части, такъ какъ бы Онъ имѣлъ менѣе знанія прежде, чѣмъ

сотворилъ то, что увидѣлъ: Онъ не дѣйствовалъ бы съ такимъ совершенствомъ, если бы не было такъ совершенно Его знаніе, къ которому ничего не прибавилось отъ Его дѣлъ. Вотъ почему, если бы намъ нужно было дать понятіе о Томъ, Кто сотворилъ свѣтъ, достаточно было сказать: Богъ сотворилъ свѣтъ. Но если нужно было дать понятіе не только о томъ, кто сотворилъ, но и о томъ, посредствомъ чего сотворилъ, нужно было сказать такъ: *И рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ*, чтобы мы знали не только то, что Богъ сотворилъ свѣтъ, но и то, что Онъ сотворилъ его чрезъ свое Слово. Но такъ какъ намъ нужно было указать на три вещи, особенно важныя для познанія твари, а именно: кто сотворилъ ее, чрезъ что сотворилъ, почему сотворилъ; то и говорится: *рече Богъ, да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ. И видѣтъ Богъ свѣтъ, яко добро*. Итакъ, если мы спросимъ: кто сотворилъ? Отвѣтъ — Богъ. Если спросимъ: чрезъ что сотворилъ? *Рече; да будетъ, и бысть*. Если спросимъ: почему сотворилъ? *Яко добро*. Нѣтъ творца превосходяща Бога, ни художества дѣйствительнаго слова Божія, ни причины лучше той, чтобы благо было сотворено благимъ Богомъ. И Платонъ за самую основательную причину сотворенія міра, признаетъ то, что благія творенія должны были произойти отъ благаго Бога¹⁾, — читалъ ли онъ это, или, можетъ быть, узналъ отъ тѣхъ, которые читали, или при своемъ весьма проникающемъ умѣ узрѣлъ невидимое Божіе твореньи помышляемое, или научился у тѣхъ, которые домыслились до этого.

ГЛАВА XXII.

О тѣхъ, которымъ кое что не нравится въ міръ прекрасно созданномъ благимъ Творцемъ, и которые думаютъ, что существуетъ некоторая злая природа.

Этой причины, т. е. благодати Божіей, стремившейся къ созданію благъ, этой, говорю, причины такъ справедливой

¹⁾ Plato in Timaeo.

и такъ достаточной, что она, тщательно взвѣшенная и благочестиво обдуманная, полагаетъ конецъ всѣмъ спорамъ изслѣдователей о началѣ міра, не признавали нѣкоторые еретики. Это на томъ основаніи, что бѣдной и непрочной смертности теперешней плоти, бывшей слѣдствіемъ справедливаго наказанія, наносить вредъ весьма многое, когда ей не соотвѣтствуетъ, какъ напр. огонь, или холодъ, или дикіе звѣри, или что либо въ этомъ родѣ. Они не обращаютъ вниманія даже на то, какое значеніе имѣютъ эти вещи въ своемъ мѣстѣ и по своей природѣ, въ какомъ прекрасномъ порядкѣ располагаются, и насколько каждая вноситъ свою долю красоты какъ бы въ своего рода общую республику, или настолько доставляютъ выгоды и намъ самимъ, если пользуемся ими благоразумно и соотвѣтствующимъ образомъ; такъ что самые яды, пагубные при ненадлежащемъ употребленіи ихъ, обращаются въ спасительныя врачевства при соотвѣтствующемъ употребленіи ихъ, и наоборотъ, тѣ самыя вещи, которыя доставляютъ удовольствіе, какъ напр. пища, питье, даже самый свѣтъ, могутъ оказаться вредными при неумѣренномъ и неблаговременномъ пользованіи ими. Этимъ божественное провидѣніе учитъ насъ не порицать безразсудно вещи, но прилежно извѣдывать пользу ихъ; и тамъ, гдѣ нашъ разумъ или наша слабость окажутся недостаточными, считать эту пользу такъ сокрытою, какъ были сокрыты тѣ вещи, которыя мы съ трудомъ могли обрѣсти. Ибо и самое сокрытіе пользы есть или упражненіе нашей скромности или уничтоженіе надменности: потому что никакое рѣшительно естество не есть зло, и самое имя это показываетъ только лишеніе добра; но на переходѣ отъ земныхъ вещей къ небеснымъ, и отъ видимыхъ къ невидимымъ существуютъ блага одни лучшія другихъ,—для того не одинаковыя, чтобы были всякія. Богъ же такой же великій художникъ въ великомъ, какъ не меньшій въ маломъ. Это малое должно быть

измѣряемо не по своей величинѣ, которая ничтожна, но по мудрости художника. Примѣръ—наружность челоуѣка. Кажется, почти ничего не отнимается у тѣла, если остричь одну бровь, а между тѣмъ какъ много отнимается у красоты, которая заключается не въ массѣ, а въ равенствѣ и симметріи членовъ? И не слѣдуетъ конечно много удивляться тому, что тѣ, которые думаютъ, что есть нѣкоторая злая природа, возникшая и распространившаяся отъ нѣкотораго своего противоположнаго начала, не хотятъ допустить упомянутую причину творенія вещей—что благой Богъ сотворилъ доброе, полагая, что къ великой міровой дѣятельности Онъ скорѣе вынужденъ внѣшнимъ образомъ со стороны воюющаго противъ Него зла, что для обузданія и препобѣжденія зла онъ смѣшалъ со зломъ свое доброе естество, которое, позорнѣйшимъ образомъ запятнанное и подвергшееся жесточайшему илѣненію и угнетенію, съ большимъ трудомъ едва очищаетъ и освобождаетъ, хотя не все: то, котораго Онъ не могъ очистить отъ этого оскверненія, будетъ покровомъ и узами для побѣжденнаго и заключеннаго врага. Манихеи не безумствовали бы или вѣрнѣе не сумазбродствовали бы такъ, еслибы вѣрили, что природа Божія, какова она и есть, неизмѣняема и совершенно нетлѣнна, которой ничто не можетъ вредить; а душу, которая по своей волѣ могла перемѣниться къ худшему и вслѣдствіе грѣха подвергнуться поврежденію, и вслѣдствіе этого лишиться свѣта неизмѣняемой истины, съ христіанскимъ здравомысліемъ признавали не частію Бога, и не тойже природы, какова у Бога, но созданною Имъ и далеко не равною Творцу.

ГЛАВА XXIII.

О заблужденіи, въ которомъ укоряется ученіе Оригена.

Но гораздо болѣе нужно удивляться тому, что даже нѣкоторые изъ тѣхъ, которые вѣруютъ вмѣстѣ съ нами,

что существуетъ только одно начало всѣхъ вещей и что всякая природа, которая не есть то, что Богъ, могла быть сотворена только Имъ,—даже изъ этихъ нѣкоторые не пожелали прямо и просто вѣрить въ такую добрую и простую причину сотворенія міра, то есть, что благой Богъ сотворилъ благо, и что то, что было послѣ Бога, не было тоже, что Богъ; хотя было благомъ, которое могло быть сотворено только благимъ Богомъ. Они говорятъ, что души, хотя и не представляющія собою части Бога, а сотворенныя Богомъ, согрѣшили отступленіемъ отъ Творца, и въ различныхъ степеняхъ соотвѣтственно различію грѣховъ, въ переходѣ отъ неба до земли, получили въ наказаніе различныя тѣла, какъ бы темницы; что такимъ-де образомъ получился міръ, и причиною творенія міра было не то, чтобы сотворено было благо, а то, чтобы обуздано было зло. За это справедливо укоряютъ Оригена. Это онъ утверждалъ и писалъ въ книгахъ, которыя онъ называетъ *περί Αρχῶν*, т. е. о началахъ. При этомъ я не могу достаточно надивиться, какъ такой ученый и такъ много упражнявшійся въ церковныхъ писаніяхъ человѣкъ не обратилъ прежде всего вниманія на то, что это противорѣчить прямому намѣрею Писанія, обладающаго столь великимъ авторитетомъ, которое при всѣхъ дѣлахъ Божіихъ прибавляетъ: *И видѣ Богъ, яко добро*; а по завершеніи всего говоритъ: *И видѣ Богъ вся, елика сотвори; и се добра зело* (Быт. 1, 31). Оно хотѣло дать понять, что нѣтъ никакой другой причины сотворенія міра, кромѣ той, чтобы добро произошло отъ благаго Бога. Еслибы никто не согрѣшилъ, міръ былъ бы украшенъ и наполненъ только добрыми натурами; а если и есть грѣхъ, то отъ этого не все еще наполнено грѣхами, потому что гораздо большее число добрыхъ существъ на небесахъ блюдетъ порядокъ своей природы. И злая воля, не пожелавшая соблюдать порядокъ природы, не ускользаетъ еще вслѣдствіе этого

отъ законовъ праведнаго Бога, все направляющаго къ добру. Ибо какъ картина съ чернымъ цвѣтомъ, положеннымъ на надлежащемъ мѣстѣ, такъ и совокупность вещей, если кто сможетъ окинуть ее взоромъ, представляется прекрасною даже съ грѣшниками, хотя безобразіе ихъ, когда они разсматриваются сами по себѣ, дѣлаетъ ихъ гнусными.

За тѣмъ Оригенъ и другіе, держащіеся тогоже образа мыслей, долженъ былъ обратить вниманіе на то, что, еслибы это мнѣніе было истинно, то міръ былъ бы сотворенъ для того, чтобы души принимали тѣла, какъ бы своего рода смирительные дома, въ которые заключались, по мѣрѣ грѣховъ своихъ: высшія и легчайшія тѣ, которыя согрѣшили менѣе, а низшія и болѣе тяжелыя тѣ, которыя болѣе согрѣшили; тѣла земныя, которыхъ нѣтъ ничего ниже и тяжелѣе, должны были бы скорѣе имѣть демоны, которые хуже всего, чѣмъ злые люди. А между тѣмъ,—чтобы дать намъ понять, что нравственныя качества душъ должны оцѣниваться не свойствами тѣлъ,—злѣйшій демонъ получилъ воздушное тѣло; человекъ же, хотя и злой въ настоящее время, но злость котораго гораздо меньше и умѣреннѣе, несомнѣнно еще до грѣха получилъ тѣло изъ персти. Можно ли сказать глупость большую такой, напримѣръ, что созидая это солнце, чтобы оно было одно въ одномъ мірѣ, художникъ—Богъ имѣлъ въ виду не красоту или даже благосостояніе вещей тѣлесныхъ; а что это произошло скорѣе отъ того, что одна душа согрѣшила такъ, что заслужила заключеніе въ такомъ именно тѣлѣ? Случись, что подобнымъ образомъ и одинаково согрѣшили бы не одна, а двѣ, и даже не двѣ, а десять или сто душъ, міръ этотъ стало бы имѣть бы сто солнцевъ. Что этого не произошло, зависѣло не отъ удивительной предусмотрительности Творца, направленной къ благосостоянію и красотѣ вещей тѣлесныхъ, а просто отъ случайности,—отъ того, что паденіе одной души остано-

лось на такой степени, что она одна заслужила подобное тѣло... Говоря безъ околичностей, въ обузданіи нуждаются не падшія души, относительно которыхъ они не знаютъ, что говорить, а сами они, которые такъ думаютъ, слишкомъ далеко уклоняясь отъ истины. Итакъ, въ этихъ трехъ отвѣтахъ, указанныхъ мною выше, на вопросы о какой либо твари: кто сотворилъ ее, чрезъ что сотворилъ, почему сотворилъ,—въ отвѣтахъ: Богъ, чрезъ слово, потому что добро, не содержится ли таинственно глубокое указаніе намъ на саму Троицу, т. е. Отца и Сына и святаго Духа? Или встрѣчается что либо, недопускающее разумѣть этого въ упомянутомъ мѣстѣ Писаній? Вопросъ этотъ требуетъ продолжительной бесѣды, и не слѣдуетъ ожидать отъ насъ, чтобы мы уяснили все въ одной книгѣ.

ГЛАВА XXIV.

О божественной Троицѣ, которая по всему творенію разстѣяла признаки своей троичности.

Вѣруемъ, непоколебимо содержа и искренно проповѣдуемъ, что Отецъ родилъ Слово, т. е. Премудрость, чрезъ которую все сотворено, едиnorodнаго Сына, единый — единаго, вѣчный—совѣчнаго, высочайше благій—равно благаго; и что Духъ Святый есть вмѣстѣ Духъ и Отца и Сына, и самъ единосущенъ и совѣченъ обоимъ; и что все это есть Троица по свойству лицъ, и одинъ Богъ по нераздѣльному божеству, какъ и одинъ всемогущій по нераздѣльному всемогуществу; но такъ однакоже, что когда спрашивается объ одномъ изъ нихъ, говоримъ въ отвѣтъ, что каждый изъ нихъ есть и Богъ и всемогущій, а когда обо всѣхъ вмѣстѣ,—то не три Бога или три всемогущихъ, но одинъ Богъ всемогущій: таково въ трехъ нераздѣльное единство, и такъ оно должно быть исповѣдуемо. Но можетъ ли святыи Духъ благаго Отца

и благаго Сына, на томъ основаніи, что Онъ общъ имъ обоимъ, правильно называться благостію обоихъ,—объ этомъ я не дерзаю поспѣшно высказать необдуманное сужденіе; съ большою смѣлостію я называлъ бы Его святостію обоихъ,—не въ смыслѣ свойства обоихъ, но представляя, что и Онъ также субстанція и третье лице въ Тройцѣ. На послѣднее съ большою вѣроятностію наводитъ меня то, что, хотя и Отецъ духъ и Сынъ духъ, и Отецъ святъ и Сынъ святъ, однакоже собственно Духъ называется Духомъ Святымъ, какъ святость субстанціальная и сосубстанціальная обоимъ. Но если божественная благость есть ничто иное, какъ святость, то будетъ прямымъ логическимъ выводомъ, а не смѣлостію предположенія думать, что въ повѣствованіи о твореніяхъ Божіихъ, когда рѣчь идетъ о томъ, кто сотворилъ ту или иную тварь, чрезъ что сотворилъ, для чего сотворилъ, нѣкоторымъ таинственнымъ образомъ выраженія, возбуждающимъ наше вниманіе, дается намъ уразумѣвать ту же Троицу. То, конечно, Отецъ Слова, кто сказалъ: *Да будетъ*. А что сотворилось, когда Онъ говорилъ, то безъ сомнѣнія сотворено чрезъ Слово. Выраженія же: *Виднъ Богъ, яко добро*, достаточно показываютъ, что Богъ безъ всякой необходимости, безъ всякаго соображенія о какой либо собственной пользѣ, но по одной своей благости сотворилъ то, что сотворено, то есть, сотворилъ потому, что добро. Для того объ этомъ и говорится послѣ творенія, чтобы показать, что сотворенное соотвѣтствуетъ благости, по которой оно сотворено. Если подъ этою благостію справедливо разумѣется Духъ Святый, то въ твореніяхъ Божіихъ намъ открывается вся Троица. Отсюда и въ святомъ Градѣ Божіемъ, который горѣ состоитъ изъ Ангеловъ святыхъ, различается начало, образованіе и блаженство. Спросите, откуда онъ?—Богъ создалъ. Спросите,—откуда его мудрость?—Богъ просвѣщаетъ его.—Откуда его блаженство?—Богомъ наснаждается. Суще-

ствуя, имѣть опредѣленный видъ бытія; созерцая, просвѣщается; прилѣпляясь, увеселяется. Есть, созерцаетъ, любить. Въ вѣчности Божіей получаетъ крѣпость; въ истинѣ Божіей сіяетъ свѣтомъ; въ благодати Божіей радуется.

ГЛАВА XXV.

О дѣленіи системы философіи на три части.

Въ силу этого же и философы, насколько то можно понять, порѣшили раздѣлить систему философіи на три части, или вѣрнѣе—успѣли замѣтить, что она дѣлится на три части (ибо не сами они установили, чтобы это было такъ, а скорѣе нашли, что это такъ), изъ которыхъ первая называлась физикою, другая логикою, третья этикою. Въ переводѣ на латинскій языкъ имена этихъ частей такъ часто употреблялись въ сочиненіяхъ многихъ, что онѣ могутъ быть названы натуральною, раціональною и моральною: мы кратко касались ихъ уже въ восьмой книгѣ ¹⁾. Изъ этого не слѣдуетъ, что философы въ этихъ трехъ частяхъ мыслили о Троицѣ что либо достойное Бога; хотя извѣстно, что первымъ открывшимъ и введшимъ въ употребленіе это раздѣленіе философіи былъ Платонъ, который только Бога признавалъ и творцемъ всѣхъ существъ, и подателемъ знанія, и вдохновителемъ любви, при которой хорошо и блаженно проводится жизнь. Но хотя разные философы и различно думали и о природѣ вещей, и способахъ изслѣдованія истины, и о конечномъ благѣ, къ которому мы должны направлять все, что ни дѣлаемъ; тѣмъ не менѣе всѣ усилія ихъ мысли вращаются вокругъ этихъ трехъ великихъ и общихъ вопросовъ. Въ мнѣніяхъ каждаго изъ нихъ по каждому изъ этихъ вопросовъ множество разногласій; тѣмъ не менѣе никто изъ

¹⁾ Выше кн. VІІІ. гл. 4.

нихъ не сомнѣвается, что существуетъ нѣкоторая причина природы, форма знанія, высшее благо жизни. Также точно и для каждаго человѣка—художника, чтобы онъ могъ что либо создать, ставятся три условія: натура, искусство, польза; натура измѣряется природными дарованіями, искусство—знаніемъ, польза—плодомъ. Я знаю, что слово плодъ указываетъ на употребленіе ¹⁾, а польза—на пользованіе,—и что между ними то различіе, что то, что мы употребляемъ, доставляетъ намъ удовольствіе само по себѣ, безъ отношенія къ чему либо другому; а то, чѣмъ пользуемся, то нужно намъ для чего либо другаго. Поэтому временными вещами скорѣе слѣдуетъ пользоваться, чѣмъ употреблять ихъ (для удовольствія), чтобы получить право наслаждаться вѣчными. Не такъ нужно дѣлать, какъ нѣкоторые развращенные, которые желаютъ употреблять (для удовольствія) деньги, а пользоваться Богомъ: не деньги тратить ради Бога, а почитаютъ самаго Бога ради денегъ. Впрочемъ въ болѣе обычной рѣчи мы говоримъ, что и плодами пользуемся, и въ пользѣ находимъ плодъ. Даже въ собственномъ смыслѣ плодами называемъ плоды полей, которыми, во всякомъ случаѣ, пользуемся все временно. Итакъ въ этомъ последнемъ смыслѣ и употребилъ слово польза, говоря о тѣхъ трехъ условіяхъ, которыя ставятся для человѣка, какъ—то: природа, искусство и польза. Соотвѣтственно этому, для достиженія блаженной жизни, философами, какъ я сказалъ, избобрѣтена троючастная система: натуральная соотвѣтственно натурѣ, раціональная—познанію и моральная—пользѣ. Будь наша натура отъ насъ, мы конечно, сами раждали бы нашу мудрость, а не старались бы приобрѣтать ее наукою, изучая ее

¹⁾ Непереводаемая порусски игра словъ и мысли, основанная на сходствѣ и различіи въ употребленіи словъ: *fructus*, *frui*, и *usus*, *uti*.

отъинуды; имѣй наша любовь источникъ въ насъ самихъ и къ намъ же относись, ея было бы достаточно для блаженной жизни, и не было бы нужды въ иномъ благѣ, для нашего наслажденія. При данныхъ же условіяхъ, поелику натура наша виновникомъ своего бытія имѣетъ Бога, мы, несомнѣнно, для познанія истины должны Его имѣть своимъ учителемъ, для того, чтобы быть блаженными,—имѣть въ Немъ же подателя внутренняго довольства.

ГЛАВА XXVI.

Объ образъ высочайшей Троицы, который въ известной мѣрѣ находится въ природѣ человека, даже еще не сдѣлавшагося блаженнымъ.

И сами мы въ себѣ узнаемъ образъ Бога, т. е. сей высочайшей Троицы,—образъ, правда, неравный, даже далеко отличный, не совѣчный, и чтобы коротко сказать все, не тойже сущности, которой Богъ, хотя въ вещахъ, Имъ созданныхъ, наиболѣе по природѣ своей къ Богу приближающійся,—образъ, требующій пока усовершенствованія, чтобы быть ближайшимъ къ Богу и по подобію. Ибо и мы существуемъ, и знаемъ, что существуемъ, и любимъ это наше бытіе и знаніе. Относительно этихъ трехъ вещей, которыя только что перечислилъ, мы не опасаемся обмануться какою нибудь ложью, имѣющею видъ правдоподобія. Мы не оцущаемъ ихъ какимъ либо тѣлеснымъ чувствомъ, какъ оцущаемъ тѣ вещи, которыя виѣ насъ, какъ оцущаемъ, наприкладъ, цвѣтъ—зрѣніемъ, звукъ—слухомъ, запахъ—обоняніемъ, вещи вкушаемыя—вкусомъ, твердое и мягкое—посредствомъ осязанія. Онѣ не изъ этихъ чувственныхъ вещей, образы которыхъ, весьма на нихъ похожіе, хотя уже не тѣлесные, вращаются въ нашей мысли, удерживаются нашею памятью и возбуждаютъ въ насъ стремленія къ нимъ. Безъ всякихъ

фантазій и безъ всякой обманчивой игры призраковъ для меня въ высшей степени несомнѣнно, что я существую, что я это знаю, что я люблю. Я не боюсь никакихъ возраженій относительно этихъ истинъ со стороны Академиковъ, которые могли бы сказать: «А что если ты обманываешься»? Если я обманываюсь, то поэтому уже существую. Ибо кто не существуетъ, тотъ не можетъ, конечно, и обманываться: я слѣдовательно существую, если обманываюсь. Итакъ, поелику я существую, если обманываюсь: то какимъ образомъ я обманываюсь въ томъ, что существую, если я существую несомнѣнно, какъ скоро обманываюсь? Поелику я долженъ существовать, чтобы обманываться даже, если бы и обманывался; то никакого нѣтъ сомнѣнія, что я не обманываюсь въ томъ, что знаю о своемъ существованіи. Изъ этого слѣдуетъ, что я не обманываюсь и въ томъ, что я знаю то, что я знаю. Ибо какъ знаю я о томъ, что я существую, такъ равно знаю и то, что я знаю. Поелику же эти двѣ вещи я люблю, то къ этимъ двумъ вещамъ, которыя я знаю, присоединяю и эту самую любовь, какъ третью, равную съ ними по достоинству. Ибо я не обманываюсь, что я люблю, если не обманываюсь въ томъ, что люблю; хотя, еслибы даже послѣднее и было ложно, во всякомъ случаѣ было бы истинно то, что я люблю ложное. На какомъ основаніи стали бы упрекать меня въ любви къ ложному или удерживать отъ этой любви, если бы было ложно то, что я его люблю. Если же упомянутое истинно и достовѣрно, то кто можетъ сомнѣваться, что, когда его любятъ, истинна и достовѣрна и самая къ нему любовь? За тѣмъ, нѣтъ никого, кто не желалъ бы существовать, какъ нѣтъ никого, кто не хотѣлъ бы быть блаженнымъ. Ибо какимъ образомъ можетъ быть кто нибудь блаженнымъ, если не будетъ существовать?

ГЛАВА XXVII.

О бытіи и знаніи, и о любви къ тому и другому.

По нѣкоторому естественному влеченію самое существованіе до такой степени привлекательно, что и несчастные не желаютъ уничтоженія и когда чувствуютъ себя несчастными, желаютъ прекращенія не своего существованія, а скорѣе своего бѣдствія. Еслибы даже тѣмъ, которые и самимъ себѣ кажутся несчастнѣйшими и на самомъ дѣлѣ таковы, и не только мудрыми, какъ глупые, но даже и тѣми, которые считаютъ себя блаженными, признаются несчастными, потому что бѣдны и нищи,—еслибы даже этимъ кто предложилъ безсмертіе, съ которымъ не умерло бы и самое несчастье ихъ, предупредивъ, что они если не пожелаютъ навсегда пребывать въ этомъ несчастіи, обратятся въ ничтожество и никогда не возвратятся къ бытію, а погибнуть совершенно: то навѣрно и они возликовали бы отъ радости, и предпочли бы всегдашнее существованіе на этомъ условіи совершенному небытію. Лучшій свидѣтель этого ихъ собственное чувство. Ибо почему они боятся умирать и желаютъ охотнѣе жить въ этой нуждѣ, чѣмъ окончить ее смертію, какъ не потому, что природа, очевидно, избѣгаетъ небытія? И потому, зная, что умрутъ, они какъ великаго благодаренія ждутъ, что имъ оказано будетъ то милосердіе, что они подольше проживутъ въ этомъ самомъ несчастіи и позже умрутъ. Этимъ они доказываютъ несомнѣнно, съ какою великою радостію они приняли бы даже такое безсмертіе, которое не положило бы конца ихъ несчастію. Да и самыя неразумныя животныя, отъ громадныхъ драконовъ до ничтожныхъ червячковъ, не надѣленные даромъ разумѣть это, не показываютъ ли всевозможными движеніями, что они желаютъ существовать, и потому избѣгаютъ гибели? Да и

деревья, и всѣ молодые побѣги, у которыхъ нѣтъ никакой способности избѣгать гибели посредствомъ явныхъ движеній, для безопаснаго распространенія вѣтвей по воздуху развѣ не впускають корней поглубже въ землю, чтобы извлекать оттуда питаніе и чрезъ это извѣстнымъ образомъ сохранять свое бытіе? Наконецъ и тѣ тѣла, у которыхъ нѣтъ не только чувства, но даже никакой растительной жизни, то поднимаются вверхъ, то опускаются внизъ, то держатся въ среднихъ пространствахъ, чтобы сохранить свое бытіе тамъ, гдѣ они могутъ существовать сообразно съ своею природою.

А какъ велика любовь къ знанію, и насколько природа человѣческая не желаетъ обманываться, можно понять изъ того, что всякій охотѣе желаетъ плакать, владѣя здравымъ умомъ, чѣмъ радоваться въ состояніи помѣшательства. Эта великая и удивительная способность кромѣ человѣка не свойственна никому изъ смертныхъ одушевленныхъ существъ. Нѣкоторые изъ животныхъ владѣють гораздо болѣе острымъ, чѣмъ мы, чувствомъ зрѣнія для созерцанія обычнаго дневнаго свѣта; но для нихъ недоступенъ этотъ нетѣлесный свѣтъ, который извѣстнымъ образомъ озаряетъ нашъ умъ, дабы мы могли правильно судить обо всѣхъ этихъ вещахъ: для насъ это возможно настолько, насколько воспринимаемъ мы этотъ свѣтъ. Впрочемъ, и чувствамъ неразумныхъ животныхъ присуще, если и не знаніе, то по крайсей мѣрѣ нѣкоторое подобіе знанія. Прочія же тѣлесныя вещи названы чувственными не потому, что чувствуютъ, а потому, что подлежатъ чувствамъ. Изъ нихъ въ деревьяхъ нѣчто подобное чувствамъ представляетъ то, что они питаются и реждаютъ. И эти всѣ тѣлесныя вещи имѣють свои сокрытыя въ природѣ причины. Свои формы, придающія красоту устройству этого видимаго міра, онѣ представляютъ для очищенія чувствамъ; такъ что кажется, будто онѣ желаютъ быть познаваемы въ замѣнъ того, что сами не могутъ по-

завать. Но мы такъ воспринимаемъ ихъ тѣлеснымъ чувствомъ, что судимъ о нихъ уже не тѣлеснымъ чувствомъ. Ибо у насъ есть иное чувство—внутренняго человѣка, далеко превосходящее этого, посредствомъ котораго мы различаемъ справедливое и несправедливое: справедливое—когда оно имѣетъ извѣстный созерцаемый умомъ видъ, несправедливое—когда не имѣетъ его. Для дѣятельности этого чувства не нужны ни острота глазнаго зрачка, ни отверстіе ушка, ни продушины ноздрей, ни проба ртомъ, и никакое другое тѣлесное прикосновеніе. Чрезъ него я убѣжденъ, что я существую, и что знаю это; чрезъ него я люблю это и увѣренъ также, что люблю.

ГЛАВА XXVIII.

Должны ли мы любить самую любовь, которою мы любимъ и бытіе и знаніе, чтобы больше приблизиться къ образу Божественной Троицы.

Относительно этихъ двухъ, именно бытія и знанія, насколько они въ насъ составляютъ предметъ любви, и какъ нѣкоторое, хотя и не близкое, подобіе ихъ обнаруживается даже въ другихъ, стоящихъ ниже насъ, вещахъ, мы, насколько требовалось то задачею предпринятаго нами труда, сказали достаточно. Но о любви, которою они любимы, мы еще не сказали, должна ли сама эта любовь быть любимой. Ее любить; и это мы видимъ изъ того, что въ людяхъ, которыхъ заслуженно любятъ, сама она болѣе всего и любима. Не тотъ человѣкъ по справедливости называется добрымъ, который знаетъ, что такое добро, а тотъ, который любитъ. Да почему мы и въ себѣ самихъ чувствуемъ, что не любимъ и самую любовь, которою любимъ то, что добраго мы любимъ. Есть и любовь, которою мы любимъ то, чего не слѣдуетъ любить; и эту любовь ненавидитъ въ себѣ тотъ,

кто ту любить, которая любить, что должно любить. Обѣ эти любви могутъ быть въ одномъ человѣкѣ, и благо для человѣка заключается въ томъ, чтобы онъ усовершеналъ въ себѣ то, чѣмъ мы хорошо живемъ, и уничтожалъ то, чѣмъ живемъ худо, пока уврачуется совершенно и измѣнится въ доброе все, чѣмъ живемъ. Если бы мы были животными, то мы любили бы плотскую жизнь и все, что отъвѣчаетъ чувству плоти; это было бы для насъ достаточнымъ благомъ, и мы, довольствуясь этимъ благомъ, не помогали бы ничего другого. Также точно если бы мы были деревьями, мы конечно ничего не любили бы движеніемъ чувства, хотя казались бы стремящимися къ тому, если бы были болѣе плодовиты. А будь мы камнями, или волною, или вѣтромъ, или пламенемъ, или другимъ чѣмъ въ томъ же родѣ безъ всякаго чувства и жизни, и въ такомъ случаѣ у насъ не было бы недостатка въ нѣкоторомъ стремленіи къ своему мѣсту и порядку. Ибо нѣчто подобное любви представляетъ собою удѣльный вѣсъ тѣла, по которому или опускаются отъ тяжести внизъ, или по легкости стремятся вверхъ. Удѣльный вѣсъ также уноситъ тѣло, какъ любовь уноситъ душу, куда бы она ни уносилась. Итакъ, поелику мы люди, созданные по образу Творца своего, котораго и вѣчность истинна, и истина вѣчна, и любовь вѣчна и истинна, и который самъ есть вѣчная и истинная и достолюбезная Троица, неслинная и нераздѣльная; то въ тѣхъ вещахъ, которыя ниже насъ, но которыя сами не могли бы ни существовать какимъ бы то ни было образомъ, ни удерживать какой либо видъ, ни стремиться къ какому нибудь порядку, или удерживать его, если бы не были сотворены Тѣмъ, коему свойственно высочайшее бытіе, который высочайше премудръ, высочайше благъ,—въ этихъ вещахъ, неустанно пробѣгая все сотворенное Имъ, мы должны разыскивать какъ бы нѣкоторые слѣды Его, отпечатлѣнные Имъ въ

одномъ мѣстѣ болѣе, въ другомъ менѣе; созерцая же въ самихъ себѣ образъ Его, возвратимся въ самихъ себя, какъ извѣстный евангельскій младшій сынъ (Лук. 15, 18), и воспрянемъ, чтобы вернуться къ Тому, отъ котораго удалились черезъ грѣхъ. Тамъ бытіе наше не будетъ имѣть смерти; тамъ знаніе наше не будетъ заблуждаться; тамъ любовь наша не будетъ имѣть преткновенія. Пока мы считаемъ эти три вещи свои несомнѣнными, и относительно ихъ не другимъ свидѣтелямъ вѣримъ, а сами ощущаемъ ихъ непосредственно и созерцаемъ ихъ внутреннимъ достовѣрнѣйшимъ взоромъ; но долго ли все это имѣть быть, и не прекратится ли когда нибудь, и къ чему оно придетъ, если будетъ идти хорошо или дурно,—на все это, такъ какъ сами мы не можемъ того знать, мы требуемъ или имѣемъ другихъ свидѣтелей. Почему относительно достовѣрности этихъ свидѣтелей не можетъ быть никакого сомнѣнія,—мѣсто болѣе тщательнаго раскрытія этого должно быть не здѣсь, но ниже. Въ настоящей же книгѣ мы, насколько возможно, при помощи Божіей, продолжимъ, что начали говорить о Градѣ Божіемъ, который не странствуетъ въ смертной этой жизни, а всегда безсмертенъ въ небесахъ, т. е. о святыхъ ангелахъ, преданныхъ Богу, никогда не бывшихъ и не имѣющихъ быть отступниками, между коими и тѣми, что содѣлались тьмою, по отступленіи отъ вѣчнаго свѣта, Богъ изначала, какъ мы уже сказали, положилъ раздѣленіе.

ГЛАВА XXIX.

О знаніи святыхъ ангеловъ, которымъ они познають Троицу въ самомъ божествѣ ея и созерцають причины вещей прежде въ идеѣ творящаго, чѣмъ въ самыхъ дѣлахъ Творца.

Эти святые ангелы познають Бога не чрезъ слышимыя слова, но чрезъ самое присутствіе неизмѣняемой истины,

т. е. чрезъ единородное Его Слово; познають и самое Слово и Отца и ихъ Святаго Духа. А что эта Троица есть нераздѣльная, что отдѣльныя лица составляютъ въ ней единое существо, что все они суть не три Бога, но единъ Богъ,—они знаютъ это лучше, чѣмъ знаемъ мы самихъ себя. И самое твореніе они познають тамъ, т. е. въ премудрости Божіей,—какъ въ идеѣ, по которой оно сотворено, лучше, чѣмъ въ немъ самомъ; а соотвѣтственно тому и самихъ себя они познають тамъ лучше, чѣмъ въ самихъ себѣ, хотя познають себя и въ самихъ себѣ. Ибо они сотворены и суть иное, чѣмъ Тотъ, который сотворилъ ихъ. Поэтому тамъ они познають себя какъ въ дневномъ сознаніи, а въ самихъ себѣ—какъ бы въ вечернемъ, какъ то сказано нами выше. Ибо великую разницу дѣлаетъ то, познается что либо въ идеѣ, по которой оно сотворено, или же въ себѣ самомъ. Такъ иначе познается правильность линий или истинность фигуръ, когда она умственно созерцается, и иначе, когда начертывается на пыли; иначе справедливость—въ истинѣ неизмѣняемой, и иначе въ душѣ справедливаго. Такъ познають они затѣмъ и остальные вещи, какъ напримѣръ, твердь между водами высшими и низшими, называемую небомъ; собраніе водъ внизу, обнаженіе земли и произрастаніе травъ и деревьевъ; сотвореніе солнца, луны и звѣздъ; рожденіе изъ воды животныхъ, т. е. птицъ, рыбъ и звѣрей, равно и сотвореніе всѣхъ ходящихъ по землѣ и пресмыкающихся, и самаго человѣка, превосходящаго на землѣ все вещи. Все это иначе познается ангелами въ Словѣ Божіемъ, въ которомъ оно имѣетъ неизмѣнными свои основы и законы, по которымъ сотворено; и иначе познается въ себѣ самомъ. Тамъ это знаніе—яснѣе, какъ знаніе въ идеѣ; здѣсь темнѣе, какъ знаніе произведенія. А когда эти дѣла относятся къ славѣ и почитанію—самаго Создателя, оно блистаетъ свѣтомъ въ умахъ созерцающихъ какъ утро.

ГЛАВА XXX.

О совершенствѣ шестиричнаго числа, которое первое составляется изъ сложения своихъ частей.

Все это, какъ повѣствуетъ Писаніе, ради совершенства шестеричнаго числа чрезъ шестикратное повтореніе тогоже дня, совершается въ шесть дней. Это не потому, чтобы для Бога необходима была продолжительность времени: какъ бы Онъ не могъ сотворить разомъ все, что послѣ соответствующими движеніями производило бы времена; но потому, что шестиричнымъ числомъ обозначено совершенство творенія. Ибо шестеричное число первое составляется изъ своихъ частей, т. е. изъ части шестой, третьей и половины. Эти части суть: одинъ, два и три; сложенные вмѣстѣ, онѣ составляютъ шесть. Но при этомъ разсмотрѣніи чиселъ должны разумѣться тѣ части ихъ, относительно которыхъ можетъ быть сказано, какую часть числа онѣ составляютъ, каковы: половина, треть, четверть, и которыя потомъ получаютъ наименованіе отъ извѣстнаго числа. Напримѣръ, хотя въ числѣ девять четыре составляютъ нѣкоторую часть, но о четырехъ нельзя сказать, что это часть девяти; объ одномъ же это можно сказать, потому что одинъ есть девятая его часть; можетъ быть это сказано и о трехъ, такъ какъ три составляютъ третью часть девяти. Но объ эти части, именно девятая и третья, т. е. одинъ и три, будучи соединены въ одно число, далеко не достигаютъ до всей суммы числа, именно до девяти. Также точно и въ числѣ десять число четыре составляетъ извѣстную часть, но нельзя сказать такую; а объ одномъ это можетъ быть сказано, потому что одинъ есть десятая часть десяти. Имѣетъ это число и пятую часть, которая есть два; имѣетъ и половину, которая есть пять. Но эти три части числа десяти, десятая, пятая и по-

ловина, т. е. одинъ, два и пять, сложенные вмѣстѣ, не составляютъ десяти: потому что равняются восьми. Части же числа двѣнадцать, сложенные въ одну сумму, превышаютъ это число. Оно имѣетъ шестую часть, которую составляютъ два; имѣетъ четвертую часть, состоящую изъ трехъ; имѣетъ третью, состоящую изъ четырехъ; имѣетъ и половину, состоящую изъ шести. Но одинъ, два, три, четыре и шесть — не двѣнадцать, а болѣе, т. е. шестнадцать. Я нашелъ необходимымъ кратко упомянуть объ этомъ, чтобы показать совершенства числа шесть, которое первое, какъ я сказалъ, составляется изъ соединенія частей своихъ въ одну сумму. Въ это шестеричное число Богъ совершилъ свое твореніе. Не слѣдуетъ, поэтому, пренебрегать числами. Внимательно вникающіе въ нихъ хорошо знаютъ, какое великое значеніе нужно придавать имъ во многихъ мѣстахъ Священнаго Писанія. Не напрасно въ словословіи Бога сказано: *вся тѣроу и числомъ и въсомъ расположилъ еси* (Прем. XI, 21).

ГЛАВА XXXI.

О днѣ седьмомъ, на который падаетъ полнота и покой.

На седьмой же день, т. е. на тотъ же семь разъ повторенный день, — каковое число совершенно также въ другомъ отношеніи, падаетъ покой Божій и при этомъ въ первый разъ упоминается освященіе (Быт. II, 2, 3). Такимъ образомъ Богъ не пожелалъ освятить этотъ день въ какихъ либо дѣлахъ своихъ, но въ покоѣ, не имѣющемъ вечера: потому что нѣтъ болѣе никакой твари, которая иначе познавая себя въ Словѣ Божіемъ и иначе въ самой себѣ, могла бы производить различное знаніе, подобное дню и вечеру. О совершенствѣ числа семь можетъ быть сказано весьма многое; но книга эта уже растянута, и я опасуюсь, чтобы не могло показаться, будто ухватившись за случай, я хочу

разбрасывать свое знаніе скорѣе съ легкомысліемъ, чѣмъ съ пользою. Нужно соблюдать правила умѣренности и важности, чтобы не сказали о насъ, что говоря много о числѣ, мы позабыли мѣру и важность. Итакъ достаточно упомянуть, что три есть первое совершенно неравное число, а четыре первое совершенно равное: изъ нихъ двухъ и состоитъ число семь. Оттого оно часто употребляется вмѣсто числа неопредѣленнаго, какъ на примѣръ: *седмерицею бо падетъ праведный и востанетъ* (Притч. Сол. XXIV, 16), т. е. сколько бы разъ праведный ни падалъ, онъ не погибнетъ. Это, впрочемъ, нужно понимать не относительно проступковъ, но относительно напастей, приводящихъ къ смиренію. И еще: *седмерицею днемъ хвалихъ тя* (Пс. СХVІІІ, 164); что въ другомъ мѣстѣ выражено инымъ образомъ: *выну хвала его во устъхъ моихъ* (Пс. XXXІІІ, 2). И многое въ этомъ родѣ находится въ Священномъ Писаніи, въ которомъ число семь, какъ сказалъ я, употребляется обыкновенно для обозначенія цѣлой совокупности какой либо вещи. Поэтому тѣмъ же числомъ часто обозначается Святой Духъ, о которомъ Господь говоритъ: *Наставитъ вы на всяку истину* (Іоан. XVI, 13). Этимъ числомъ обозначается и покой Божій, которымъ успокоивается и человѣкъ въ Богѣ. Ибо въ цѣломъ, т. е. въ полномъ совершенствѣ заключается покой, а въ части трудъ. Мы труждаемся, пока познаемъ отчасти; *егда же придетъ совершенное, тогда еже отъ части, упразднится* (1 Кор. XIII, 10). Отъ этого происходитъ, что даже эти Писанія мы изучаемъ съ трудомъ. Между тѣмъ какъ святые ангелы, объ общеніи и соединеніи съ которыми мы воздыхаемъ въ этомъ труднѣйшемъ странствованіи, обладаютъ какъ вѣчною пребываніемъ, такъ легкостью познаванія и блаженствомъ покоя. Они безъ затрудненія помогаютъ намъ: потому что ихъ духовныя, чистыя и свободныя движенія не утомляютъ ихъ.

ГЛАВА XXXII.

О мнѣніи тѣхъ, которые утверждаютъ, что твореніе ангеловъ предшествовало творенію міра.

Кто нибудь можетъ начать споръ и утверждать, что не святые ангелы разумѣются въ томъ мѣстѣ Писанія, гдѣ сказано: *да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ*; а будетъ думать или говорить, что тогда впервые сотворенъ былъ какой нибудь тѣлесный свѣтъ; ангелы же сотворены прежде, и не только прежде тверди, созданной между водами и водами и названной небомъ, но даже прежде того, о чемъ сказано: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю*; и что выраженіе—*въ началъ* не значить, будто бы здѣсь рѣчь о томъ, что сотворено было прежде всего: потому что прежде еще Богъ сотворилъ ангеловъ, а то, что Онъ сотворилъ все въ премудрости, именно въ своемъ Словѣ, которое и въ Писаніи называется началомъ, какъ и самъ Онъ въ Евангеліи на вопросъ Іудеевъ, кто Онъ, отвѣтилъ, что Онъ начало (Іоан. VIII, 25). Но я не стану поддерживать спора защитою противоположнаго мнѣнія, особенно потому, что вполнѣ доволенъ, что уже въ самомъ началѣ священной книги Бытія содержится указаніе на Троицу. Ибо послѣ того, какъ говорится: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю*,—съ цѣлію дать понять, что Отецъ творилъ въ Сынѣ, какъ свидѣтельствуегъ псаломъ, въ которомъ читается: *яко возвеличишися дѣла Твоя Господи: вся премудростію сотворилъ еси* (Пс. СШ, 24),—послѣ того совершенно у мѣста упоминается и Святыи Духъ. Вслѣдъ за тѣмъ какъ сказано, какого свойства вначалѣ Богъ сотворилъ землю, или какую массу или матерію для образованія будущаго міра Онъ назвалъ именемъ неба и земли, и прибавлено: *земля же бѣ невидима, и неупорядочена: и тма верху бездны*,—вслѣдъ затѣмъ, чтобы до-

кончить упоминание о Троицѣ, говорится: *и Духъ Божій нощашеся верху воды* (Быт. 1, 2). Итакъ, пусть каждый понимаетъ, какъ хочетъ. Вопросъ такъ глубокъ, что можетъ для упражненія читателей, неувлоняющихся отъ правила вѣры, вызывать различныя рѣшенія. Пусть только никто не подвергаетъ сомнѣнью, что существуютъ въ небесахъ святые ангелы, хотя и несовѣчные Богу, тѣмъ не менѣе непоколебимые и твердые въ своемъ вѣчномъ и истинномъ блаженствѣ. Уча, что къ обществу ихъ принадлежатъ дѣти Его, Господь не только говоритъ: *яко ангели Божии на небеси суть* (Матѣ. XXII, 30), но и показываетъ, какимъ созерцаніемъ наслаждаются сами ангелы, говоря: *блюдите, да не презрите единого отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго* (Матѣ. XVIII, 10).

ГЛАВА XXXIII.

О двухъ различныхъ и несходныхъ обществахъ ангеловъ, которыя вполне прилично разумются подъ именами свѣта и тьмы.

Апостолъ Петръ яснѣйшимъ образомъ показываетъ, что нѣкоторые ангелы согрѣшили и низвергнуты въ преисподнюю міра сего, служащаго для нихъ своего рода темницею до будущаго послѣдняго осужденія ихъ въ день суда, когда говорить, что Богъ *ангеловъ согрѣшившихъ не пощадъ, но пленицами мрака связавъ, предаде на судъ мучимыхъ блюсти* (II Пет. II, 4). Кто можетъ сомнѣваться, что Богъ, или въ своемъ предвѣдѣніи или самымъ дѣломъ, положилъ раздѣленіе между этими и другими ангелами? Кто станетъ возражать противъ того, что послѣдніе справедливо называются свѣтомъ, когда даже мы, еще живущіе въ вѣрѣ и еще надѣющіеся на равенство съ ними, но недостигшіе его,

названы апостоломъ свѣтомъ: *Быста бо иногда тма, нынѣ же свѣтъ о Господѣ* (Еф. V, 8)? А тмою съ полною ясностію называются падшіе ангелы.—это хорошо знаютъ тѣ, которые понимаютъ или вѣрятъ, что они хуже невѣрныхъ людей. Пусть къ извѣстномъ мѣстѣ этой книги, гдѣ читаемъ: *рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ*, слѣдуетъ разумѣть и иной свѣтъ; пусть и въ томъ мѣстѣ, гдѣ написано: *и раздѣли Богъ между свѣтомъ, и между тмою* (Быт. 1, 3. 3), говорится о другой тмѣ. Во всякомъ случаѣ мы полагаемъ, что есть два ангельскія общества: одно наслаждается Богомъ, другое напыщено гордостію; одно, которому говорится: *поклонитесь Ему вси ангели Его* (Пс. XCVI, 7), другое, князь коего говоритъ: *сія -вся Тебѣ дамъ, аще падъ поклонимися* (Мѡ. IV, 9); одно пылающее святою любовію къ Богу, другое куращееся нечистою любовію къ собственному величію; первое изъ нихъ, соотвѣтственно тому, какъ написано: *Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Іак. IV, 6; 1 Петр. V, 3), обитаетъ на небеси небесъ, а другое, низвергнутое оттуда, мятется въ этомъ низшемъ воздушномъ небѣ; первое въ свѣтломъ благочестіи наслаждается покоемъ, а другое волнуется мрачными страстями; первое по манію Божию смиренно является на помощь и праведно отмщаеть, а другое горитъ страстію поработать и вредить; первое слуга Божіей благодати, чтобы помогать по желанію, а другое обуздывается могуществомъ Божіимъ, чтобы не вредило столько, сколько желаетъ вредить; первое посмѣвается второму въ виду того, что противъ своей воли оно приноситъ пользу своими преслѣдованіями, а послѣднее завидуетъ первому, собирающему въ отечество своихъ странниковъ. Итакъ, если мы высказали мнѣніе, что въ извѣстной книгѣ, которая называется книгою Бытія, подъ именемъ свѣта и тмы разумѣются эти два общества ангельскія, неравныя между собою и противополож-

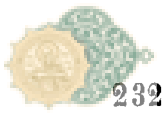
ныя другъ другу, изъ которыхъ одно доброе по природѣ и праведное по направленію воли, а другое доброе по природѣ, но превратное по направленію воли,—общества, на которыя яснѣйшія указанія содержатся въ другихъ мѣстахъ божественныхъ Писаній: то, хотя бы въ приведенномъ мѣстѣ писатель разумѣлъ и нѣчто другое, темнота его выраженій во всякомъ случаѣ изслѣдована нами не безъ пользы. Хотя мы и не въ состояніи были точно уразумѣть мысль писателя этой книги, однакоже не уклонились отъ правила вѣры, которое достаточно извѣстно вѣрующимъ на основаніи другихъ священныхъ Писаній тогоже авторитета. Пусть здѣсь упоминаются только тѣлесныя творенія Божіи; но они во всякомъ случаѣ имѣютъ нѣкоторое сходство съ духовными, въ виду котораго говорить Апостолъ: *вси бо вы сынове свѣта есте и сынове дня: нѣтъмы нощи, ниже тмы* (1 Тес. V, 5). Если же и писатель разумѣлъ именно это, то задача нашего изслѣдованія выполнена какъ нельзя лучше: нужно полагать, что человекъ Божій, надѣленный необычайною и божественною мудростію, или лучше самъ Духъ Божій чрезъ него, при упоминаніи о дѣлахъ Божіихъ, совершенныхъ, по словамъ его, въ шесть дней, не могъ никоимъ образомъ опустить и ангеловъ.— *Въ началъ* (потому ли, что Онъ сотворилъ ихъ сначала, или, какъ приличнѣе понимать слово: *въ началъ* , потому, что сотворилъ въ однородномъ Словѣ), *Въ началъ* , говоритъ Писаніе, *сотвори Богъ небо и землю* . Этими словами обозначена вся совокупность тварей, или, какъ вѣроятнѣе, тварь духовная и тѣлесная, или двѣ великія части міра, которыми обнимается все сотворенное; такъ что писатель сперва хотѣлъ сказать о всей совокупности творенія, а потомъ прослѣдить части его по порядку таинственного числа дней.

ГЛАВА XXXIV.

О томъ, что нѣкоторые думаютъ, будто при сотвореніи тверди подъ именемъ раздѣленныхъ водъ разумѣются ангелы, и о томъ, что нѣкоторые считаютъ воды не сотворенными.

Нѣкоторые думали, что именемъ водъ названы многочисленные сонмы ангеловъ, и смыслъ словъ: *Да будетъ твердь посреди воды и воды* (Быт. I, 6) якобы тотъ, что подъ водою выше тверди должны разумѣться ангелы, а ниже ея или эти видимыя воды, или масса злыхъ ангеловъ, или же племена всѣхъ людей. Если это такъ, то въ давномъ мѣстѣ указывается не то, когда сотворены ангелы, а то, когда они раздѣлены. Но нѣкоторые (что свойственно превратнѣйшей и нечестивой суетности) отрицаютъ даже, что воды сотворены Богомъ, на томъ основаніи, что въ Писаніи нигдѣ не сказано: «И рече Богъ, да будетъ вода». Тоже самое и съ подобною же суетностію они могутъ сказать и относительно земли; потому что нигдѣ не читается: «Рече Богъ: да будетъ земля». Но, говорятъ они, написано: *Въ началъ сотвори Богъ небо и землю.*—Въ такомъ случаѣ здѣсь же должно разумѣть и воду: та и другая обозначены вмѣстѣ однимъ именемъ. Ибо *того есть море*, какъ читается въ псалмѣ, *той сотвори е, и сушу руку Его создастъ* (ХСІV, 5). Но тѣже, которые подъ именемъ водъ, находящихся превыше небесъ, хотятъ разумѣть ангеловъ, принимаютъ въ соображеніе вѣсь стихій, и потому не думаютъ, чтобы жидкое и тяжелое естество водъ могло быть помѣщено въ высшихъ пространствахъ міра. Имѣй они сами возможность на свой манеръ сотворить человѣка, они не вложили бы ему въ голову слизи, которая погречески называется *φλέγμα*, и которая въ элементахъ нашего тѣла замѣняетъ

воды. Искусство Божіе указало здѣсь помѣщеніе для слизи самое пригодное; а по ихъ предположенію это такъ нелѣпо, что, еслибы мы не знали этого, а въ упомянутой книгѣ было бы написано, что Богъ въ части человѣческаго тѣла, высшей всѣхъ остальныхъ, помѣстилъ влагу, жидкую и холодную, и потому тяжелую,—эти испытатели стихій рѣшительно не повѣрили бы этому; и еслибы подчинялись авторитету того же Писанія, стали бы утверждать, что здѣсь слѣдуетъ разумѣть нѣчто иное. Но еслибы мы прилежно стали изслѣдовать и разсматривать въ отдѣльности все, что написано въ этой божественной книгѣ о сотвореніи міра, то намъ пришлось бы и много говорить, и далеко увлечься отъ плана предпринятаго сочиненія. Насколько казалось необходимымъ, мы уже достаточно сказали о тѣхъ двухъ, различныхъ между собою и другъ другу противоположныхъ, обществахъ ангеловъ, которые представляютъ собою извѣстныя зачатки двухъ Градовъ и въ средѣ человѣческой, о которыхъ предположилъ я говорить далѣе. Поэтому закончимъ наконецъ настоящую книгу.

Книга Пѣснь Пѣсней и ея новѣйшіе критики.

(Продолженіе *).

V.

ГИПОТЕЗА ФРАГМЕНТОВЪ.

Въ области новѣйшей критики господствуютъ тѣже взгляды на книгу Пѣснь Пѣсней, которые мы встрѣчали и у ея древнихъ толкователей, но только въ обратномъ развитіи. Направленіе аллегорическаго объясненія книги, широко распространенное въ древности и неприкосновенно сохраняемое до нынѣ въ синагогѣ и христіанской церкви, въ современной наукѣ стоитъ на второмъ планѣ, защищаемое сравнительно небольшимъ числомъ изслѣдователей—спеціалистовъ и, по видимому, располагающее меньшими научными средствами. Наиболѣе же развитымъ и господствующимъ является въ настоящее время то направленіе толкованія, которое въ древней исторіи книги было едва замѣтно и считалось всего менѣе сообразнымъ съ характеромъ книги и законнымъ, именно направленіе буквальнаго пониманія, подъ которымъ собственно и разумѣется новѣйшее направленіе пониманія Пѣсни Пѣсней. Оно называетъ себя *новѣйшимъ буквальнымъ* пониманіемъ въ отличіе отъ вульгарнаго буквальнаго пониманія половины прошлаго вѣка, съ которымъ оно не хочетъ имѣть ничего общаго. Дѣло въ томъ, что раціонализмъ XVIII вѣка, выступившій противъ чрез-

*) См. Труды Кіев. дух. Академіи, 1881 г. апрѣль и май.

мѣрной католической аллегоризаціи, въ противоположность ей, отнесся къ Пѣсни Пѣсней очень грубо. Совершенно чуждый самъ поэтическаго вкуса, онъ призналъ и въ нашей книгѣ одну грубую и чувственную массу, лишенную всякой художественности и поэзіи, и потому несправедливо носящую названіе священной книги. Михаэлисъ, ставшій во главѣ этого раціонализма, совершенно исключилъ Пѣснь Пѣсней изъ своего изданія Ветхаго Завѣта. И это было натурально на его точкѣ зрѣнія. Если Пѣснь Пѣсней есть изображеніе одной грубой чувственности, то ей мѣсто вовсе не въ библии, а въ литературѣ Овидія, Катулла, Проперція. Такой взглядъ на нашу книгу новѣйшая критика считаетъ плодомъ грубаго невѣжества и эстетической неразвитости старыхъ раціоналистовъ, и беретъ на себя освободить Пѣснь Пѣсней отъ подобныхъ вульгарныхъ нападокъ, то есть доказать, что и при буквальному пониманіи Пѣснь Пѣсней есть высокое и чисто нравственное художественное произведеніе, изображающее, какъ предметъ подражанія, любовь возвышенную и цѣломудренную, слѣдовательно и при буквальному пониманіи—и даже въ особенности при буквальному пониманіи—имѣетъ право на названіе священной книги. Въ этомъ отношеніи новѣйшіе критики, всѣ безъ исключенія, являются истинными рыцарями чести и достоинства Пѣсни Пѣсней. Главную же свою задачу новѣйшая критика поставляетъ въ томъ, чтобы доказать научнымъ образомъ несостоятельность церковно аллегорическаго пониманія Пѣсни Пѣсней, которое она считаетъ еще болѣе не соответствующимъ книгѣ и произвольнымъ, чѣмъ всякое вульгарно-раціоналистическое пониманіе.

Уже съ первыхъ своихъ шаговъ представители новаго буквальнаго толкованія обнаружили два, а въ позднѣйшее время три отдѣльныя направленія, стоящія въ связи съ тѣми разнообразными средствами, къ которымъ они прибѣгали для защиты своего буквально-эстетическаго пониманія книги и борьбы съ традиціоннымъ аллегорическимъ ея понима-

ніемъ, и основали три отдѣльныя гипотезы: гипотезу пѣсенныхъ *фрагментовъ*, гипотезу *драмы* и гипотезу *эпоса* и *баллады*. Такъ какъ необходимость аллегорическаго пониманія Пѣсни Пѣсней особенно ощутительна при цѣльномъ представленіи всего ея содержанія, обнаруживающемъ такіе необычайныя соотношенія въ положеніи дѣйствующихъ лицъ, которыя сами собою даютъ знать, что простое буквальное пониманіе къ нимъ неприменимо ¹⁾; то первая партія новѣйшихъ буквалистовъ, въ своемъ противоборствѣ аллегоріи и для изгнанія ея, рѣшилась пожертвовать цѣлостію книги. Это тѣмъ легче было сдѣлать, что теорія дробленія св. книгъ на отдѣльныя малыя части была въ то время общимъ убѣжищемъ критики возстававшей противъ ихъ традиціоннаго достоинства и значенія, послѣ того какъ извѣстный врачъ Астрюкъ произвелъ первый опытъ такого дробленія надъ книгою Бытія. „Подвергнуться пробному огню этой теоріи, говоритъ Умбрейтъ, для книги Пѣснь Пѣсней было только вопросомъ времени“. По примѣру книги Бытія, которую Астрюкъ призналъ сборникомъ многихъ отрывочныхъ мемуаровъ, и Пѣснь Пѣсней стали считать сборникомъ отрывочныхъ и разновременныхъ эротическихъ пѣсней, которыя по тому самому не могли быть признаны

¹⁾ Роли дѣйствующихъ лицъ Пѣсни Пѣсней не выдерживаются на столько, на сколько это необходимо для буквальнаго пониманія. Уже въ первой главѣ невѣста является то пастушкой то сторожкой винограднака; ниже ей усвоится еще достоинство царской дочери. Такая же несогласующаяся съ буквальнымъ пониманіемъ разносторонность открывается и въ стремленіяхъ невѣсты: она не сама только желаетъ обладать женихомъ, но и призываетъ раздѣлить обладаніе имъ своихъ подручъ. Женихъ Пѣсни Пѣсней то пастухъ пасущій стада, то вѣнчанный царь. „При буквальному пониманіи Пѣсни Пѣсней, говоритъ Гугъ (Das Hohelied), характеръ ея невѣсты былъ бы полонъ противорѣчій: она вмѣстѣ величественна, богата духомъ и слаба, черна и бѣла, богата и бѣдна, живетъ въ шатрѣ какъ пастушка и вмѣстѣ съ тѣмъ преклепещенна подобно царской дочери, такъ что богатство ея сандалій возбуждаетъ удивленіе царя, а ожерелье на ея шеѣ какъ тысяча щитовъ“.

всѣ аллегорическими, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не могли быть понимаемы всѣ въ смыслѣ одной и той же аллегоріи. Подобно непріятелю, не рѣшающемуся помѣриться силами со всею противною стороною разомъ, говоритъ Д., фрагментисты сперва стараются раздробить Пѣснь Пѣсней на отдѣльные отрывки и доказать, что каждый отдѣльно взятый отрывокъ легко понимается въ простомъ буквальномъ значеніи, не требуя никакой таинственной подкладки, и потомъ эти частныя заключенія распространяютъ на всю книгу⁴. Если, не смотря на такое дробленіе книги, нѣкоторыя мѣста все еще давали чувствовать особенное явно не буквальное значеніе, то фрагментисты, слѣдуя своей общей идеѣ, что Пѣснь Пѣсней связана изъ разновременныхъ осколковъ, уже безъ труда объясняли эти выраженія какъ вставки или прибавленія позднѣйшаго времени, не имѣющія никакого отношенія къ первоначальному виду и смыслу книги; „это, говоритъ одинъ изъ партіи фрагментистовъ, тѣ аллегорическія бѣлыя нитки, которыми синагога насильственно сшила древніе безыскусственные лоскутки“. Въ примѣръ того, что на древнемъ востокѣ поэты легко могли быть ложно аллегоризованы и ихъ простыя пѣсни любви легко могли быть обращены въ таинственныя, послѣ того какъ онѣ были собраны въ цѣльные сборники и совмѣстно комментированы, фрагментисты приводятъ прославленнаго на востокѣ поэта Гафеца (XV вѣка по Р. Хр.), пѣсни котораго доселѣ еще пользуются извѣстностію на всемъ востокѣ. „Это былъ усердный пѣвецъ вина и любви; при жизни его считали почти еретикомъ, а по смерти едва удостоили погребенія. И что же? тѣже самыя пѣсни, изъ-за которыхъ Гафецу отказывали въ приличномъ погребеніи, послѣ того какъ онѣ приобрѣли всеобщую популярность, были такъ подобраны и комментированы въ турецкихъ изданіяхъ, что изъ сочетанія ихъ выступили высшія таинственныя открытія; но стоитъ только каждую пѣсню Гафеца прочесть отдѣльно, безъ предисловія и комментарія, чтобы убѣдиться

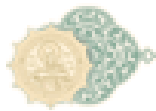
въ ихъ эротическомъ характерѣ“¹⁾. Съ другой стороны въ дробленіи Пѣсни Пѣсней новѣйшіе критики видѣли защиту и отъ возраженій вульгарнаго раціонализма; различая въ Пѣсни Пѣсней основные отрывки и позднѣйшія глоссы, фрагментисты относили къ послѣднимъ также и то, что въ буйствѣ книги Пѣснь Пѣсней могло казаться наиболѣе соблазнительнымъ и непристойнымъ, а за первыми оставляли только однѣ „чистыя лиліи“.

Такимъ образомъ и наша задача по отношенію къ гипотезѣ фрагментовъ специализуется. Для того, чтобы доказать несостоятельность буквальнаго пониманія Пѣсни Пѣсней для этой партіи критиковъ, намъ достаточно доказать только невозможность проецируемыхъ ими мелкихъ дѣлений Пѣсни Пѣсней, потому что съ восстановленіемъ единства и цѣлости книги будетъ устранено съ этой стороны условіе ея буквальнаго пониманія. Хотя у фрагментистовъ есть еще нѣкоторые другія основанія въ пользу буквальнаго пониманія и противъ аллегоризаціи Пѣсни Пѣсней, но, поставленные въ услуженіе той же фрагментаціи книги, въ ихъ системахъ они не имѣютъ никакой силы и большею частію состоятъ изъ общихъ мѣстъ, встрѣчающихся у всѣхъ буквалистовъ древнихъ и новѣйшихъ, а потому до времени могутъ быть игнорированы. Точно также мы игнорируемъ до времени выставленное фрагментистами предостереженіе, что восстанавливать цѣлость и единство нашей книги значить вмѣстѣ съ тѣмъ открывать ее обвиненіямъ вульгарнаго раціонализма въ неприличіи нѣкоторыхъ ея образовъ и выраженій (съ этимъ вопросомъ мы встрѣтимся позже въ общей оцѣнкѣ всѣхъ буквальныхъ пониманій Пѣсни Пѣсней). За то тѣмъ съ большею подробностію мы остановимся теперь

¹⁾ Аналогія пѣсней Гафеда дурно выбрана противниками аллегорическаго пониманія Пѣсни Пѣсней. Гафець аллегоризованъ не случайно; онъ самъ ясно высказываетъ, что изображаемая имъ въ пѣсняхъ чувственная любовь была для него только *образомъ* (Iones, poés. Asiat. p. 189).

на способахъ дробленія Пѣсни Пѣсней у фрагментистовъ и получаемыхъ отсюда ближайшихъ результатахъ, откуда по ближайшемъ изслѣдованіи, кромѣ нашей апологетической задачи — защиты аллегорическаго толкованія, мы надѣемся еще достигнуть другой задачи приговорительнаго ознакомленія читателя съ композиціею и составомъ книги.

Дробленіе книги Пѣснь Пѣсней не есть, строго говоря, изобрѣтеніе новой критики. Возможность его предполагается уже нѣкоторыми весьма древними толкователями. Если, по свидѣтельству іудейскаго преданія, царь Езекиа *собралъ* Пѣснь Пѣсней точно такъ же, какъ онъ собралъ Притчи, то уже этимъ какъ будто предполагается извѣстная въ то время дѣлимость нашей книги на отдѣльныя составныя части. Во время рабби Акибы Пѣснь Пѣсней распѣвалась нѣкоторыми на пиршествахъ, слѣдов. въ видѣ отдѣльныхъ пѣсней. Нѣчто намекающее на фрагментарный видъ Пѣсни Пѣсней находятъ въ словахъ мидраша Cant. חללך הארץ כרם שרץ כר שרץ (см. біуръ Агарона бенъ-Вольфа и Іоила Бриля при Мендельсоновомъ переводѣ). Въ средніе вѣка комментаторъ Товіа-бенъ-Еліезеръ выражался по поводу надписанія книги Пѣснь Пѣсней, что имъ указываются многія пѣсни или славословія, древнѣйшія и позднѣйшія „Если о Давидъ говорится, что онъ изрекъ *одну притчу* (въ псалмахъ 49₃, 78₂, 69₁₂ слово *maschal* употребляется въ единственномъ числѣ), то Соломонъ написалъ *mischle*, многія притчи; если Давидъ изрекъ *одну пѣснь*, *schir* (въ надписаніяхъ псалмовъ *schir* употребляется всегда въ единственномъ числѣ), то Соломонъ написалъ много пѣсней, *schir schirim*“ (Товіа-бенъ-Еліезеръ, предисловіе). Еврейскій мистикъ XIII вѣка Исаакъ бенъ-Загула находилъ въ Пѣсни Пѣсней отдѣльныя гимны, выбранныя изъ тѣхъ гимновъ, которые пѣлись въ іерусалимскомъ храмѣ. Караимскій комментаторъ XI вѣка Іаковъ бенъ-Нейбенъ называлъ Пѣснь Пѣсней коллекціею отдѣльныхъ пѣсней; „если ты захочешь сосчитать число ихъ, то найдешь ихъ 30, соответственно 30 *mizmorim*“. Такимъ образомъ новѣй-

шая гипотеза фрагментовъ не есть новостъ, а только новое повтореніе того, что случайно было обронено древними толкователями. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что первые представители новаго фрагментизма, начиная съ Гердера, не знали ничего о своихъ древнихъ предшественникахъ, да и всѣ вообще новѣйшіе фрагментисты не могли непосредственно пользоваться древними образцами дѣленій Пѣсни Пѣсней, въ виду своихъ особенныхъ задачъ и цѣлей, діаметрально противоположныхъ задачамъ и цѣлямъ древняго фрагментизма. Указанное сейчасъ древнее дробленіе Пѣсни Пѣсней было именно слѣдствіемъ общепринятаго аллегорическаго ея толкованія. Такъ какъ, по таргуму, Пѣснь Пѣсней аллегорически изображаетъ всю древнееврейскую исторію отъ Моисея до Симона-баръ-Кохбы, то, соответственно дѣленію этой исторіи по періодамъ, нѣкоторые толкователи пробовали раздѣлять самую букву текста Пѣсни Пѣсней на части, и въ этомъ только смыслѣ (а не въ смыслѣ разновременнаго происхожденія различныхъ частей книги) различали въ ней древнѣйшіе и позднѣйшіе отдѣлы, т. е. отдѣлы аллегорически изображающіе болѣе древніе періоды теократіи и отдѣлы изображающіе ея позднѣйшую исторію. Такимъ образомъ древній фрагментизмъ въ отношеніи къ Пѣсни Пѣсней былъ однимъ изъ путей поработченія буквы текста ея духовнымъ смысломъ; служилъ особеннымъ способомъ проникновенія въ основной текстъ книги установившагося синагогальнаго толкованія или по крайней мѣрѣ общихъ рамокъ этого толкованія, и велъ за собою цѣлый рядъ тѣхъ отдѣльныхъ аллегорическихъ корректуръ и вставокъ въ книгу, о которыхъ мы говорили выше. Наоборотъ новѣйшій фрагментизмъ вышелъ изъ совершенно противоположнаго стремленія—выдѣлить изъ текста Пѣсни Пѣсней присущіе ему наиболѣе ясные намеки аллегорическаго значенія, чтобы проектируемую имъ „первоначальную сущность“ книги выставить въ значеніи простой эротической пѣсни.

Какая же изъ этихъ двухъ тенденцій дробленія Пѣсни Пѣсней, древняя или новая, можетъ имѣть болѣе серьезное значеніе? Строго говоря, обѣ онѣ равно произвольны, потому что обѣ равно выходятъ не изъ свойства дѣлимости самой книги, а изъ предвзятаго взгляда, образовавшагося независимо отъ содержанія книги и насильственно перекраивающаго ея первоначальный художественный строй. Но если древнимъ комментаторамъ, чуждымъ эстетическихъ началъ критики, еще извинительно было такое насильственное преломленіе священной піесы, тѣмъ болѣе, что оно освящалось благочестивыми и религіозными цѣлями, то подобное варварское отношеніе къ художественному произведенію со стороны новѣйшихъ критиковъ, выше всего цѣнящихъ основныя начала эстетики, не такъ легко извиняется.

Посмотримъ однакожь, чѣмъ стараются оправдать фрагментисты свои новѣйшіе процессы раздробленія Пѣсни Пѣсней? 1) Первая причина, выставленная Гердеромъ и бласгоговѣнно повторяемая всѣми фрагментистами, основывается на психологіи чувствованій и состоитъ въ томъ, что книга Пѣснь Пѣсней должна состоять изъ краткихъ отрывковъ потому уже, что она имѣетъ предметомъ любовь, а сильная любовь скорѣе сковываетъ, чѣмъ развязываетъ уста. Противъ этого положенія мы можемъ сказать, что оно выходитъ изъ того же предвзятаго взгляда, по которому Пѣснь Пѣсней есть простая пѣснь любви, между тѣмъ пока еще весь вопросъ въ томъ и состоитъ, чтобы доказать есть ли это простая пѣснь любви или притча въ образѣ любви, какъ говорить древнее преданіе. Затѣмъ положеніе Гердера будетъ колебаться смотря по тому предположимъ ли, что авторъ Пѣсни Пѣсней говоритъ о своей любви или что онъ объективно рассказываетъ про чужую любовь, можетъ быть въ дѣйствительности никогда не имѣвшую мѣста. Да и вѣрно ли психологически, что любовь не позволяетъ человеку быть многорѣчивымъ? не говорятъ ли напротивъ, что

любовь болтлива ¹⁾? 2) Вторую причиною дробленія Пѣсни Пѣсней фрагментисты выставляютъ интересъ эстетическаго наслажденія отъ книги. Кто читаетъ Пѣснь Пѣсней какъ одно цѣлое, для того красоты отдѣльныхъ картинъ, въ которыхъ собственно и заключается прелесть произведенія, будутъ скрываться въ тѣни; только съ раздробленіемъ этихъ картинъ въ отдѣльныя піесы читатель оцѣниваетъ художественныя совершенства Пѣсни Пѣсней. Но и съ этой стороны дробленіе книги имѣетъ свойство обоюду остраго оружія, потому что если одиѣ картины, въ отдѣльности взятыя, кажутся рельефнѣе, то другія отъ того именно могутъ терять въ впечатлѣніи, и всѣ вообще картины, оторванныя отъ цѣлаго, теряютъ или по крайней мѣрѣ измѣняютъ свой первоначальный смыслъ, вслѣдствіе утраты того освѣщенія общей идеи, которое онѣ имѣютъ въ цѣломъ. 3) Третью положительную причину дробленія нашей книги фрагментисты указываютъ въ ея надписаніи (Пѣснь Пѣсней, Ширъ га-Ширимъ), якобы приличномъ только сборнику отдѣльныхъ мелкихъ пѣсней или пѣсенныхъ отрывковъ. Но всѣ библейскія выраженія, аналогичныя выраженію Ширъ га-Ширимъ, *Пѣснь Пѣсней*, каковы напр. Богъ боговъ (Пс. 50, 1), небо небесъ עִלְיוֹתָ עִלְיוֹתָ (Втор. 10, 14. 1 Цар. 8. 27), святое святыхъ קֹדֶשׁ קֹדֶשׁ קֹדֶשׁ (Исх. 26, 39. 30, 36. 2 Пар. 3, 8. 10), царь царей (Іезек. 26, 7), рабъ рабовъ (Быт. 9, 25), суета суетъ (Еккл. 1, 2), не только исключаютъ всякую мысль о множествѣ, но и наоборотъ утверждаютъ именно высшую степень единства, возвышающаго отмѣченный такимъ образомъ предметъ въ его единичности надъ всѣми предметами того

¹⁾ Если вообще пѣснь любви кратка, прибавляютъ фрагментисты, то она въ особенности такова въ пастушескомъ мірѣ, чуждомъ широкихъ захватовъ мысли и чувства и производящемъ только еѣболла, а не полныя еѣолл. Но есть ли Пѣснь Пѣсней пастушеская пѣснь, это опять вопросъ.

же рода или вида. Пѣснь Пѣсней—самая высшая пѣснь, не имѣющая другой подобной—пѣснь единственная (Лютеръ: das Hohelied). Еще яснѣе указывается единство въ дѣйствительныхъ словахъ надписанія: „(Пѣснь Пѣсней), которая Соломону“, מלשׁל שׁלם, въ силу которыхъ все надписаніе должно быть переведено не просто: *превосходнѣйшая* или *единственная пѣснь*, но еще точнѣе: *превосходнѣйшая или единственная по значенію и красотѣ пѣснь въ кругу возвышенныхъ Соломоновыхъ пѣсней*“. Большая употребительность этого рода превосходной степени въ древній періодъ еврейскаго языка, особенно въ поэтическихъ отдѣлахъ св. книгъ, даетъ основаніе предполагать, что надписаніе Пѣсни Пѣсней сдѣлано самимъ авторомъ книги, еще полнымъ того поэтическаго озаренія, которое онъ въ такой высокой мѣрѣ проявилъ въ составленіи самой пѣсни. Чтобы приблизить надписаніе Пѣснь Пѣсней къ титуламъ сборниковъ, нѣкоторые фрагментисты (Клейкеръ, Августин) обращаютъ еврейское *ширъ*, пѣснь, чрезъ перемѣну гласной въ *шеръ* цѣпь, шнуръ, откуда выходитъ надписаніе: *шнуръ* или *рядъ пѣсней*, соответствующее издательскому надписанію священной санскритской книги Ригъ-Веда, т. е. *сборникъ гимновъ* или священной китайской книги Ши-Кингъ, *книга пѣсней*. Такимъ образомъ изъ богатаго интенсивнымъ смысломъ и чисто библейскаго поэтическаго надписанія утвержденного всеобщимъ преданіемъ, получилось совершенно противное духу древнееврейскаго языка, произвольное и тенденціозное надписаніе, какого ни одинъ еврейскій авторъ не могъ дать своей книгѣ. 4) Четвертою причиною дробленія Пѣсни Пѣсней фрагментисты выставляютъ самое содержаніе книги, якобы совершенно обрывочное и, при первомъ прикосновеніи анализа, распадающееся на отдѣльные отрывки, изъ которыхъ книга насильственно сшита. Это единственное серьезное на видъ основаніе гипотезы фрагментовъ, а потому мы должны заняться имъ подробнѣе.

Вотъ важнѣйшія формулы, выражающія процессъ дробленія Пѣсни Пѣсней у представителей гипотезы фрагментовъ. Первая формула (Ейхгорнъ): $\underbrace{1,2-2,7. 2,8-3,5. 3,6-5,3. 5,4-8,4. 8,5-14.}$ Вторая формула (Гуфнагель): $\underbrace{1,2-17. 2,1-17. 3,1-5. 3,6-11. 4,1-7. 4,8-5,1. 5,2-6,3. 6,4-9. 6,10-7,10. 7,11-8,3. 8,4-7. 8,8-12.}$ Третья формула (Павлюсъ): $\underbrace{1,2-8. 1,7-8. 1,9-2,7. 2,8-18. 3,1-5. 3,6-11. 4,1-8. 4,7-15. 4,10-5,1. 5,2-6,10. 6,11-8,3. 8,4-10. 8,11-14.}$ Четвертая формула (Депке): $\underbrace{1,2-8. 1,9-2,7. 2,8-17. 3,1-5. 3,6-11. 4,1-5,1. 5,2-6,2. 6,3-8. 6,9-8,4. 8,5-7. 8,8-12. 8,13-14.}$ Пятая формула (Магнусъ): $\underbrace{1,2-4. 1,5-8. 1,9-2,7. 2,8-17. 3,1-4. 3,6-11. 4,1-7. 4,8-9. 4,10-5,1. 5,2-7. 5,8-6,2. 6,4-5. 6,8-9. 6,10-7,1. 7,1-7. 7,8-11. 7,11-13. 7,14-8,2. 8,3-4. 8,5-7. 8,8-10. 8,11-12. 8,13-14.}$ Шестая формула (Ребенштейнъ Зандерсъ): $\underbrace{1,1-2,6. 2,7-17. 4,1-5,1. 5,2-6,10. 3,9-11. 6,11-8,7.}$ Седьмая формула (Вейсбахъ): $\underbrace{2,3-17. 3,1-5.}$ Восьмая формула: $\underbrace{1,2-4. 1,5-8. 1,7-8. 1,9-11. 1,12-27. 2,8-17. 3,1-5. 3,6-11. 4,1-5,1. 5,2-6,3. 6,4-10. 6,11-7,11. 7,12-8,4. 8,5-7. 8,8-12. 8,13-14.}$

Уже съ перваго взгляда на эти формулы убѣждаемся, что онѣ вовсе не выражаютъ собою дѣйствительной дѣлности книги, но основываются на субъективныхъ и случайныхъ догадкахъ. Нельзя указать двухъ фрагментистовъ, которые проводили бы чрезъ всю книгу одно и тоже дѣленіе. Способъ дробленія, принятый однимъ, у другого замѣняется новымъ, якобы болѣе близкимъ къ содержанію книги, который въ свою очередь отвергается или исправляется у третьяго и т. дал.—такъ что уже это разногласіе фрагментистовъ въ опредѣленіи границъ и объемовъ отдѣльных пѣсней заставляетъ подозрительно относиться ко всякой вообще попыткѣ фрагментации въ отношеніи къ Пѣсни Пѣсней. Посмотримъ однакожь, какіе въ частности пункты Пѣсни Пѣсней указываются въ приведенныхъ формулахъ какъ при-

годные для разрыва книги на отдѣльные и независимые фрагменты. Совмѣстно разными формулами указываются только немногіе пункты дѣленія, ваковы 2,⁷. 2,¹⁷. 3,⁸. 3,¹¹. 5,¹. 8,⁴; остальные же пункты встрѣчаются только въ двухъ трехъ или даже только въ одной формулѣ. Наиболѣе часто пунктомъ разрыва Пѣсни Пѣсней считаютъ стихъ съ заклинаніемъ, повторяющійся 2,⁷. 3,⁸. (5,⁸). 8,⁴: *заклинаю васъ, дочери Іерусалима, сернами и полевыми ланями...* Но не служитъ ли этотъ повторительный стихъ припѣвомъ, оканчивающимъ строфы одной и той же большой пѣсни и, слѣдовательно, доказывающимъ цѣльность книги, а не ея дробность? Чтобы различныя пѣсни оканчивались однимъ и тѣмъ же припѣвомъ—неслыханное дѣло; а повтореніе тождественнаго припѣва въ заключеніи куплетовъ одной и той же цѣльной пѣсни очень часто встрѣчается въ библии (ср. Пс. 42,⁸. 12. Ис. 9,¹¹. 16. 20 и др.). Такимъ же образомъ пунктъ 5,¹: *пшьте друзья...*, также имѣющій характеръ припѣва, легко можетъ быть объясненъ какъ пунктъ внутренняго раздѣленія цѣльной большой пѣсти, но въ заключеніи независимаго отрыва будетъ необычнымъ и непонятнымъ. Отдѣлы 3,^{1—8}. 3,^{8—11}. 8,^{8—14} многими фрагментистами выдѣляются въ совершенно независимые отрывки, на основаніи ихъ „повѣствовательнаго характера, которымъ они отличаются между другими лирическими частями книги“. Но и другія части Пѣсни Пѣсней не чужды повѣствовательнаго характера (сами же фрагментисты во всѣхъ почти отрывкахъ Пѣсни Пѣсней усматриваютъ историческія указанія на обстоятельства изъ жизни Соломона), и вся вообще литература учительныхъ книгъ ветхаго завета характеризуется сочетаніемъ въ ней лирическаго и историческаго элементовъ.

Если такъ не тверды пункты дробленія Пѣсни Пѣсней, въ которыхъ сходятся всѣ или по крайней мѣрѣ многіе фрагментисты, то что сказать о такихъ пунктахъ, которые для однихъ служатъ пунктами дѣленія, а для другихъ наоборотъ пунктами соединенія и на которыхъ останавливаются от-

дѣльные фрагментисты только для того, чтобы не повторять дословно формулы своихъ предшественниковъ? Вотъ основанія этихъ отдѣльныхъ мелкихъ дѣлений книги. 1) Переменная въ лицѣ говорящемъ вмѣстѣ съ переменною тона или духа пѣсни. Напр. въ отдѣлѣ 1,^а—2,^а говоритъ женихъ какъ царь за своимъ царскимъ столомъ, а въ слѣдующемъ отдѣлѣ 2,^а—1,^а хотя тоже говоритъ женихъ, но уже какъ пастиухъ. Но можно найти и находятъ такія точки зрѣнія, съ которыхъ эти переменны въ говорящемъ лицѣ и тонѣ рѣчи не только не разрозняютъ частей книги, но и будутъ доказывать ихъ единство. Такова, на примѣръ, аллегорическая точка зрѣнія. 2) Переменная лица, къ которому обращается рѣчь. Напр. съ 4,^а начинаютъ новую пѣснь, потому что отсюда начинается обращеніе къ невѣстѣ, между тѣмъ какъ выше была рѣчь о Соломонѣ. Но это возможно и въ цѣльной пѣсни. А въ настоящемъ случаѣ этимъ именно подтверждается цѣльность, потому что здѣсь обращеніе выходитъ именно отъ того лица, которое выше само было предметомъ обращенія. 3) Переменная стороны въ разсматриваемомъ предметѣ. Напр. 1,^а—^а изображается не совсѣмъ выгодное положеніе невѣсты, а начиная съ 9-го стиха ея положеніе представляется блестящимъ. Но подобная переменна сторонъ разсмотрѣнія весьма естественна и въ цѣльномъ сочиненіи и даже доказываетъ собою цѣльность потому, что только въ цѣльномъ сочиненіи можетъ быть такое нарочитое противопоставленіе различныхъ сторонъ одного и того же предмета. 4) Присутствіе въ текстѣ новаго опредѣленія мѣстности. Напр. съ 4,^а начинаютъ особенную пѣснь, потому здѣсь сценою дѣйствія изображается Ливанъ, чего выше не было. Но переменна декораціи всегда и вездѣ возможна. А если, какъ здѣсь, она прямо указывается какъ переменна, то этимъ самымъ дается знать, что мы переходимъ здѣсь въ другую часть пѣсни, но не въ другую пѣснь. 5) Второстепенные припѣвы, напр. 4,^а: *повѣй вътеръ...*, повторяющіеся вопросы, напр. 3,^а. 5,^а. 6,^а. 8,^а: *кто сія?*..., повторяющіеся восклицанія, напр. 4,^а. 7,^а: *о какъ ты прекрасна!*... 2,^а. 8,^а: *бѣги, будь подобенъ!*...

и вообще повторяющіеся стихи, напр 6, 7, 10: *я другу моему, а онъ мнѣ*. Но точно ли это пункты дробленія, а не наоборотъ пункты соединенія? Чтобы утвердить за ними силу дѣленія, фрагментисты прибавляютъ, что они вставлены для нѣкоторой связи книги редакторами, и что первоначально на ихъ мѣстѣ была пустота и пѣсни имѣли совершенно разрозненный видъ. Такимъ образомъ это все таки пункты соединенія, а не раздѣленія, и чтобы стоять на нихъ въ дробленіи книги, нужно имѣть весьма сильныя доказательства ихъ редакторскаго происхожденія.

И такъ тѣ пункты, на которыхъ основываются фрагментисты въ своихъ дробленіяхъ Пѣсни Пѣсней, вовсе не таковы, чтобы ихъ считать разрознивающими текстъ на отдѣльные независимые отрывки, хотя нельзя отвергать и того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они имѣютъ значеніе паузъ или видимыхъ задержекъ, неизбѣжныхъ въ каждомъ лирическомъ произведеніи. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы отвергать единство Пѣсни Пѣсней, они только подтверждаютъ его. Ими устраняется и возраженіе Гердера, что пѣснь любви, какъ бы ее ни понимать, непременно должна быть кратка. Пѣснь Пѣсней хотя не такъ кратка, какъ хочетъ Гердеръ, но она естественно дѣлится на краткіе куплеты или строфы, служащіе пунктами отдохновенія для пѣвца и его читателя. Вообще же, рассматривая выставляемые фрагментистами основанія дѣленія П. П., нельзя не видѣть въ нихъ крайне внѣшняго отношенія къ предмету, руководящагося одними внѣшними признаками. Какого либо логическаго или эстетическаго чутья, которымъ именно хвалится школа фрагментистовъ, какъ ведущая свое начало отъ Гердера и которое, дѣйствительно, могло бы быть лучшимъ судіею въ вопросѣ о составѣ такой высокопоэтической книги какъ Пѣснь Пѣсней, на самомъ дѣлѣ вовсе не видно у фрагментистовъ. Недаромъ всѣ другія партіи буквалистовъ единогласно обвиняютъ ихъ въ недостаткѣ углубленія въ духъ и смыслъ Пѣсни Пѣсней.

Перейдемъ теперь къ отдѣльнымъ гипотезамъ и посмотримъ, какое „новое обаяніе“ оѣ сообщаютъ Пѣсни Пѣсней, обращая ее въ фрагменты эротическихъ пѣсней. Для большей ясности представленія, считаемъ нужнымъ предварительно отмѣтить здѣсь усматриваемыя въ исторіи фрагментизма общія черты его внутренняго движенія. 1) Дробленіе Пѣсни Пѣсней, начатое первыми представителями новѣйшаго фрагментизма, сначала постепенно разросталось, въ смыслѣ умноженія отдѣльныхъ осколковъ книги, и своей крайней степени достигло въ изслѣдованіи вышедшемъ въ 1842 году; въ послѣдовавшихъ же затѣмъ теоріяхъ фрагментистовъ начинается обратное стремленіе дѣлать Пѣснь Пѣсней въ возможно менѣе количество отрывковъ. 2) Чистая теорія фрагментовъ распространяется на Пѣснь Пѣсней только немногими изслѣдователями большею частію изъ первыхъ по времени. Дальнѣйшіе же критики прилагаютъ къ П. Пѣсней теорію фрагментовъ не въ чистомъ видѣ, усматривая въ ней, вмѣстѣ съ силами центробѣжными, своего рода силы центростремительныя, т. е. признаютъ, что Пѣснь Пѣсней, будучи по первоначальному своему происхожденію, сборникомъ распадающихся отрывковъ, Blumenlese, Idyllenkette, Perlenschnurr, не тяготеющихъ ни къ какому основному центру, въ нынѣшнемъ изданіи книги діаскенастами (установителями текста) и канонизаторами подведена подъ управленіе особеннаго связующаго начала (отдѣльные перлы тѣсно подобраны и перевязаны одною ниткою), и потому для перваго взгляда производитъ впечатлѣніе единства. 3) Находимые въ Пѣсви Пѣсней отдѣльные отрывки у первыхъ фрагментистовъ считаются еще одновременными по происхожденію и даже признаются произведеніями одного и того же писателя, Соломона или другого близкаго къ нему по времени поэта; затѣмъ отдѣльные отрывки раздѣляются по своему происхожденію на древнѣйшіе, оригинальные или лучшіе и позднѣйшіе, подражательные или худшіе, и наконецъ снова приписываются одному пѣвцу, за исключеніемъ

небольшой части. 4) Что касается степени научной силы и достоинства трактатовъ, посвященныхъ гипотезѣ фрагментовъ, то изъ нихъ только весьма не многія, собственно срединныя, сочиненія имѣютъ видъ специальныхъ изслѣдованій и толкованій. Прежде чѣмъ гипотеза фрагментовъ установилась на возможныхъ для нея филологическихъ основаніяхъ (у Дѣпке и Магнуса), прошло около 50 лѣтъ, въ теченіе которыхъ появлялись только летучія статьи этого направленія. И, съ другой стороны, въ послѣднія три десятилѣтія гипотеза фрагментовъ опять потеряла свой научный кредитъ, обезоруженная критикою Евальда, а особенно Делича. Со времени Гейлигштедта (1848) и Лосснера (1851) новыхъ самостоятельныхъ защитниковъ гипотезы фрагментовъ въ отношеніи къ книгѣ Пѣснь Пѣсней не явилось. Такимъ образомъ фрагментизмъ, этотъ первый изъ видовъ новѣйшаго буквального пониманія П. Пѣсней, можно считать въ настоящее время почти что уже не существующимъ, и если мы входимъ здѣсь въ его ближайшее разсмотрѣніе, то только для предупрежденія возможности возстановленія его нашими русскими изслѣдователями, доселѣ не обнаружившими еще никакого направленія взглядовъ на Пѣснь Пѣсней, потому что опасность увлеченія гипотезою фрагментовъ особенно серьезна на порѣ первыхъ научныхъ отношеній къ Пѣсни Пѣсней.

Во главѣ новѣйшей гипотезы фрагментовъ и вообще всего новѣйшаго буквального пониманія П. П. стоитъ *Гердеръ*, извѣстный критикъ и эстетикъ конца прошлаго вѣка (*Lieder der Liebe die ältesten und Schönsten aus dem Morgenlande*). Это обстоятельство едва ли есть хорошая рекомендація новѣйшихъ гипотезъ. Не богословъ въ строгомъ смыслѣ, не оріенталистъ, еще почти юноша, Гердеръ что могъ сказать рѣшительное въ вопросѣ о ветхозавѣтной священной книгѣ, какимъ бы тонкимъ эстетикомъ и поэтомъ онъ ни былъ? Онъ могъ возбудить вопросъ о внѣшней поэти-

ческой сторонѣ Пѣсни Пѣсней,—и только. Дѣло Гердера, какъ выразился Шлоссеръ въ своей исторіи XVIII вѣка, состояло только въ томъ, что онъ въ область духовной науки заронилъ вопросъ о поэзіи (*Poesie unter die Pfarerr geworfen*). Имѣть же рѣшающій голосъ въ этомъ вопросѣ онъ не могъ по самому существу дѣла. Если Гердеръ упрекаетъ современныхъ ему богослововъ въ недостаткѣ поэтического и эстетическаго чутія при изученіи книги Пѣснь Пѣсней и въ излишествѣ богословскихъ тенденцій, то его самого нужно упрекнуть въ совершенномъ недостаткѣ богословскихъ тенденцій и въ крайнемъ излишествѣ фантазій, слѣдствіемъ чего было то, что въ П. П. онъ просмотрѣлъ религіозный характеръ и не понялъ окружающей ее традиціи. Съ другой стороны примѣръ Гердера показалъ какой серіозный смыслъ имѣетъ древнее запрещеніе заниматься Пѣснію Пѣсней до зрѣлаго возраста. Этотъ эстетикъ, взявшись за книгу П. П., по своей юности весь уходитъ въ созерцаніе ея внѣшней оболочки, наполняетъ свое сочиненіе длинными рядами восклицательныхъ знаковъ по ея поводу и, ослабленный ею, не видитъ, что это только холодная маска, за которою скрывается высшій безплотный образъ. Пѣснь Пѣсней для него есть чисто эротическое произведеніе, подобное индійскимъ пѣснямъ Амару и Вартригари. „Божественная печать, лежащая на книгѣ Пѣснь Пѣсней, состоитъ въ изображеніи простой патріархальной любви, какую имѣли Адамъ и Ева, когда были наги и не стыдились“, т. е. въ изображеніи того только, что видно простому глазу. Въ частности Гердеру слышатся въ П. П. два голоса, голосъ чистой и наивной пастушки и голосъ другой гаремной женщины, пресыщенной любовію, подобные двумъ голосамъ книги Екклесіастъ, голосу боязливому и сдержанному и другому голосу, беззащитному и призывающему къ удовольствіямъ. Чтобы яснѣе слышать эти голоса, Гердеръ жертвуетъ единствомъ композиціи Пѣсни Пѣсней и указываетъ начало дробленія

книги всѣмъ дальнѣйшимъ фрагментистамъ ¹⁾. Впрочемъ, въ сравненіи съ дальнѣйшими дробленіями П. П., Гердерово дробленіе можно назвать еще умѣреннымъ: оно не исключаетъ единства общаго предмета всей книги и единства ея писателя, которымъ, по мнѣнію Гердера, былъ самъ Соломонъ. За эту нерѣшительность въ проведеніи началъ новой школы буквальнаго пониманія Пѣсни Пѣсней, позднѣйшіе буквалисты (Зацдерсъ) укоряютъ Гердера въ страхъ (?) предъ библіею, помѣшавшемъ ему якобы быть послѣдовательнымъ и научнымъ. Если Гердеръ оказалъ какую нибудь услугу Пѣсни Пѣсней, то только въ той части своей критики, гдѣ онъ опровергаетъ возраженія противъ благопристойности образовъ и выраженій П. П. вообще. „Только крайній лицемеръ можетъ чувствовать какой либо стыдъ при чтеніи Пѣсни Пѣсней; стыдиться ея образовъ можетъ только тотъ, кто въ состояніи стыдиться своей матери за то, что она родила его, своей жены, дѣтей и себя самого за тотъ видъ, какой дала ему природа“. Эти и подобныя выраженія Гердера повторяются у всѣхъ новѣйшихъ критиковъ.

Наброски Гердера о книгѣ Пѣснь Пѣсней своимъ первымъ научнымъ развитіемъ обязаны *Ейхгорну*, который сперва воспользовался ими въ своемъ „введеніи въ Ветхій Завѣтъ“, а потомъ въ своемъ періодическомъ изданіи (*Repertorium für bibl. Liter.*) далъ мѣсто нѣсколькимъ отдѣльнымъ статьямъ о П. П., написаннымъ подъ вліяніемъ идей Гердера. Взглядъ самого Ейхгорна на книгу Пѣснь Пѣсней состоитъ въ слѣдующемъ. Пѣснь Пѣсней представляетъ рядъ отдѣльныхъ эротическихъ пѣсней, хотя написанныхъ одною

¹⁾ По мнѣнію Ветхера, „Гердеру недоставало драматическаго вкуса и основательнаго знанія библейскаго языка, чтобы быть судіею въ вопросѣ о Пѣсни Пѣсней, тогда какъ Гете недоставало только послѣдняго условія“. Можно пожалѣть уже изъ-за одной Пѣсни Пѣсней, что эти два авторитета, изучавшіе еврейскій языкъ въ дѣтствѣ, остановились на первыхъ начаткахъ и въ своихъ сужденіяхъ о библейской поэзіи должны были руководствоваться догадками или чужими комментаріями.

рукою: отъ перваго слова любви въ началѣ книги до послѣдняго клятвеннаго увѣренія въ любви въ заключеніи, вездѣ одинъ духъ, одни и тѣже выраженія. Но гдѣ найти двухъ любящихъ, которые бы одинаково выражали свои ощущенія? восклицаетъ Ейхгорнъ языкомъ Гердера. Отдѣльныхъ пѣсней въ составѣ нынѣшней книги П. П. четыре: первая отъ 1,₂ до 2,₇; вторая пѣснь отъ 2,₈ до 3,₆; третья пѣснь отъ 3,₈ до 5,₂; четвертая пѣснь отъ 5,₃ до 8,₄. Что же касается отдѣла 8,₅—14, то онъ принадлежитъ уже издателю или собирателю пѣсней нашей книги, который этимъ прибавленіемъ имѣлъ въ виду привести отдѣльныя пѣсни къ одному знаменателю. Съ тою же цѣлію и тѣмъ же издателемъ П. П. сдѣланы одноформенные припѣвы къ каждой въ отдѣльности изъ четырехъ первоначальныхъ пѣсней (2,₇. 3,₆. 5,₂. 8,₄). Такимъ образомъ въ нынѣшнемъ видѣ П. П. производитъ впечатлѣніе цѣльнаго произведенія. По времени же происхожденія Пѣснь Пѣсней есть противоположность книгѣ Іова—древнѣйшему роду поэтическихъ произведеній, и принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ. Хотя содержанію Пѣсни Пѣсней во всей библейской исторіи наиболѣе соотвѣтствуетъ время Соломона; но и въ позднѣйшее время могли писать въ тонъ любви Соломона. Какъ Давидъ для всего позднѣйшаго времени служилъ образцомъ религіозныхъ гимновъ, такъ Соломонъ сталъ предметомъ подражанія для всѣхъ позднѣйшихъ буколистовъ.

Въ этихъ положеніяхъ Ейхгорнъ обнаружилъ не послѣднее искусство балансировать подъ давленіемъ разнородныхъ впечатлѣній. Съ одной стороны на него неотразимо дѣйствуетъ впечатлѣніе единства Пѣсни Пѣсней; съ другой не менѣе неотразимо звучать для него подслушанные Гердеромъ въ Пѣсни Пѣсней разнородные голоса, раздробляющіе книгу на отдѣльныя части. Съ одной стороны онъ ясно чувствуетъ въ Пѣсни Пѣсней духъ и характеръ эпохи Соломона; съ другой стороны, послѣ того какъ онъ призналъ въ книгѣ редакторскій элементъ, онъ почувствовалъ себя вы-

нужденнымъ отчислить книгу къ позднѣйшему времени. Поставивъ Соломона въ параллель съ Давидомъ, оставившимъ образцы религіознаго гимна для всего послѣдующаго времени, Ейхгорнъ создалъ для себя новое противорѣчіе въ виду неизбежно отсюда вытекающаго вопроса: гдѣ тотъ Соломоновъ образецъ эротическихъ пѣсней, параллельный основнымъ псалмамъ Давида, которому подражали позднѣйшіе буколисты? Не таже ли Пѣснь Пѣсней считается у Ейхгорна и первоначальнымъ образцомъ, составленнымъ Соломономъ, и его позднѣйшими подражаніями? Что касается самаго дробленія Пѣсни Пѣсней у Ейхгорна, то его можно назвать еще умѣреннымъ по количеству выдѣляемыхъ имъ отрывковъ (4). Тѣ пункты дѣленія, которые указалъ Ейхгорнъ, признаются у всѣхъ дальнѣйшихъ фрагментистовъ за несомнѣнные пункты разграниченія отдѣльныхъ пѣсней и дѣйствительно представляютъ собою задерживающія теченіе мыслей паузы. Но мы говорили уже, что эти паузы служатъ признаками дѣленія одной и той же цѣльной художественной пѣсни, а не признаками отрывочности пѣсней. Въ этомъ согласенъ съ нами и Ейхгорнъ, когда считаетъ ихъ редакторскими вставками, сдѣланными съ цѣлю объединенія первоначальныхъ разрозненныхъ пѣсней. Такимъ образомъ Пѣснь Пѣсней, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ видѣ, есть одно связанное сочиненіе. Зачѣмъ понадобилось Ейхгорну сперва раздробить книгу на части, чтобы потомъ снова соединить ихъ въ одно цѣлое, этого онъ не говоритъ прямо; но не трудно усмотрѣть, что не единство книги само по себѣ ему не желательно, а другое свойство книги, на которомъ онъ ни на минуту не хочетъ остановиться, но которое однакожъ, при цѣльномъ представленіи содержанія книги, ясно даетъ себя чувствовать, именно свойство не буквального, а аллегорическаго ея значенія.

Подъ крыломъ Ейхгорна, въ его періодическомъ изданіи (Perpetrorium...), нашли пріютъ два другіе фрагментиста, Гуфнагель и Павлюсъ. *Гуфнагель* не прибавляетъ ничего су-

щественнаго ко взгляду Ейхгорня, но въ развитіи гипотезы фрагментовъ дѣлаетъ шагъ тѣмъ, что пять большихъ отрывковъ, указанныхъ въ П. П. Ейхгорномъ, раздробляетъ на одиннадцать мелкихъ частей эротическаго содержанія такимъ образомъ. Первый отрывокъ представляетъ перемѣнную пѣснь невѣсты 1,₂—7, жениха 1,₈—11 и снова невѣсты. Второй отрывокъ 2,₁—17 представляетъ независимую отъ первой, новую пѣснь, прекраснѣйшую по содержанію и выраженію, вложенную въ уста любящей пастушки; начинаясь воспоминаніемъ объ отсутствующемъ другѣ, пѣснь постепенно переходитъ въ сонъ на яву, въ которомъ дѣвица видитъ своего возлюбленнаго скачущимъ по холмамъ, и потомъ снова отрезвляется и заканчивается точнымъ выраженіемъ любви. Отдѣлъ 3,₁—; представляетъ pendant къ предшествующей пѣсни и можетъ быть даже одно цѣлое съ нею. Третій отрывокъ или третья пѣснь 3,₈—11 посвящена частному случаю — бракосочетанію Соломона или торжественному приему во дворецъ царя невѣсты—иностранки. Четвертая пѣснь 4,₁—7 имѣетъ специальнымъ предметомъ похвалу дѣвицъ въ восточномъ вкусѣ. Пятая пѣснь отъ 4,₈ до 5,₁ во вкусѣ первой, но гораздо искусственнѣе; поэтъ воспѣваетъ здѣсь принятіе простой сельской дѣвушки въ домъ богатаго столичнаго жителя. Шестая пѣснь отъ 5,₈ до 6,₈ въ тонѣ второй пѣсни, но съ другою обстановкою; тамъ сельская картина, здѣсь городская; можетъ быть эта пѣснь первоначально назначалась для исполненія въ гаремахъ. Последніе стихи 6,₈ представляютъ, кажется, случайно попавшій сюда отрывокъ изъ какой то особенной пѣсни. Седьмая пѣснь 4,₈—7 изображаетъ похвалу супружеской вѣрности. Восьмая пѣснь, отъ 6,₁₀ до 7,₁₀, отчасти во вкусѣ третьей главы, имѣетъ предметомъ бесѣду простой сельской дѣвушки съ столичнымъ юношею; дѣвушка удивляется напыщеннымъ похваламъ, расточаемымъ ей молодымъ человекомъ и отклоняетъ его любовь. Девятая пѣснь отъ 7,₁₁ до 8,₈ воспѣваетъ весну, дающую новую силу любви и уничтожающую тѣ преграды

любви, которые создались зимнимъ временемъ. Десятая пѣснь 8,4—, изображаетъ глубокую и сильную привязанность молодой и неопытной дѣвушки. Одиннадцатая пѣснь, 8,8—12, представляетъ заботы братьевъ, на которыхъ лежитъ обязанность охранять отъ соблазновъ сестру—дѣвицу. Послѣдніе два стиха книги П. П. представляютъ совершенно отрѣзанныя строфы, одного взгляда на которыя достаточно, чтобы убѣдиться въ фрагментарномъ происхожденіи и характерѣ всей книги.—Но раздробляя такимъ образомъ книгу П. П., Гуфнагель ничѣмъ не мотивируетъ своего отношенія къ ней и, довѣряясь своимъ личнымъ случайнымъ впечатлѣніямъ, останавливается на такихъ пунктахъ, которые, какъ мы уже говорили, скорѣе связываютъ книгу въ одно цѣлое, чѣмъ раздѣляютъ на отдѣльные отрывки. Подобно Ейхгорну, Гуфнагель въ послѣднихъ стихахъ Пѣсни Пѣсней видитъ нѣчто особенное, имѣющее другое происхожденіе, чѣмъ серія предшествующихъ пѣсней. Но тогда какъ для Ейхгорна послѣдняя часть книги есть нарочито составленный издателемъ Пѣсни Пѣсней эпилогъ, имѣющій свой смыслъ въ нынѣшнемъ составѣ книги, Гуфнагель отказывается понять, какое значеніе можетъ имѣть заключительный отрывокъ въ общей экономіи книги. И во всей вообще Пѣсни Пѣсней Гуфнагель не видитъ тѣхъ связующихъ нитей, которыя, на взглядъ Ейхгорна, проведены редакторомъ сквозь всѣ разбросанные первоначальные лоскутки книги. По мнѣнію Гуфнагеля, и въ нынѣшнемъ видѣ Пѣснь Пѣсней состоитъ изъ ничѣмъ между собою не связанныхъ отдѣльныхъ малыхъ пѣсней и даже отдѣльныхъ строфъ, оторванныхъ отъ погибшихъ древнихъ пѣсней.

Новый шагъ въ развитіи гипотезы фрагментовъ, послѣ Ейхгорна и Гуфнагеля, дѣлаетъ *Павлюсъ*. Пѣснь Пѣсней не есть цѣлое, а сборникъ *ἐρωτικῶν*, имѣющихъ столь же мало между собою общаго, какъ и оды Горация. Всего въ сборникѣ П. П. 13 отрывковъ, изъ которыхъ первые девять представляютъ группу оригинальныхъ пѣсней, а послѣдніе

четыре—группу подражаній. Первый отрывокъ, 1,₁₋₆ представляетъ безыскусственную переменную пѣснь. Дѣвица (селянка) томится о своемъ возлюбленномъ, но, по своей застѣнчивости, высказывается одними отрывочными вздохами (по обычному евреямъ тону ласкательныхъ обращеній, говорить о немъ третьимъ лицомъ). Ее прерываетъ хоръ дѣвицъ, говорящій о томъ же возлюбленномъ съ болѣею откровенностію. За тѣмъ, побѣдивъ робость, въ стт. 6—8 дѣвица говоритъ о себѣ какъ дочери природы. Второй отрывокъ 1,₇₋₈. Пастушка боится, что она съ своимъ стадомъ козъ будетъ терпѣть притѣсненія со стороны задорныхъ пастуховъ, во время полуденнаго отдыха, при водопойнѣ, и говоритъ это своему другу, высказывая желаніе, чтобы онъ былъ съ нею и помогъ ей своимъ содѣйствіемъ. Тотъ отвѣчаетъ ей совѣтомъ быть съ своимъ стадомъ по близости, чтобы онъ могъ придти къ ней на помощь во всякое время. Эту пѣснь могла воспѣть всякая еврейка, бывшая въ положеніи Рахили и Сепфоры, когда имъ пришли на помощь при колодцѣ Іаковъ и Мойсей. При такомъ содержаніи этотъ отрывокъ не имѣетъ никакого отношенія къ предшествующему и стоитъ самостоятельно. Третій отрывокъ отъ 1,₉ до 2,₇. Пѣснь любви богатаго шейха, среди богатой восточной обстановки, въ кіоскѣ, въ саду, одаряющаго подарками свою возлюбленную. Указывалъ на стоящую въ отдаленіи, разряженную, по египетскому обычаю, кобылицу и колесницу, шейхъ говоритъ невѣстѣ, что и она должна быть также испещрена украшеніями, составляющими необходимую принадлежность богатыхъ гаремныхъ женщинъ. Очевидно, содержаніе пѣсни удивленно отъ предшествующаго и послѣдующаго. Четвертый отрывокъ 2,₈₋₁₀. Пѣснь юноши, приглашающаго свою возлюбленную оставить на время стѣны гарема и пожить на лонѣ природы, среди цвѣтовъ, подъ дыханіемъ весны. Пятый отрывокъ 3,₁₋₆ представляетъ разсказъ дѣвицы о своемъ сновидѣніи, въ которомъ явился ей ея другъ. Что здѣсь

изображается именно сновидѣніе, видно изъ словъ: *на ложѣ моемъ*—во снѣ, а также изъ того, что восточная гаремная женщина только въ сновидѣніи можетъ ходить ночью по улицѣ. Шестой отрывокъ 3,₈—11. Пѣвецъ приглашаетъ дочерей Іерусалима идти смотрѣть на свадебный кортежъ царя Соломона, по восточному обычаю несомаго на носилкахъ, въ сопровожденіи невесты. Седьмой отрывокъ 4,₁—6 представляетъ пастуха, восхваляющаго свою подругу образами взятыми изъ близкой къ нему пастушеской обстановки. Восьмой отрывокъ 4,₇—12 подобно предшествующему, воспѣваетъ красоту невесты, выросшей, какъ видно изъ стиха 7-го, въ области Ливана. Девятый отрывокъ отъ 4,₁₃ до 5,₁, представляетъ наивное обращеніе дѣвицы къ вѣтру съ просьбою повѣять на тотъ садъ, среди котораго ходитъ ея другъ, чтобы благоволеніе сада было для него ощутительнѣе. Отличіе этого отрывка отъ предшествующаго состоитъ въ томъ, что здѣсь садъ есть садъ въ буквальномъ смыслѣ, а тамъ подъ его образомъ изображена сама невеста.

Здѣсь оканчивается первая группа отрывковъ Пѣсни Пѣсней, которые по своему характеру могутъ быть названы первичными и самостоятельными; всѣ они равно отличаются тонкимъ изящнымъ вкусомъ, выразительностію и сжатостію образовъ. Совершенною противоположностію имъ является вторая группа отрывковъ, представляющая неискусное подраженіе первой группѣ и утрирующая ея образы; что тамъ выражено въ краткихъ чертахъ, здѣсь до крайности растянуто и возбуждаетъ только отвращеніе, характеризуя собою крайній упадокъ вкуса. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить 3,₁—6 съ 5,₂—8 или 4,₁—7 съ 7,₁—10; послѣдніе отдѣлы представляютъ грубое и напыщенное разукрашеніе простыхъ мыслей первыхъ отдѣловъ. Нѣчто подобное можно усмотрѣть при сравненіи латинскихъ поэтовъ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ. Если первую группу *ῥοτκῶν* я съ удовольствіемъ переводилъ и толко-

валъ, говоритъ Павлюсъ, потому что въ ней каждый отрывокъ представлялъ нѣчто новое и прекрасное даже на нашъ вкусъ, то вторую группу у меня не достало охоты переводить, и я ее оставляю (вмѣсто перевода и комментарія, Павлюсъ во второй группѣ ограничивается однимъ указаніемъ общаго содержанія пѣсней). Хотя и здѣсь нѣкоторыя мысли и выраженія нужно назвать удачными (напр. 5,15. 6,4. 6. 10), но онѣ не искупаютъ общаго тяжелаго впечатлѣнія, выносиваемаго изъ подражательной части книги; это—блестящія заплаты на безобразномъ рубищѣ. Впрочемъ два послѣдніе отрывка второй группы вовсе не заслуживаютъ упрека въ подражательности; во всей книгѣ Пѣснь Пѣсней не найдется мѣста болѣе сильнаго, чѣмъ 8,5—7. Такимъ образомъ позднѣйшая подражательная часть Пѣсни Пѣсней не просто приложена къ древнѣйшей части, какъ къ книгѣ Притчей приложенъ отдѣлъ съ именемъ Агура и Лемуила или какъ къ книгѣ Плачъ приложена подражательная послѣдняя глава, но введена въ средину ряда оригинальныхъ древнихъ пѣсней. Въ частности во второй группѣ пѣсней нашей книги—четыре отрывка. Первый отрывокъ группы или десятый отъ начала книги занимаетъ мѣсто отъ 5,1 до 6,10 и имѣетъ характеръ безусловно подражательный. Предметомъ его служить изображеніе чистаго счастья любви въ противоположности суетному блеску богатаго гарема. Одиннадцатый отрывокъ, отъ 6,11 до 7,14, имѣетъ предметомъ изображеніе любви, закаляющейсѣ среди соблазновъ (во время праздничнаго хоровода къ двѣницѣ пристають молодые люди, но она остается твердою въ своей любви къ жениху). При частнѣйшемъ обзорѣніи этого отрывка, равно какъ и двухъ слѣдующихъ, Павлюсъ находитъ въ нихъ всѣ признаки оригинальныхъ пѣсней, такъ что, вопреки его общей характеристикѣ второй группы, и она оказывается вполне оригинальною, за исключеніемъ одного отрывка отъ 5,1 до 6,10. Двѣнадцатый отрывокъ 8,4—6. (замѣчательно, что отдѣлъ 8,1—3 у Павлюса потерялся) изображаетъ сцену

въ домѣ невѣсты: заклѣтія любви отъ лица невѣсты и возраженія братьевъ невѣсты въ виду ея еще почти дѣтскаго возраста, которыя ова смѣло и самоувѣренно устраняетъ. Эпиграфомъ этой пѣсни можно поставить поговорку: любовь не дожидается совершеннотѣтія. Тринадцатый и послѣдній отрывокъ, 8,₁₁—14, одна изъ самыхъ наивныхъ пѣсней всего сборника, написанъ на тему: любовь выше всѣхъ соgroвищъ.

Общія положенія о происхожденіи Пѣсни Пѣсней сводятся у Павлюса къ слѣдующему: 1) Ни одинъ изъ указанныхъ 13 отрывковъ не принадлежитъ лично Соломону. 2) Нѣкоторые отрывки несомнѣнно написаны при жизни Соломона (3,₆—11. 8,₁₁—14), а другіе (оригинальные) только вѣроятно (1,₁—6. 1,₉—2,₇). 3) Подражательные отрывки принадлежатъ, по всей вѣроятности, времени Ровоама, когда, по смерти Соломона и раздѣленіи царствъ, древній высокій пѣсенный вкусъ вдругъ упалъ, подобно тому какъ онъ вдругъ упалъ при преемникахъ Августа, такъ что поэты высокаго вкуса, авторы первой группы отрывковъ Пѣсни Пѣсней и авторы второй группы, подражатели, могли быть почти современниками или по крайней мѣрѣ принадлежать къ непосредственно соприкасавшимся поколѣніямъ. 4) Собраніе отрывковъ въ нынѣшнюю книгу Пѣсни Пѣсней нужно считать послѣдовавшимъ за собраніемъ книги Псалмовъ, потому что еслибы псалмы не были еще собраны, то нѣкоторые изъ нихъ, напр. псаломъ 45-й или пѣснь по случаю бракосочетанія Соломона, непременно вошли бы въ сборникъ Пѣсни Пѣсней. Собраніе отрывковъ происходило случайно, потому что въ нынѣшнемъ порядкѣ отрывковъ не видно соблюденія какого либо направленія и единства содержанія. Нельзя сказать и того, чтобы отрывки были собраны въ хронологическомъ порядкѣ, такъ какъ въ заключеніи книги стоитъ одинъ изъ древнѣйшихъ отрывковъ, написанный еще при жизни Соломона. Необходимымъ слѣдствіемъ этой безпорядочности сборника Пѣсни Пѣсней нужно считать отсутствіе

въ немъ всякой предвзятой мысли, всякой морали и алегоріи. Къ аллегорическому истолкованію стали обращаться вслѣдствіе того, что частныя обстоятельства, подавшія поводъ къ написанію отдѣльныхъ пѣсней, съ теченіемъ времени забылись и книга постепенно обратилась въ *tabula rasa*.

Что сказать о гипотезѣ Павлюса? Она представляетъ собою усиленное устремленіе впередъ, по тому наклонному пути, который указанъ первыми фрагментистами, въ видахъ возможно большаго огражденія ея отъ аллегоризаціи. Павлюсово дѣленіе П. П. на 13 отрывковъ слишкомъ мелко и страдаетъ общими всѣмъ фрагментистамъ недостатками, зависѣвшими отъ поверхностнаго взгляда на предметъ и наклонности къ увлеченію виѣшними и случайными признаками. Слѣдуя принятому у Павлюса способу дѣленія, можно раздроблять Пѣснь Пѣсней не на 13 только, но и гораздо больше отрывковъ; въ каждомъ стихѣ можно найти особенный отгѣнокъ содержанія и, слѣдовательно, по взгляду Павлюса, новый отрывокъ. На сколько смѣлою является у Павлюса гипотеза фрагментовъ въ выдѣленіи отрывковъ, на столько она еще робка и неувѣрена въ дальнѣйшемъ обращеніи съ полученными отрывками, въ распознаваніи между ними оригинальныхъ и болѣе изыщныхъ и не оригинальныхъ и худшихъ. Сказавши сначала, что первые 4 главы Пѣсни Пѣсней заключаютъ группу оригинальныхъ пѣсней, а послѣднія 4—группу подражательныхъ, Павлюсъ въ частнѣйшемъ обзорѣ второй группы находитъ и въ ней оригинальныя и древнія пѣсни и даже болѣе древнія, чѣмъ отрывки первой группы, и для подражательной части съ увѣренностію оставляетъ только одинъ отрывокъ отъ 5, до 6,10. Еще большую нерѣшительность обнаруживаетъ Павлюсъ въ опредѣленіи времени происхожденія подражательной части. По его мнѣнію, она могла произойти почти въ одно время съ своими оригиналами, потому что поэтическій вкусъ евреевъ упалъ немедленно

послѣ Соломона. Это положеніе ничѣмъ не можетъ быть доказано (дальнѣйшіе критики всю П. П. относятъ къ тому времени, которое Павлюсъ считаетъ временемъ упадка) и явилось какъ самый неловкій компромисъ у Павлюса, тѣмъ болѣе неловкій, что Павлюсъ отвергаетъ при этомъ личное участіе самого Соломона въ составленіи Пѣсни Пѣсней. Возможно ли, чтобы одно и тоже поколѣніе писателей сразу, съ смертію Соломона, такъ измѣнило строй своихъ лиръ, что „первая часть Пѣсни Пѣсней читается съ наслажденіемъ, а вторая напротивъ съ крайнимъ отвращеніемъ“? Мы не говоримъ уже о томъ, что выставленный Павлюсомъ единственный, въ собственномъ смыслѣ подражательный, отдѣлъ ничѣмъ рѣшительно не отличается въ своемъ содержаніи, характерѣ и изложеніи отъ остальной оригинальной части книги, и что другіе фрагментисты (Магнусъ и др.) именно въ этомъ отрывкѣ видятъ древнѣйшую и оригинальнѣйшую часть книги, подобно тому какъ самъ Павлюсъ видитъ высокую и вполне оригинальную пѣснь въ томъ отдѣлѣ (8, 11—14), который его предшественникамъ (Ейхгорну и Гуфнагелю) казался позднѣйшею редакторскою приставкою.

(Оставляя въ сторонѣ другихъ фрагментистовъ, современныхъ Ейхгорну и Павлюсу, которые также отражаютъ на себѣ свѣжее еще впечатлѣніе идей Гердера, но безъ научнаго обоснованія ихъ, и для которыхъ слѣдованіе теоріи фрагментовъ было дѣломъ моды, каковы Клейкеръ (*Sammlung der Gedichte Salomo's sonst das Hohelied genannt*) Дедерлейнъ (*Salomo's Hohelied neu übersetzt*), Вельтузенъ¹ (*Der Schwesternhandel, eine morgenländische Idyllenkette*), Гаабъ (*Beiträge zur Erklärung des sogen. Hohenliedes*), Юсти (*Blumen alt hebräischer Dichtkunst*) и друг., обратимъ вниманіе на двухъ важнѣйшихъ представителей гипотезы фрагментовъ, Дёнке и Магнуса, филологическія изслѣдованія которыхъ о книгѣ Пѣснь Пѣсней составляютъ центральный пунктъ во всей исторіи гипотезы.

¹) Вельтузенъ находилъ въ Пѣсни Пѣсней изображеніе обычая продажи сестры братьями въ богатый гаремъ.

Дэпке. Пѣснь Пѣсней есть сборникъ отдѣльныхъ пѣсней, бывшихъ въ народномъ употребленіи древнихъ евреевъ (какъ это видно изъ ихъ періодическаго ритма), по своему характеру и содержанію относящихся къ роду поэзіи эротико-идиллическому и поэтически изображающихъ частные случаи изъ жизни Соломона, а слѣдовательно написанныхъ во время жизни Соломона, потому что послѣ его смерти эти случаи скоро должны были бы забыться или вытѣсниться тѣми новыми чертами, въ ореолѣ которыхъ явился Соломонъ для послѣдующихъ поколѣній, и потому что языкъ книги, свѣжій и цвѣтуцій, наиболѣе приличенъ времени Соломона, и идиллія возможна только въ періоды мирной и счастливой жизни. Писателемъ этихъ пѣсней былъ не Соломонъ, потому что Соломонъ не могъ воспѣвать самъ себя и свою любовь, но лицо во всякомъ случаѣ близкое къ Соломону (при царь-поэтѣ легко могли быть и приближенные-поэты) и стоявшее подъ обаяніемъ его личности, а цѣлю составленія пѣсней было прославленіе имени Соломона чрезъ идеализированныя изображенія его чистой и возвышенной любви, совершенно противоположныя тѣмъ представленіямъ о Соломонѣ, владѣтелѣ многочисленнаго гарема, какія могли образоваться о немъ съ строгой теократической точки зрѣнія; авторъ Пѣсни Пѣсней оказывалъ такую же услугу Соломону, какую составители романтическихъ сагъ Норманновъ и Бриттовъ оказали королю Артуру. Если въ Пѣсни Пѣсней упоминается еще пастухъ, то это вовсе не новый герой пѣсни, а идиллическое имя того же Соломона. Что касается собранія пѣсней въ рассматриваемой книгѣ, то оно сдѣлано не вполне хронологически: вторая половина второй главы должна бы стоять выше, а брачная пѣснь 3,8—11 ниже, послѣ шестой главы; отдѣлы 8,8—11 могъ бы служить заключеніемъ всего ряда пѣсней.

Всѣхъ отрывковъ въ Пѣсни Пѣсней Дэпке насчитываетъ одиннадцать. Первый отрывокъ 1,1—8. Эта пѣснь не безъ основанія поставлена во главѣ сборника Пѣсни Пѣс-

ней. Нельзя не видѣть, что говорящая здѣсь дѣвица находится въ новомъ положеніи невѣсты только что вступившей въ богатый гаремъ царя Соломона, въ среду другихъ гаремныхъ женщинъ (отсюда перемѣна лицъ *я* и *мы*). Если дѣвица говоритъ здѣсь образами пастушеской жизни, слѣдовательно въ тонѣ буколической пѣсни, то такое соединеніе образовъ пастушеской и гаремной жизни объясняется тѣмъ восточнымъ обычаемъ, по которому цари и вельможи, среди лѣтнихъ жаровъ, оставляли города и переселялись съ своими гаремами въ шатры, раскинутые съ восточнымъ великолѣніемъ среди какой нибудь цвѣтущей мѣстности; эти увеселительные шатры названы здѣсь шатрами пастушескими. Дачная обстановка приводитъ невѣстѣ на память ея родину, воспоминаніе о которой, вмѣстѣ съ выраженіемъ любви къ царю, и составляетъ общій видимый предметъ пѣсни. Что касается того частнѣйшаго момента изъ отношеній дѣвицы къ Соломону и его двору, который схваченъ поэтомъ и выраженъ въ настоящей пѣсни, то мы могли бы понять его только въ томъ случаѣ, если бы Пѣснь Пѣсней имѣла при себѣ своего Доната, какъ эклоги Virgilія, или Схолиаста, какъ оды Пиндара, которые освѣтили бы встрѣчающіеся здѣсь намеки спеціальными историческими показаніями... Что на восьмомъ стихѣ первая пѣснь оканчивается, видно изъ новаго положенія возлюбленныхъ въ слѣдующихъ стихахъ. Второй отрывокъ отъ 1, 9 до 2, 1. И эта пѣснь по своему содержанію соотвѣтствуетъ занимаемому мѣсту: если въ предыдущей пѣсни говорилось о возможномъ свиданіи жениха и невѣсты, то здѣсь изображается уже самое свиданіе. Стихи 9, 11, 12 ясно показываетъ, что возлюбленный пѣсни есть царь, а изъ сравненія 2, 4 съ 1, 16, 17 сценою дѣйствія можно полагать пиршество въ паркѣ, подѣ тѣнію кедровъ и кипарисовъ. Возможно что эта пѣснь, какъ и первая, изображаетъ сцену изъ дачной жизни царя. Искусство исполненія пѣсни совершенное; въ послѣднихъ словахъ невѣсты (2, 9) выставленъ такой сильный аффектъ,

что на немъ поэтъ необходимо долженъ былъ сдѣлать паузу, и онъ прекрасно это сдѣлалъ въ заклѣтіи обращенномъ къ дочерямъ Іерусалима. Третій отрывокъ 2, 3—17. Хотя эта пѣснь не прямо относится къ Соломону, но въ ней нѣтъ ничего и противорѣчащаго этому отношенію. Если возлюбленный здѣсь прыгаетъ по горамъ какъ серна, то это вовсе не показываетъ, что онъ непремѣнно былъ пастухъ и житель горъ. Поэтъ могъ дать мѣсто этимъ простымъ отношеніямъ и въ царской любви, и въ этомъ именно состоитъ прелесть всей его поэзіи. Дѣвица, говорящая здѣсь, несомнѣнно также самая, которая фигурировала и въ предшествующихъ пѣсняхъ; въ ея виноградникѣ нельзя не узнать виноградника упоминаемаго въ первой пѣснѣ (1, 6). Но здѣсь она говоритъ еще какъ дитя находящееся въ отеческомъ домѣ: зиму она провела въ заключеніи, въ стѣнахъ отческаго дома, а теперь ее манитъ на свободу, въ виноградникъ, гдѣ ее встрѣтитъ возлюбленный (въ слѣдующихъ отрывкахъ сцена послѣдовательно будетъ перенесена еще далѣе отъ отческаго дома, въ столицу). Такимъ образомъ настоящая пѣснь изображаетъ сцену изъ начальныхъ сближеній между женихомъ и невѣстою, слѣдовательно по времени происхожденія должна быть поставлена выше двухъ предшествующихъ. Четвертый отрывокъ 3, 1—6. Эта пѣснь носить на себѣ слѣды подражанія одной изъ дальнѣйшихъ пѣсней, занимающей мѣсто отъ 5, 2 до 6, 2, и притомъ подражанія слабаго, недостигающаго красоты оригинала. Содержаніе обѣихъ пѣсней одно и тоже: обѣ онѣ изображаютъ ночное странствованіе дѣвицы, въ поискахъ за возлюбленнымъ, по городу, встрѣчу съ стражами и наконецъ обрѣтеніе жениха. Но невѣроятно, чтобы поэтъ дважды возвращался къ одному и тому же предмету, да и одинъ и тотъ же случай съ одними и тѣми же лицами не легко могъ повториться дважды. Далѣе, хотя, при своей краткости, разсматриваемая пѣснь написана съ достаточною силою и искусствомъ, но въ ней есть черты не натуральныя. Заклинаніе дочерей Іерусалима

(3,₅) привнесено сюда совершенно не кстати, потому что въ домѣ невѣсты, куда вошли молодые люди, не было мѣста стороннимъ зрителямъ. Гораздо болѣе у мѣста это заклинаніе въ гл. 5, ст. 8. Ночное странствованіе дѣвицы въ разсматриваемомъ отрывкѣ ничѣмъ не мотивировано; что заставило дѣвицу бѣжать ночью изъ дома матери—остается неизвѣстнымъ. Напротивъ въ гл. 5 й это ясно: дѣвица прогоняетъ возлюбленнаго отъ своей двери и потомъ, въ порывѣ раскаянія, бѣжить за нимъ сама, чтобы загладить нанесенное оскорбленіе. Вообще пѣснь пятой главы имѣетъ гораздо болѣе оригинальныхъ красокъ чѣмъ 3,_{1—5}. На этомъ основаніи послѣдній отрывокъ не долженъ считаться въ циклѣ первоначальныхъ пѣсней нашей книги, хотя несомнѣнно что писатель его зналъ книгу Пѣснь Пѣсней и писалъ подъ ея вліяніемъ. Пятый отрывокъ 3,_{6—11} или четвертая пѣснь въ ряду оригинальныхъ пѣсней воспѣваетъ бракосочетаніе цари съ тою же невѣстою, о которой говорится въ предшествующихъ пѣсняхъ (не съ египетскою принцессою, какъ многіе думаютъ) и изображаетъ поэтически ложе нобобрачныхъ. Такъ какъ въ пѣсви не различаются отдѣльныя говорящія лица, то она вѣроятно предназначалась для исполненія хоромъ. Шестой отрывокъ отъ 4,₁ до 5,₁ или пятая пѣснь, превосходно составленная, но въ устахъ пастуха невозможная; кто не видѣлъ въ дѣйствительности описываемаго здѣсь роскошнаго парка, тому не могла придти на мысль идея этой пѣсни. Сценою описываемою здѣсь является опять лѣтнее мѣстопребываніе Соломона въ верхнихъ частяхъ Іордана, можетъ быть вблизи Тиверіадскаго озера, въ виду дикихъ горныхъ высотъ Ливана. Невѣста отличается еще робостію и застѣнчивостію и не понимаетъ пылкихъ рѣчей жениха. Такимъ образомъ пѣснь принадлежитъ къ числу первыхъ въ циклѣ. Седьмой отрывокъ или шестая оригинальная пѣснь состоитъ изъ двухъ пѣсней, отъ 5,₂ до 6,₂ и отъ 6,₃ до 6,₈, имѣющихъ между собою взаимное соотношеніе. Первая пѣснь изображаетъ ту ноч-

ную сцену, о которой сказано выше по поводу отрывка 3,1—5: дѣвица ищетъ по улицамъ города, ночью, своего возлюбленнаго и найдя хвалить его предъ горожанками, дочерьми Іерусалима. Вторая пѣснь содержитъ отвѣтъ горожанокъ, представляющій похвалу самой невѣсты. Дѣйствіе происходитъ въ городѣ и, какъ ясно видно изъ 6,7. 8, героиня пѣсни есть царская невѣста. Первая пѣснь сама по себѣ не будетъ закончена, но въ соединеніи со второю представляетъ самый полный и совершенный продуктъ во всемъ ряду пѣсней. Впрочемъ въ нынѣшнемъ видѣ эти двѣ пѣсни не легко соединяются въ одно цѣлое; чтобы ихъ соединить, необходимо вставить между нихъ отрывокъ 3,1—5, представляющій отчасти копию настоящей пѣсни (особенно въ стихѣ 4-мъ). Очевидно, изъ разсматриваемой пѣсни кое что потерялось, и позднѣйшій составитель отдѣла 3,1—5 имѣлъ въ виду именно восполнить потерянное. На вопросъ: возможно ли буквальное пониманіе этого отрывка? возможно ли даже въ поэтическомъ произведеніи представить царскую невѣсту, вопреки этикету и всѣмъ обычаямъ, бродящую среди ночи по улицамъ? Дѣлаетъ отвѣчаетъ указаніемъ на классическихъ поэтовъ, нерѣдко нарушающихъ въ своихъ произведеніяхъ обычный дѣкорумъ. „Приходило ли на мысль греку или римлянину считать нарушеннымъ дѣкорумъ напр. въ изображеніи Пазифы, дочери солнца, безумно мчащейся подъ своимъ бѣлымъ конемъ чрезъ луга и поля?“ Если въ данномъ случаѣ картина выходитъ необычною, то и въ ея основаніи лежитъ необычная задача—изобразить высшую степень любви, пренебрегающей всѣми препятствіями и преодолевающей всѣ затрудненія. Восьмой отрывокъ, седьмая оригинальная пѣснь отъ 6,9 до 8,4. И эта пѣснь относится къ Соломону, такъ какъ 7,8 ясно говорится, что возлюбленный есть царь. Сцена дѣйствія—Іерусалимъ, собственно сады іерусалимскіе въ долинѣ Тироцеонъ. Предъ царемъ, сидящимъ въ саду съ нѣкоторыми приближенными, пляшетъ его невѣста (Суламита) и вызываетъ восторгъ своею граціею

и красотою. Пляска напоминает дѣвицѣ нравы деревенской жизни, среди которыхъ она выросла и къ которымъ желала бы возвратиться но не одна, а вмѣстѣ съ царемъ, своимъ возлюбленнымъ; она желала бы жить какъ прежде въ родительскомъ домѣ, чтобы тамъ женихъ былъ съ нею и любилъ ее любовью брата. Такимъ образомъ здѣсь изображается нѣжное дѣтское чувство дѣвицы, совершенно противоположное изображаемому въ слѣдующей пѣсни уже созрѣвшему чувству. Девятый отрывокъ или восьмая оригинальная пѣсня 8,₅—7. Послѣ какого то случая, внушившаго Суламитѣ мысль о непрочности любви царя, ея мужа, она приводитъ его на мѣсто вдвойнѣ важное для него, потому что на этомъ мѣстѣ онъ родился и на немъ же впервые открылъ свою любовь Суламитѣ, и заключаетъ съ нимъ вновь торжественный завѣтъ любви до гроба. Одна эта пѣсня могла бы служить достаточною апологіею автору Пѣсни Пѣсней, заподозриваемому въ недостаточной чистотѣ чувства его героевъ Десятый отрывокъ 8,₈—12. Не безъ основанія эту пѣсню собиратель книги помѣстилъ въ заключеніи сборника; ею онъ хотѣлъ дать руководящее указаніе для пониманія всѣхъ предшествующихъ пѣсней, потому что характеръ настоящей пѣсни показываетъ, что она принадлежитъ тому же автору, что и предшествующія и, слѣдовательно, въ одномъ смыслѣ съ ними должна быть понимаема. Братья фигурирующей въ пѣсняхъ героини, которые уже въ первой пѣсни (1,₆) эксплуатируютъ сестру для своихъ выгодъ, являются и здѣсь совѣтующимися какъ бы имъ соблюсти свою сестру въ чистотѣ до времени, когда ей представится партія. Дѣвица отвѣчаетъ братьямъ параболою о виноградникѣ, имѣящую тотъ смыслъ, что мало можно довѣряться людямъ оберегающимъ чужое достояніе и что невинность—сама себѣ охрана. Одиннадцатый отрывокъ, 8,₁₃—14. Если этотъ отрывокъ не есть искаженная копія 2,₁₄, то онъ представляетъ малое duo нашихъ возлюбленныхъ, падающее на первое время ихъ сближеній, и присоединенъ къ сборнику Пѣсни

Пѣсней-собирателемъ только для того, чтобы не оставить въ записанномъ ничего относящагося къ внутренней исторіи возвышенныхъ чувствъ Соломона и долженствовавшаго создать ему вѣчный памятникъ въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ.

Итакъ, при всей серіозности своего изслѣдованія о книгѣ Пѣснь Пѣсней (Philologisch-critischer Commentar zum Hohen Liede Salomo's von Döpke, 1829), Дѣпке не могъ избѣжать колебаній и противорѣчій предшествующихъ критиковъ. Подобно своимъ предшественникамъ, и онъ считаетъ необходимымъ дѣлать книгу на отдѣльные отрывки, хотя при этомъ онъ ясно чувствуетъ единство книги, единство ея предмета, ея цѣли, ея автора. У Дѣпке было даже меньше поводовъ къ дробленію Пѣсни Пѣсней, чѣмъ у его предшественниковъ. Тогда какъ Павлюсъ однимъ изъ главныхъ поводовъ къ дробленію книги находилъ видѣвшееся ему различіе дѣйствующихъ лицъ или героевъ пѣсни, то царя и вельможи то простаго пастуха, то высокородной иностранки то простой евреянки, Дѣпке не имѣетъ этого повода къ дробленію, признавая строго выдержанное единство героевъ Пѣсни Пѣсней; женихъ пѣсни, на его взглядъ, есть одинъ и тотъ же царь, невѣста—вездѣ одна и таже простая евреянка. Дѣпке даже вступаетъ въ борьбу съ нѣкоторыми записными защитниками единства и цѣлостности Пѣсни Пѣсней и укоряетъ ихъ за то, что они не проводятъ этого единства въ строгомъ смыслѣ, но, защищая единство внѣшняго изложенія книги, ослабляютъ единство внутреннее предположеніемъ двухъ жениховъ-соперниковъ, царя и пастуха (Евальдъ). Въ противоположность имъ Дѣпке находитъ въ П. П. строгое внутреннее единство предмета и отсутствіе единства во внѣшнемъ изложеніи, хотя впрочемъ не безусловное. Правда какъ принадлежащій къ школѣ фрагментистовъ, Дѣпке объявляетъ Пѣснь Пѣсней безпорядочнымъ сборникомъ, но войдя ближе въ разсмотрѣніе книги, чистосердечно сознается, что указанные имъ отрывки П. П., за немногими исключеніями, въ

нынѣшнемъ сборникѣ стоятъ какъ разъ на своихъ мѣстахъ и составляютъ даже съ внѣшней стороны правильное поступательное движеніе впередъ въ развитіи общаго содержанія книги. Такимъ образомъ съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ Дѣпке, во всей строгости можно вывести только то, что единая цѣльная книга П. П. отчасти потеряла свой строгій первоначальный порядокъ вслѣдствіе того, что нѣкоторые ея отдѣлы, по неумѣлости собирателей и переписчиковъ или по какимъ-либо другимъ случаямъ, переставлены съ мѣста на мѣсто, и что дѣло критики первоначальный порядокъ книги возстановить. Но Дѣпке этимъ не довольствуется; онъ фрагментистъ въ полномъ смыслѣ слова. Спрашивается, что же удерживаетъ его на теоріи дробленія книги, не смотря на всѣ давленія испытываемыя имъ со стороны ея единства? Одна только предвзятая мысль, что Пѣснь Пѣсней должна считаться не аллегоріею, изображающею какія либо религіозныя понятія и отношенія, а простою любовною пѣснію. Это онъ ясно даетъ понять во введеніи къ своему комментарію. Обратившись въ видахъ разъясненія Пѣсни Пѣсней къ аналогіямъ любовныхъ пѣсней другихъ восточныхъ народовъ, арабовъ и персовъ, Дѣпке нашелъ, что эти пѣсни не имѣютъ ничего общаго съ книгою П. П., если послѣднюю принимать въ цѣльномъ видѣ, но что нѣкоторыя строки Пѣсни Пѣсней въ своемъ внѣшнемъ видѣ, если ихъ оторвать отъ цѣлаго, звучатъ какъ будто въ тонѣ восточныхъ пѣсней любви, напр. отдѣлы Пѣсн. 3,^а—11 или 2,^а—11 имѣютъ нѣкоторое сходство съ эротическими пѣснями Гафеца. Такимъ образомъ найденъ былъ исходный пунктъ анти-аллегорическаго объясненія Пѣсни Пѣсней (сопоставленіе П. П. въ раздробленномъ видѣ съ эротическими восточными пѣснями), за проведеніе котораго взялся Дѣпке не смотря на всѣ препятствія. Онъ готовъ сдѣлать всевозможныя уступки въ другихъ пунктахъ, но отказаться отъ необходимости раздроблять книгу на отдѣльные мелкіе отрывки—для него выше всякаго представленія.

Но, раздробивъ Пѣснь Пѣсней на отдѣльные отрывки, Дѣпке, по своей относительной добросовѣстности, не могъ не сознавать, что его отрывочныя пѣсни, хотя, послѣ своего уединенія, потеряли значеніе аллегоріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще потеряли ту полноту впечатлѣнія и смысла, какою должны отличаться художественныя поэтическія произведенія и превратились, какъ въ этомъ случаѣ выражались древніе аллегористы, въ опорожненныя мѣха безъ вина. Но чтобы остаться вѣрнымъ себѣ, Дѣпке объясняетъ эту потерю букета пѣсней неизвѣстностію для насъ частнѣйшихъ поводовъ написанія каждой отдѣльной пѣсни. Такое объясненіе едва ли можетъ имѣть силу въ отношеніи къ простымъ любовнымъ пѣснямъ. Мы не знаемъ частныхъ поводовъ написанія многихъ пѣсней и романсовъ нашихъ поэтовъ; но это не мѣшаетъ намъ проникать насквозь въ ихъ содержаніе. Если гдѣ необходимо полное знаніе частныхъ случаевъ написанія, то это въ пѣсви аллегорической. Только аллегорическія произведенія должны предваряться объясняющими исторію ихъ происхожденія введеніями, иначе они или будутъ совершенно неясны или дадутъ поводъ самымъ разнообразнымъ пониманіямъ. Въ этомъ отношеніи жалобы Дѣпке на неизвѣстность частныхъ случаевъ написанія Пѣсни Пѣсней, имѣютъ значеніе; ихъ раздѣляютъ съ нимъ многіе древніе комментаторы, желавшіе быть точными въ объясненіи аллегоріи Пѣсни Пѣсней, и въ тоже время признававшіе, что безъ сторонняго историческаго свидѣтельства въ книгѣ имъ трудно быть увѣренными, что они попали именно на то частнѣйшее значеніе, которое носилось предъ авторомъ аллегоріи. Въ этихъ жалобахъ Дѣпке намъ видится его собственное самообличеніе и самораздвоеніе между буквальнымъ и аллегорическимъ пониманіемъ книги. Особенно ясно свое невольное стремленіе къ аллегоріи Дѣпке выразилъ въ концѣ комментарія, гдѣ онъ, при объясненіи своего десятаго отрывка, составляющаго у него руководящее начало для объясненія всей книги, считаетъ необходимымъ

съ своей стороны признать въ немъ аллегорію но только обратнаго смысла, не отъ чувственной любви переносящую къ высшимъ сверхчувственнымъ образамъ и отношеніямъ, а наоборотъ всѣ другіе встрѣчающіеся въ П. П. образы заставляющую служить выраженію чувственной любви, которая такимъ образомъ является сама высшимъ смысломъ аллегоріи. Охраняемый виноградникъ, упомянутый Пѣсн. 8,^{11—12}, Дѣпке считаетъ аллегорическимъ изображеніемъ охраненія чистоты дѣвства. Но почему не наоборотъ, почему дѣвическая чистота и вѣрность, описываемая во всѣхъ предшествующихъ пѣсняхъ, не есть виѣшняя видимость аллегоріи, высшимъ означаемымъ которой служить именно охраненіе виноградника, именемъ котораго у пророковъ (Ис. 3,¹ 5,¹ и дал.) означаетъ народъ еврейскій? Такъ какъ послѣдняя часть Пѣсни Пѣсней имѣетъ значеніе эпилога, то въ ней нужно искать объясненія предшествующей загадки или аллегоріи, а не новую форму аллегоріи или затемненіе того, что выше изложено въ простой безобразной рѣчи (сами фрагментисты признаютъ большею частію въ заключительномъ отдѣлѣ Пѣсни Пѣсней редакторскую прибавку, сдѣланную въ видахъ простаго нагляднаго объясненія не совсѣмъ яснаго содержанія предшествующихъ пѣсней). И такъ естественнымъ слѣдствіемъ превращенія аллегорической части Пѣсни Пѣсней въ простую пѣснь буквальнаго значенія было у Дѣпке другое обратное превращеніе простой части книги въ аллегорическую.

Подобную же неустойчивость, отличающую вообще представителей гипотезы фрагментовъ, Дѣпке по необходимости обнаруживаетъ и во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ положеніяхъ, касающихся Пѣсни Пѣсней. Слѣдуя общему принципу фрагментистовъ, Дѣпке считаетъ нужнымъ раздѣлять найденные имъ отрывки Пѣсни Пѣсней на оригинальные и подражательные, но опять, вслѣдствіе сравнительной безпристрастности своей критики, къ числу подражательныхъ отрывковъ находитъ возможнымъ отнести толь-

ко нѣсколько стиховъ третьей главы, на томъ основаніи, что они представляютъ повтореніе того, что уже изображено пѣвцомъ въ другой пѣсни, а „одинъ и тотъ же поэтъ не долженъ былъ дважды возвращаться къ одному и тому же предмету“. Но неужели это основаніе есть серіозное основаніе? Развѣ возвращеніе къ одному и тому же образу не составляетъ отличительной особенности всѣхъ древнихъ поэтическихъ произведеній, не только восточныхъ, но и греко-римскихъ, особенно идиллическихъ, къ области которыхъ фрагментисты относятъ отрывки Пѣсни Пѣсней? Прочтите для примѣра пятую идиллію Теокрита, особенно стихи 74—134, гдѣ въ нѣсколько измѣненныхъ формахъ повторяются одни и тѣже образы. Кто желаетъ видѣть примѣръ буквального въ собственномъ смыслѣ повторенія себя поэтомъ, прочтите изъ восьмой пѣсни Теокрита стихи 18—20 сравнительно съ стихами 21—24 или 33 сравнительно съ 37 и проч. Весьма много подобныхъ повтореній можно встрѣчать въ различныхъ эклогахъ Виргилія и у друг. поэтовъ. Далѣе, подобно Ёйхгорну и Павлюсу, Депке отрываетъ Пѣснь Пѣсней отъ подлинныхъ произведеній царя Соломона, на томъ основаніи, что Соломонъ не могъ описывать свою собственную любовь, но въ то же время, чувствуя во всей книгѣ духъ и характеръ Соломона и вѣяніе его обаятельной личности, признаетъ авторомъ сборника П. П. *друга Соломонова*!! Это такое предположеніе, слабости котораго не могъ не сознавать самъ Депке. Развѣ это не обыкновенное явленіе, что поэтъ самъ описываетъ свою любовь и свои отношенія къ предмету любви? И не было ли бы наоборотъ страннымъ явленіемъ, еслибы поэтъ, особенно поэтъ такого высочайшаго таланта и озаренія, какимъ былъ Соломонъ, предоставилъ своему *другу* изобразить въ художественныхъ произведеніяхъ факты своей любви? Мало того, вмѣшательство какого либо друга—поэта въ восхваленіе царской не вѣсты, такое восхваленіе, какое будетъ представляться при буквальномъ пониманіи Пѣсни Пѣсней, было бы въ высшей

степени неловкимъ. Какой влюбленный позволилъ бы стороннему лицу обнажить предъ читателемъ предметъ своей любви, какъ это дѣлаетъ авторъ П. П. въ изображеніи Суламиты? Впрочемъ Дѣпке въ настоящемъ случаѣ не спало бы и то, еслибы онъ, удерживая буквальное пониманіе П. П., составленіе ея, вмѣстѣ съ Гердеромъ, приписалъ Соломону, потому что и Соломонъ, можетъ быть даже еще менѣе чѣмъ кто либо изъ его друзей, могъ выставять на позорище тайную красоту своей невѣсты. Уже гораздо естественнѣе въ этомъ случаѣ было бы согласиться съ тѣмъ, что Пѣснь Пѣсней написана не друзьями, а напротивъ ожесточенными врагами Соломона и представляетъ сатиру на него (Евальдъ). Во всякомъ случаѣ это одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ буквальное пониманіе Пѣсни Пѣсней достигаетъ геркулесовыхъ столбовъ противорѣчія и невѣроятностей, гдѣ уже нѣтъ дальнѣйшаго пути развитія и откуда неизбѣжно возвращеніе назадъ къ аллегорическому объясненію нашей книги.

Своего зенита гипотеза фрагментовъ достигла въ сочиненіи о книгѣ Пѣснь Пѣсней *Manusa* (Kritische Bearbeitung und Erklärung des Hohen Liedes Salomo's von Ed. I. Magnus. 1842). Такъ какъ при своемъ наибольшемъ развитіи гипотеза фрагментовъ наиболѣе ярко обнаружила здѣсь всѣ свои недостатки и слабости, то мы должны подробнѣе остановиться на этомъ сочиненіи. Вотъ его основоположенія.

То, что называютъ книгою Пѣснь Пѣсней, по мнѣнію Магнуса, заключаетъ въ себѣ слѣдующія составныя части. А) *Четырнадцать полныхъ и одна отъ другой независимыхъ пѣсней*, именно: № 1) гл. 1,₂—4. № 2) гл. 1,₅—8. № 3) гл. 1,₉ до 2,₇. № 4) гл. 3,₈—11. № 5) гл. 4,₁₀ до 5,₁. № 6) гл. 5,₈ до 6,₁. № 7) гл. 6,₈—9. № 8) гл. 6,₁₀ до 7,₁ (до слова יְהוָה). № 9) гл. 7,₁ (отъ слова יְהוָה) до ст. 7. № 10) гл. 7,₈—11. № 11) гл. 7,₁₄ до 8,₁. № 12) гл. 8,₈ (отъ слова יְהוָה) до ст. 7. № 13) гл. 8, ₉—10. № 14) гл. 8,₁₁—11. В) *Восемь не цѣльныхъ пѣс-*

ней а *отрывковъ* (первый отрывокъ: 2,₈—₁₇; второй отрывокъ: 2,₁₈; третій отрывокъ: 3,₁—₄; четвертый отрывокъ: 4,₈; пятый отрывокъ: 4,₈—₉; шестой отрывокъ: 5,₂—₇; седьмой отрывокъ: 6,₁—₈; восьмой отрывокъ изъ 8,₈—₁₈ слова: *товарищи внимають*), изъ соединенія которыхъ образуются три новыя цѣльныя пѣсни: № 15) изъ соединенія 2,₈—₁₇ (исключая стихъ 15-й) и 8,₁₈ (указанныя два слова), № 16) изъ соединенія 3,₁—₄ и 5,₂—₇, № 17) изъ соединенія 4,₈—₉ и 6,₁—₈ до слова *ѿиде*. Такимъ образомъ образуется 17 номеровъ цѣльныхъ пѣсней въ составѣ нынѣшней книги Пѣснь Пѣсней. Къ нимъ нужно присоединить еще мелкій отрывокъ, несоединяющійся съ другими въ одно цѣлое № 18) 2,₁₈. Но и это еще не все содержаніе нынѣшней книги Пѣснь Пѣсней. Въ нее вошли еще *два* позднѣйшія *дополненія*, именно № 19) отдѣлъ 4,₁—₇ (съ исключеніемъ стиха 6 го), служащій прибавленіемъ къ 1,₁₈ и № 20) отдѣлъ 7,₁₂—₁₈, служащій дополненіемъ къ № 15. Наконецъ въ составѣ нынѣшней книги Пѣснь Пѣсней заключается еще цѣлая масса *глоссъ* (оригинальныхъ и заимствованныхъ), *повтореній*, *смѣшанныхъ глоссъ*, *смѣшанныхъ повтореній* или *глоссъ въ повтореніяхъ* (примѣры см. въ сочиненіи Магнуса стр. 3—6).

Найденныя 20 номеровъ пѣсней принадлежатъ различнымъ литературнымъ эпохамъ и по крайней мѣрѣ тремъ различнымъ поэтамъ. №№ 2. 3. 15. 16. 4. 17. 6. 8 принадлежатъ времени отъ 924 до 750 года. Отличительныя особенности ихъ: высокая правдивость и глубина чувства, оригинальность и естественная красота образовъ, экономія сценческаго изложенія, благородство и красота языка. №№ 1. 5. 10. 11. 12, можетъ быть еще 7, принадлежатъ времени Іереміи. Особенности ихъ: прозрачность, легкость и много рѣчивость въ изложеніи. №№ 9. 14. 19. 20 принадлежатъ времени Іезекіиля. Признаки ихъ: неясность, излишество въ чувствахъ и не натуральность образовъ. №№ 13 и 18 не представляютъ данныхъ для сужденія о времени ихъ происхожденія.

Такъ какъ Пѣснь Пѣсней въ нынѣшнемъ видѣ есть беспорядочный сборникъ отрывковъ, то, при чтеніи, ихъ необходимо расположить подъ твердую точку зрѣнія. Они раздѣляются на *пѣсни* въ собственномъ смыслѣ, т. е. піесы развивающія какое нибудь эротическое представленіе въ цѣлостномъ видѣ и *эпиграммы*, т. е. краткія піесы затрогивающія эротическое представленіе слегка и какъ бы мимоходомъ. Первые въ свою очередь раздѣляются на драматическія (не въ смыслѣ нашей драмы, а смыслѣ отдѣльных краткихъ сценъ драматическаго содержанія, какія встрѣчаются у Овидія *Amor. eleg.* 2, Горация 11, и др.) и лирическія, а послѣднія (эпиграммы) на драматическія и адраматическія. Далѣе тѣ и другія могутъ быть симметрически расположены по предметамъ своего содержанія, такъ какъ онѣ изображаютъ любовь счастливую и несчастливую съ различныхъ сторонъ и въ различныхъ прогрессивно возвышающихся степеняхъ.

Драматическіе отрывки. Отрывокъ первый или пѣснь первая отъ 1,а до 2,г, написанная на тему: счастье любви. Въ пѣсни фигурируютъ: возлюбленный—царь, владѣтель большихъ богатствъ, египетскихъ коней и колесницъ, имѣющій сходство съ Соломономъ и невѣста, просто, но со вкусомъ одѣтая дѣвушка не знатнаго происхожденія. Возлюбленные сидятъ въ паркѣ и ведутъ бесѣду, въ которой восхваляютъ красоту другъ друга. Изъ разговора съ возлюбленнымъ невѣста приходитъ въ экстазъ и царь закликаетъ присутствующихъ прислужницъ не тревожить возлюбленную до ея успокоенія. Начало и конецъ такъ ясно выступаютъ въ этомъ отдѣлѣ, что никакихъ другихъ доказательствъ его самостоятельности не требуется¹⁾. По своему

¹⁾ Согласно съ Магнусомъ этотъ отрывокъ считают цѣльнымъ Гердеръ, Павлюсъ, Дэнке, де-Ветте, Вельтузенъ. Но Ейхгорнъ и Евальдъ присоединяютъ къ этой сценѣ еще нѣчто изъ предшествующаго контекста, а Дедерлейнъ изъ послѣдующаго до конца главы. Клейкеръ начинаетъ отдѣлъ съ 2,д, а 1,а—г считаетъ независимымъ цѣлымъ. Гуннагель вторую главу рассматриваетъ какъ одно цѣлое, а Штейдлинъ первую пѣснь Магнуса раздѣляетъ на два отрывка 1,а—г и 2,д—г.

высокому эстетическому достоинству онъ долженъ былъ явиться ранѣе 750-го года. Характеры дѣйствующихъ лицъ здѣсь выдержаны типически: женихъ—царь вездѣ въ богатыхъ уподобленіяхъ; невѣста вездѣ въ скромныхъ но достойныхъ образахъ. Сюжетъ пѣсни задуманъ просто, но въ высшей степени драматично; языкъ и ритмъ прекрасны и цѣлесообразны. Отрывокъ второй заключается въ отдѣлѣ гл. 4, стг. 1— съ исключеніемъ стиха шестаго, и имѣетъ предметомъ восхваленіе неизвѣстнымъ лицомъ красоты своей возлюбленной. Рядъ мыслей, заключающихся здѣсь, совершенно уединенъ и не имѣетъ никакого отношенія ни къ тому что стоитъ выше, въ третьей главѣ, ни къ тому, что стоитъ ниже, въ стихѣ восьмомъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе это не есть вполне самостоятельная пѣснь, потому что въ ней не указано ни лица воспѣвающаго возлюбленную, ни повода къ воспѣванію, и возлюбленная не даетъ отвѣта на это восхваленіе; самое начало отрывка: *вотъ ты прекрасна* указываетъ на что-то предшествующее. Этимъ предшествующимъ была именно предшествующая пѣснь, къ которой рассматриваемый отрывокъ служитъ *дополненіемъ*, какъ это видно уже изъ того, что начало 4-й главы буквально повторяетъ 1,16. Исторію этого дополненія нужно представлять такъ: въ первой пѣсни, въ мѣстѣ 1,16, царь, въ бесѣдѣ съ невѣстою, имѣлъ въ виду восхвалить ея необыкновенную красоту подробно, но послѣ того какъ онъ указалъ одну выдающуюся красоту ея глазъ, былъ прерванъ скромною невѣстою, такъ что въ этомъ пунктѣ первой пѣсни замѣтенъ перерывъ въ рѣчи, заполняемый у насъ обыкновенно точками. Хотя этотъ перерывъ вполне естественъ и даже придаетъ особенную красоту пѣсни, тѣмъ не менѣе другой поэтъ, вслушавшійся въ пѣснь, нашелъ нужнымъ заполнить его и сдѣлалъ

¹⁾ Согласно съ Магнусомъ этотъ отрывокъ выдѣляютъ Памлюсъ и Гуфиагель. Но Клейкеръ, Дэдерлейнъ, Шгейдлинъ, Дэнке, Розенмиллеръ, де-Ветте присоединяютъ сюда еще дальнѣйшій контекстъ, а Бейръ и Вельтузенъ раздѣляютъ выше послѣ 5-го ст.,

прибавленіе къ первой пѣсни (къ мѣсту 1,₁₆), состоящее изъ спеціального описанія женской красоты, и даже началъ съ тѣхъ словъ, на которыхъ въ первой пѣсни остановился царь. Что это прибавленіе принадлежитъ другому поэту и написано въ другое позднѣйшее время, это видно изъ того что а) первая пѣснь исна и закончена сама въ себѣ и до полненіе къ ней не необходимо; б) характеръ первой пѣсни и разсматриваемаго отрывка неодинаковы: тамъ обращаетъ на себя вниманіе краткость въ изображеніи, здѣсь напротивъ растянутость; тамъ, при описаніи тѣлесной красоты поэтъ выставляетъ на видъ не самые члены тѣла, а только извѣстное свойство въ членахъ, которое и сравнивается съ свойствомъ предметовъ природы, напримѣръ грація женскаго стана сравнивается съ граціею коня; здѣсь же напротивъ выставляются для сравненія не свойства тѣла, а ея формы, которыя и сравниваются съ формами предметовъ природы, напр. видъ вьющихся локоновъ сравнивается съ видомъ горы, густо усѣянной стадами козъ, ряды зубовъ съ рядами овецъ и проч. Вообще на сколько образы первой пѣсни натуральны и производятъ пріятное впечатлѣніе, на столько образы втораго отрывка или прибавленія къ первой пѣсни фантастичны и ненатуральны. Изъ разсматриваемаго отрывка 4,_{1—7} нужно впрочемъ выбросить стихъ шестой какъ не имѣющій къ нему никакого отношенія. Съ другой стороны къ отрывку имѣетъ отношеніе мѣсто гл. 6, ст. (отъ слова: *волосы твои*) до стиха 7-го, представляющее что иное какъ „гlossу въ повтореніи“, внесенную позднѣйшею рукою въ шестую главу изъ содержанія разсматриваемаго отрывка. И для простаго взгляда мѣсто 6,_{1—7} представляетъ не болѣе какъ копію 4,_{1—7}. Третій отрывокъ изъ пѣснь, написанная на тему: *свиданіе возлюбленныхъ*, слагается изъ слѣдующихъ отрывковъ: 2,_{8—17} (безъ стиха 15-го); 4,_{8, 12, 14}, и съ выдѣленіемъ изъ нихъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ glossъ и повтореній. Начало пѣсни представляетъ 2,_{8—16} съ исключеніемъ стиха 15-го. Затѣмъ изъ отдѣ-

8,11—14, представляющего копію мѣста 2,17, нужно взять удѣлѣвшія въ немъ два оригинальныхъ слова: חֲבֵרִים וְחֲבֵרִים (товарищи слушаютъ), за тѣмъ мѣсто 2,17 съ перестановкою полустигмъ перваго на мѣсто втораго и втораго на мѣсто перваго, и наконецъ 4,6, второе полустигмъ. Въ противоположность первому отрывку, въ которомъ фигурировали высокородный женихъ и бѣдная невѣста, здѣсь дѣйствующими лицами наоборотъ являются бѣдный пастухъ и дѣвица знатнаго происхожденія. Влюбленные взаимно, но раздѣляемые положеніемъ въ обществѣ, они сошлись на свиданіе раннимъ утромъ, на холмѣ прилегающемъ къ богатому, потонувшему въ рощахъ, дому невѣсты, и сговариваются о другомъ вечернемъ свиданіи. По времени происхожденія эта пѣснь, вмѣстѣ съ первою и съ другими лучшими частями Пѣсни Пѣсней, принадлежитъ періоду до 750 года. Характеры очерчены здѣсь вполне удачно: невѣста—привлекательная женская натура, боязливая, подозрительная, но вмѣстѣ глубоко преданная и искренняя; женихъ—простой но могущественный сынъ свободнаго поля, безстрашный и нетерпѣливый. Картины природы въ пѣсни вѣжны и выразительны; языкъ прекрасный; ритмъ эффектно мѣняется вмѣстѣ съ перемѣною мысли. Наконецъ на раннее время происхожденія указываетъ то, что здѣсь дѣвица пользуется свободою прогулокъ. Четвертый отрывокъ заключается въ гл. 7, ст. 12—13 и представляетъ позднѣйшее дополненіе къ предшествующему отрывку, какъ это видно изъ того, что самъ по себѣ взятый этотъ отрывокъ будетъ лишенъ всякой точки опоры и мотивировки и что съ третьимъ отрывкомъ онъ имѣетъ сходство въ словахъ и мысляхъ: тамъ и здѣсь встрѣчается слово חֲבֵרִים и больше нигдѣ во всей библіи; тамъ и здѣсь выводится на сцену виноградникъ; тамъ и здѣсь пастухъ приглашаетъ дѣвицу встрѣчать съ нимъ появленіе весны. Что это именно дополненіе, видно изъ того, что тамъ дѣвица даетъ обѣщаніе, а здѣсь исполняетъ обѣщанное. Но что этотъ отрывокъ есть дополненіе

позднѣйшее и неудачное, видно изъ его характера: тогда какъ въ предшествующемъ отрывкѣ господствуетъ живая краткость, здѣсь наоборотъ широковыщательность около двухъ бѣдныхъ мыслей. Пятый отрывокъ, гл. 1,_с—_в. Такъ какъ здѣсь разомъ фигурируютъ пастухи, пастушки и городскія дѣвушки, то это показываетъ, что сцена происходитъ при колодцахъ или источникѣхъ (силоамскомъ) близъ Іерусалима, вечеромъ, когда пастухи поятъ скотъ, а горожанки выходятъ за водою. Собственно содержаніе пѣсни представляетъ отвѣтъ пастушки на замѣчаніе горожанокъ о ея наружности и освѣдомленіе пастушки о томъ, гдѣ пастухъ, ея возлюбленный, отдыхаетъ со стадомъ въ полдень. По силѣ, краткости и сценической постановкѣ, отрывокъ принадлежитъ тому же времени, что и предшествующіе оригинальные отрывки. Шестой отрывокъ или пѣснь на тему: *разлука*, занимаетъ отдѣлъ отъ 5,_а до 6,_з. Сцена дѣйствія таже что и въ предшествующей пѣсни: пастушка высказываетъ предъ горожанками свою тоску по возлюбленномъ и поручаетъ передать ему о томъ. Этотъ отрывокъ, цѣльный и законченный самъ въ себѣ, по содержанію имѣетъ сходство съ отдѣломъ 5,_з—_г, и не безъ основанія поставленъ діаскенастомъ въ pendant къ нему. И по времени отрывокъ не отдѣляется отъ предшествующаго и даже принадлежитъ тому же автору. Встрѣчающійся здѣсь архаизмъ употребленія глагола въ мужескомъ родѣ въ обращеніи къ женщинамъ подтверждаетъ высокую древность отрывка. Седьмой отрывокъ или пѣснь на тему: *пляска* обнимаетъ отдѣлъ гл. 7, ст. 1, отъ слова 72, до ст. 7. Княжеская дочь пляшетъ на пиру своего отца, предъ именитыми гостями, одинъ изъ которыхъ есть ея возлюбленный, обращающій къ ней свою пѣснь въ самый моментъ пляски. Пѣснь сама въ себѣ вполнѣ закончена ¹⁾). Что касается происхожденія отрывка, то его

¹⁾ Гердеръ, Павлюсъ, Вельтузенъ, Дэнке, де-Ветте присоединяютъ сюда еще слѣдующій контекстъ до 8,_с; Клейзеръ, Гуфнагель, Штейдлинъ, Евальдъ, Ребенштейнъ до 7,_ю, а Розенималеръ до 7,_и.

можно отнести только ко времени Иезекиида, такъ какъ въ немъ изображается сложный психологическій процессъ (женихъ, описывающій въ пѣсни пляшущую невѣсту, раздвояется между созерцаніемъ ея красоты и ревнивымъ наблюденіемъ за сторонними взглядами мужчинъ бросаемыми на нее). Какъ и во второмъ отрывкѣ, и здѣсь встрѣчается искусственность и преувеличеніе; нѣкоторые сравненія неоригинальны и заимствованы, напр. сравненіе очей съ озеромъ (см. отр. 6. ст. 12). Наконецъ публичныя танцовщицы—позднѣйшее явленіе. Восьмой отрывокъ на тему: *възгдъ брачной чоты*, 3, 6—11. Съ горы Сіона іерусалимляне наблюдаютъ приближеніе брачнаго кортежа (Соломона и египетской принцессы). Голоса изъ народа описываютъ сперва общее очертаніе приближающагося кортежа (ст. 6), потомъ приближеніе царя и царицы, несомыхъ на носилкахъ, среди тѣлохранителей. Пѣснь имѣетъ опредѣленное начало и конецъ, слѣдовательно должна быть разсматриваема независимо отъ контекста предшествующаго и послѣдующаго¹⁾. Девятый отрывокъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ 5, 2—7 и 3, 1—4, имѣющихъ между собою внутреннее и внѣшнее сродство и въ своемъ соединеніи образующихъ цѣльную пѣснь. Начало пѣсни заключается въ 5, 2—6; затѣмъ изъ 3, 1 берутся отдѣльныя слова: *я искала того, кого любитъ душа моя*; далѣе ставится 5, 6; потомъ 3, 1; потомъ 5-й главы седьмой стихъ, между двумя полустишіями котораго вставляются слова изъ 3, 1: *видѣли мы вы того, кого любитъ душа моя?* наконецъ изъ 3-й главы весь четвертый стихъ²⁾. Такимъ образомъ возстановляется

¹⁾ Въ очертанія границъ этой пѣсни съ Магнусомъ согласны Павлюсъ, Гуфнагель, Штейдлинъ, Дэнке, Розенмиллеръ, де-Ветте. Наоборотъ Клейкеръ присоединяетъ къ этому отрывку еще нѣчто предшествующее, а Дедерлейнъ, Бейеръ, Вельтузенъ нѣчто послѣдующее. Гердеръ считалъ за отдѣльный фрагментъ стихъ шестой.

²⁾ Къ отдѣлу 3, 1—4 Гердеръ, Гуфнагель, Дедерлейнъ, Павлюсъ, Бейеръ, Вельтузенъ, Штейдлинъ, Евальдъ, Дэнке, Розенмиллеръ, де-Ветте присоединяютъ еще стихъ пятый.

цѣлое. Но такъ какъ, при указанномъ составленіи пѣсни, зерномъ ея служить только первый отрывокъ, то его только нужно считать подлиннымъ; напротивъ второй отрывокъ служить пѣсни только нѣкоторыми своими выраженіями, а въ остальномъ представляетъ однѣ глоссы и повторенія заимствованныя изъ перваго отрывка. Содержаніемъ пѣсни служить рассказъ дѣвицы о томъ, какъ однажды она искала друга своего и какія встрѣчала препятствія (Гуфнагель, Дедерлейнъ, Павлюсъ, Штейдлинъ, Евальдъ въ 3, 1—4 находятъ описаніе сновидѣнія, а Вельтузенъ полубодренственной грезы). На вопросъ о времени происхожденія этой повѣствовательной пѣсни отвѣчать трудно. Хотя во второй ея части встрѣчается нѣкоторая широта выраженій и неравномѣрность ритма, но это свойство могло произойти отъ особенной исторіи данной пѣсни, раздробившейся въ народномъ употребленіи и потерявшей часть своей первоначальной красоты. Вообще же въ пѣсни вѣтъ тотъ же духъ, что и въ другихъ лучшихъ отрывкахъ Пѣсни Пѣсней.

Лирическіе отрывки. Отрывокъ десятый на тему: счастье любви, отъ 4, 10 до 5, 1. Нѣкто высказываетъ предъ возлюбленною сладость ея любви и при этомъ сравниваетъ ее съ садомъ (4, 10—16). Возлюбленная въ духѣ той же аллегоріи отвѣчаетъ, что садъ принадлежитъ ему. Въ заключеніе пѣсни поэтъ отъ себя приглашаетъ возлюбленныхъ, опять въ смыслѣ тойже аллегоріи, вкушать плоды сада. Что этотъ отрывокъ есть одно цѣлое не подлежитъ сомнѣнію¹⁾. Но по своему эстетическому достоинству, составляющему *единственный* признакъ для опредѣленія различныхъ частей Пѣсни Пѣсней, разсматриваемый отрывокъ долженъ быть отнесенъ къ позднѣйшему времени еврейской литературы, такъ какъ въ немъ встрѣчается перечисленіе достоинствъ невѣсты широкое и

¹⁾ Согласно съ Магнусомъ окончаніе (но не начало) отрывка указываютъ Клейкеръ, Вельтузенъ, Павлюсъ, Дедерлейнъ, Бефери, Делке, Розенвиллеръ, де-Ветте.

не изящное. Языкъ имѣеть ту же окраску что и нижеслѣдующія пѣсни, особенно 12-й отрывокъ, несомнѣнно принадлежащій позднѣйшему времени. Отрывокъ одиннадцатый, 7,8—11, имѣеть тоже содержаніе что и предшествующій; какъ тамъ невѣста аллегорически сравнивалась съ садомъ, такъ здѣсь съ пальмою ¹⁾. Вѣроятно эти отрывки принадлежатъ одному и тому же автору. Отрывокъ двѣнадцатый 1,2—4. Эта краткая пѣснь на тему: *разлука* обращена къ отсутствующему царю-мужу одною изъ гаремныхъ женщинъ наиболѣе любящею мужа и наиболѣе опечаленною разлукою съ нимъ. Приближенные дамы утѣшаютъ ее тѣмъ, что скоро она опять его увидитъ. Цѣльность отрывка подтверждается ритмическимъ построениемъ его изъ двухъ строфъ, каждая съ созвучнымъ припѣвомъ. Временемъ происхожденія отрывка можетъ быть только время предъ самымъ плѣномъ вавилонскимъ, такъ какъ въ немъ гаремная жизнь представляется уже значительно развитою. Кромѣ того языкъ пѣсни, искусственная и вѣроятно поздняя (?) поэтическая форма припѣва, наконецъ средство отрывка съ предшествующими двумя отрывками, все это указываетъ на тоже время. Отрывокъ тринадцатый отъ 7,14 до 8,2 на тему: *жалоба любви*. Послѣ осенняго собранія плодовъ дѣвица находится одиноко въ горницѣ, въ которой стоятъ *коробы плодовъ* (такъ у Магнуса переведены *мандрагоры*) и выражаетъ желаніе имѣть подлѣ себя своего возлюбленнаго. Возможно что отрывокъ современенъ предшествующимъ, 10, 11 и 12-му. Отрывокъ четырнадцатый 8,3—, на тему: *разводъ* ²⁾. Жена оставленная мужемъ, но не перестающая

¹⁾ Гуфнагель, Бейеръ, Штейдлинъ, Розенмиллеръ оканчиваютъ этотъ отрывокъ согласно съ Магнусомъ; но Ребенштейнъ оканчиваетъ выше 10-мъ стихомъ, а Гердхеръ, Павлюсъ, Вельгузенъ, Клейкеръ, Дедерлейнъ, Дэлкс, де-Ветте распространяютъ его ниже до гл. 8, ст. 4.

²⁾ Согласно съ Магнусомъ оканчиваютъ этотъ отрывокъ Клейкеръ, Дедерлейнъ, Гердхеръ, Гуфнагель, Бейеръ, Штейдлинъ, Дэлкс, Розенмиллеръ, де-Ветте.

любить его, выражаетъ свое чувство, на которое и въ пѣснѣ не получаетъ отвѣта. Кажется, что пѣснь принадлежитъ болѣе ранней литературной эпохѣ, такъ какъ она обнаруживаетъ больше силы и энергіи и менѣе прозрачности въ выраженіи мысли, чѣмъ другіе позднѣйшіе отрывки сборника.

Эпиграммы драматическія. Пятнадцатый отрывокъ, на тему: *сила взгляда возлюбленной*, заключаетъ въ себѣ отдѣлы гл. 4, ст. 8. 9 и гл. 6, ст. 4 и 5 (до слова: *волосы твои*) съ исключеніемъ нѣсколькихъ глоссъ ¹⁾. Сцена дѣйствія—славныя своими пастбищами, но опасныя отъ львовъ и барсовъ, мѣста Антиливана. Пастухъ приглашаетъ пастушку бѣжать вмѣстѣ съ нимъ съ этихъ опасныхъ мѣстъ, потому что она своимъ взглядомъ ранила его въ сердце, вслѣдствіе чего онъ уже потерялъ прежнее мужество и не можетъ защищать ея козъ отъ дикихъ звѣрей. Время происхожденія эпиграммы нужно полагать до 750 или даже до 924 года, потому что въ ней упоминается городъ Тирца, послѣ этого времени потерявшій извѣстность. По тону эпиграмма сходна съ 8 и 16 отрывками и можетъ быть всѣ они принадлежать одному и тому же автору. Шестнадцатый отрывокъ, гл. 6,^ю до 7,^и. Робкій неопытный юноша, влюбленный въ нѣкую Суламиту, встрѣчаетъ ее въ саду подъ деревомъ и сперва безсознательно убѣгаетъ, а потомъ, побѣдивъ свою робость, возвращается, но уже не находитъ предмета своей любви. Эпиграмма изображаетъ собственно впечатлѣніе производимое нечаяннымъ появленіемъ предмета любви и имѣетъ свое независимое начало и конецъ, отличаясь при этомъ, соот-

те; но всѣ они признаютъ подлинною первую половину 5 го стиха, которую Магнусъ считаетъ глоссою. Кромѣ того Клейзеръ присоединяетъ къ отрывку всѣ предшествующіе стихи 8-й главы, а Павлюсъ расширяетъ пѣснь внизъ до ст. 10.

¹⁾ Клейзеръ, Вельтузенъ, Дедерлейнъ, Бейеръ, Штейдлинъ, Дэккѣ, Розенмиллеръ, де-Ветте къ отдѣлу 4,^а— присоединяютъ предшествующія части 4-й главы.

вѣтственно свойству предмета, краткою выразительностію. По такому своему психологическому и эстетическому достоинству эпиграмма должна быть отнесена къ ранней литературной эпохѣ и, вѣроятно, принадлежить тому же автору что и предшествующая.

Эпиграммы адраматическія. Отрывокъ семнадцатый, 6, 8—9. Мужъ-царь обращается къ одной изъ женщинъ гарема и хвалить ее какъ самую привлекательную. По времени происхожденія эта эпиграмма имѣетъ ближайшее отношеніе къ 12-му отрывку (а потомъ къ 10, 11, 13), такъ какъ въ ней предполагается большое развитіе гаремной жизни (раздѣленіе гаремныхъ женщинъ на классы: царицъ, наложницъ и дѣвицъ, какъ въ кп. Есфирь). Отрывокъ восемнадцатый, гл. 8, 11—12. Одна изъ женъ Соломона выставляетъ ему на видъ соотношеніе между его Вааль-гамонскимъ виноградникомъ и аллегорическимъ виноградникомъ ея собственной красоты. Вааль-гамонскій виноградникъ, переданный арендаторамъ, приноситъ владѣльцу столько тысячъ сиклей, сколько арендаторовъ, да еще 200 сиклей вознагражденія за стражу. Что касается виноградника красоты, то онъ приноситъ счастье его обладателю, соответствующее тѣмъ тысячамъ, которыя Соломонъ получаетъ отъ своего Вааль-гамонскаго виноградника. А 200 сиклямъ, назначеннымъ за стражу виноградника, соответствуетъ древне еврейское Morgengabe, которое, по мишиѣ (Ш, р. 230), каждый новобрачный долженъ былъ платить въ обезпеченіе жены тотчасъ послѣ брака и количество котораго для всѣхъ состояній было именно 200 сиклей. Плата 200 сиклей названа здѣсь платою за стражу, подъ которою разумѣется соблюденіе тѣлесной чистоты до брака. Эпиграмма не могла явиться раньше плѣна, потому что до этого времени обычай Morgengabe не могъ быть извѣстенъ. Отрывокъ девятнадцатый, гл. 8, 13—14, представляетъ троихъ братьевъ совѣтующимися, что имъ придется дѣлать, когда ихъ сестра, теперь еще ребенокъ, вырастетъ и станетъ доступна

искушеніямъ. Эпиграмма должна быть отнесена къ древнѣйшимъ отрывкамъ Пѣсни Пѣсней. Отрывокъ двадцатый, гл. 2, ст. 15 принадлежитъ, по своему содержанію, къ застольной пѣсни и не имѣетъ никакого отношенія къ контексту, среди котораго стоитъ въ нынѣшней книгѣ Пѣснь Пѣсней ¹⁾).

Если такимъ образомъ первоначальное содержаніе книги Пѣснь Пѣсней представляетъ рядъ совершенно независимыхъ и неимѣющихъ между собою никакой связи отрывковъ, то въ нынѣшнемъ сборникѣ П. П. указанныя составныя части соединены не случайно и безъ порядка (какъ думаютъ нѣкоторые изъ первыхъ фрагментистовъ, напр. Клейкеръ), но съ извѣстною цѣлю, настойчиво проведенною и ясно выраженною. Что не простая случайность опредѣлила мѣсто каждаго отрывка въ сборникѣ, видно изъ того, что 1) отдѣльные отрывки расположены въ книгѣ часто (13 разъ) такъ, что каждыя два изъ нихъ, рядомъ стоящіе, имѣютъ какое нибудь рѣдкое слово, вовсе не встрѣчающееся въ другихъ отдѣлахъ Пѣсни Пѣсней и даже вообще въ библии или встрѣчающееся только рѣдко; между тѣмъ эти рѣдкія слова повторяются, при соединеніи отрывковъ, на близкомъ разстояніи одно отъ другого, въ самомъ концѣ предшествующаго и самомъ началѣ послѣдующаго отрывка (семь разъ) или въ нѣсколько болѣе далекомъ разстояніи (шестъ разъ). 2) Отдѣльные отрывки Пѣсни Пѣсней въ нынѣшнемъ сборникѣ расположены такъ, что изъ соединенія ихъ получилось *пять* новыхъ симметрическихъ отдѣловъ, оканчивающихся одинаковыми припѣвами: первый отдѣлъ отъ 1,₁ до 2,₇; второй отдѣлъ отъ 2,₈ до 3,₈; третій отдѣлъ отъ 3,₈ до 4,₈; четвертый отдѣлъ отъ 4,₁₀ до 8,₄; пятый отдѣлъ отъ 8,₅ до конца книги. 3) Отдѣльные отрывки въ нынѣшнемъ сборникѣ расположены такъ, что во взаимномъ соотношеніи ихъ по

¹⁾ Гердеръ и нѣког. др. считаютъ 2,₁₅ отрывкомъ изъ пѣсни виноградарей.

содержанію можно усмотрѣть два принципа: принципъ ассоціаціи идей и принципъ поступательнаго развитія мысли въ указанномъ первыми отрывками направленіи. 4) Тамъ, гдѣ указанные первоначальные отрывки не соединялись непосредственно въ предпринятомъ собирателемъ направленіи, онъ прибѣгалъ къ самымъ разнообразнымъ глоссамъ, повтореніямъ и дополненіямъ, имѣющимъ значеніе нитей, соединяющихъ отрывки въ одно цѣлое и фона сообщающаго всей книгѣ свою окраску. 5) Поводомъ къ такому искусственному соединенію отрывковъ П. П. было—защитить имя Соломона, котораго считали тогда авторомъ пѣсней, отъ упрековъ въ безпорядочности и эротическомъ характерѣ его пѣсней,—что и сдѣлано было чрезъ упорядоченіе пѣсней и возведеніе ихъ отъ буквальнаго первоначальнаго смысла къ аллегорическому. На сколько удачно собиратель выполнилъ свою задачу, можно судить изъ того, что въ его сѣти попались всѣ древніе толкователи (не исключая и LXX), не подмѣтившіе подлога со стороны діаскенаста и безъ колебаній признавшіе въ Пѣсни Пѣсней цѣльное произведеніе аллегорическаго значенія. Тѣмъ не менѣе позднѣйшія нити, держащія въ искусственомъ соединеніи первоначальныя дробныя части книги, совершенно ясны для критики. То именно, что сдѣлано въ книгѣ діаскенастомъ съ цѣлію соединенія отрывковъ въ одно цѣлое, удостовѣряетъ первоначальную разрозненность ея частей. Какой оригинальный писатель могъ прибѣгнуть къ фокусу—рѣдкія выраженія книги нарочито ставить въ близкомъ разстояніи одно отъ другаго? Какой оригинальный писатель могъ допустить на такомъ маломъ пространствѣ книги постоянныя повторенія однихъ и тѣхъ же образовъ и выраженій вопреки всѣмъ правиламъ эстетики, и притомъ такія повторенія, въ которыхъ труднѣйшіе архаическіе элементы постоянно замѣняются легчайшими и позднѣйшими? Возможно ли, чтобы дѣйствительный авторъ въ строѣ своего сочиненія буквально сообразовался (въ 5 мѣстахъ) съ расположеніемъ мыслей предшеству-

ющей части своего сочиненія, какъ это дѣлается въ нынѣшней книгѣ П. П.?

Таковы въ общихъ чертахъ положенія Магнуса, самаго крайняго но вмѣстѣ самаго тонкаго и ученаго изъ послѣдователей гипотезы фрагментовъ! Такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ критикомъ стоитъ или падаетъ вся гипотеза фрагментовъ, то мы не можемъ оставить его изслѣдованія безъ надлежащей оцѣнки. Различая въ Пѣсни Пѣсней два элемента: основныя пѣсни и редакторскія вставки діаскенаста, Магнусъ къ послѣднимъ относитъ именно то, что наиболѣе имѣло значеніе цемента связывающаго книгу въ одно цѣлое и сообщающаго ей опредѣленное (аллегорическое) значеніе, и за первыми оставляетъ только то, что въ ней есть наиболѣе спеціального и расходящагося, вслѣдствіе чего первоначальная книга П. П. оказалась дѣйствительно сборникомъ отдѣльныхъ, лишенныхъ всякой связи отрывковъ. Нужно ли говорить, что во всякое самое цѣльное сочиненіе входятъ разнородныя части, которыя получаютъ единство отъ проникающей ихъ общей идеи, выражающейся въ извѣстныхъ формулахъ, не разъ и не два повторяющихся въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, и что если эти повторяющіяся формулы или темы исключить, то всякое сочиненіе, по крайней мѣрѣ для виѣшняго взгляда, распадется на отдѣльныя части по новымъ темамъ, занимавшимъ подчиненное мѣсто въ цѣльномъ видѣ сочиненія, а теперь выдвинувшимся на первый планъ. Эти новыя отрывки, по устраненіи того, что служить скрѣпою связывающею ихъ страницы, могутъ разбиться на новыя еще болѣе мелкіе отрывки; наконецъ можно разложить книгу на основныя единицы отдѣльныхъ предложений. Въ этомъ процессѣ раздробленія нѣтъ никакой особенной хитрости. Но вопросъ въ томъ, имѣлъ ли серіозныя основанія Магнусъ вырывать изъ Пѣсни Пѣсней ея внутреннія скрѣпы и соединяющія ее нити обрѣзывать? Дѣйствительно ли отдѣльныя части П. П. для строгой критики представляютъ видъ насильственнаго и ненатуральнаго соединенія? Нѣтъ. Обвиненіе нынѣшней книги П. П. въ ненатуральности ея связи

возникаетъ у Магнуса вслѣдствіе его ненатуральной точки зрѣнія и крайней мелочности и чисто талмудической придирчивости его критики. Встрѣчаются Магнусу повторенія одного и того же образа или выраженія,—именно то, чѣмъ прежде всего обозначается единство произведенія у библейскихъ писателей,—онъ измѣряетъ разстояніе между этими повтореніями и находитъ, что оно слишкомъ незначительно для того, чтобы на немъ авторъ могъ дважды возвратиться къ одному и тому же предложенію и отсюда выводитъ заключеніе, что эти повторенія сдвинуты въ близкое сосѣдство позднѣйшимъ издателемъ или діаскенастомъ. Какъ будто позднѣйшій издатель необходимо былъ лишень всякаго литературнаго или эстетическаго вкуса и могъ или даже долженъ былъ допустить всякую ненатуральность! Встрѣчаетъ Магнусъ рѣдкія ἀπαξ λεγόμενα, разъ и другой разъ,—и опять тщательно измѣряетъ раздѣляющее ихъ разстояніе, которое опять кажется ему меньшимъ, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы писатель, разъ употребившій рѣдкое слово, вторично вспомнилъ о немъ, и отсюда выводитъ заключеніе, что встрѣча рѣдкихъ словъ на маломъ пространствѣ есть дѣло діаскенаста, который нарочито для нихъ приблизилъ другъ къ другу двѣ различныя пѣсни, изъ которыхъ одна въ концѣ а другая въ началѣ имѣли такіа замѣчательныя слова. Встрѣчаетъ Магнусъ повтореніе однихъ и тѣхъ же пріемовъ въ расположеніи строкъ и припѣвовъ Пѣсни Пѣсней и задается вопросомъ: возможно ли, чтобы первоначальный авторъ книги считалъ для себя образцомъ то построеніе, которое онъ употребилъ выше? Нѣтъ, это могъ сдѣлать только діаскенастъ, отвѣчаетъ Магнусъ, забывая, что однообразіе въ построеніи строкъ есть обыкновенное свойство пѣсней и весьма часто встрѣчается въ библейскихъ пѣсняхъ. Вообще вся аргументація Магнуса основывается на невозможности якобы для какого либо автора повторять себя такъ или иначе. Отсюда при встрѣчѣ съ частыми въ Пѣсни Пѣсней повтореніями, онъ немедленно разрозниваетъ ихъ, составляя изъ нихъ по

произволу то отдѣльныя пѣсни, то ихъ дополненія, то ихъ повторенія „чистыя или смѣшанныя“, то глоссы „оригинальныя и неоригинальныя, то „глоссы съ повтореніями“. то „повторенія съ глоссами“. Но неужели все это—серіозныя основанія?

Раздробивъ такимъ произвольнымъ образомъ Пѣснь Пѣсней пространственно, Магнусъ также свободно разбрасываетъ ся отрывки по періодамъ времени. Совершенно необъяснимо, почему онъ остановился на трехъ періодахъ: періодъ 924—750, періодъ Іереміи и періодъ Іезекіиля. Особенно странно видѣть здѣсь указаніе на время пророковъ Іереміи и Іезекіиля. Если Пѣснь Пѣсней есть сборникъ любовныхъ пѣсней, какъ думаетъ Магнусъ, то для нихъ весьма дурно выбрано скорбное время этихъ пророковъ, время когда писалась книга Плачъ а не книга Пѣснь Пѣсней, время когда „не слышно было болѣе голоса жениха и голоса невѣсты“ (Іерем. 7,²⁴. 25,¹⁰). Что же касается эстетическаго достоинства, которое Магнусъ считаетъ единственнымъ для себя основаніемъ въ сужденіи о времени происхожденія отдѣльныхъ пѣсней (стр. 178), то это слишкомъ легкое и воздушное основаніе, особенно когда оно не подкрѣпляется никакими другими положительными доказательствами. Даже въ оцѣнкѣ эстетическаго достоинства новѣйшихъ художественныхъ произведеній критики не рѣдко ошибаются, довѣряя своимъ субъективнымъ впечатлѣніямъ и вкусамъ. Тѣмъ неизбѣжнѣ подобныя ошибки при оцѣнкѣ художественнаго произведенія древняго міра, идеалы котораго намъ весьма мало извѣстны и понятны. Это въ высшей степени ясно открывается уже изъ того разногласія, какое обнаруживаютъ сами фрагментисты въ сужденіяхъ о книгѣ Пѣснь Пѣсней: одни считаютъ лучшими частями книги именно тѣ, которыя у другихъ признаются самыми худшими. Да и въ чемъ видитъ Магнусъ неэстетическія свойства пѣсней? Въ подробности изображенія? Но эта подробность можетъ показаться излишнею только при принятіи у Магнуса дѣленія и взглядъ. Если

же разсматривать части какъ онѣ даны въ нынѣшней книгѣ, тогда въ нихъ все будетъ цѣлесообразно развито и въ эстетическомъ отношеніи одинаково. Самъ же Магнусъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ эту подробность изображенія принужденъ отнести къ высшимъ эстетическимъ достоинствамъ, измѣняя такимъ образомъ своему общему взгляду. Напр. свою шестую пѣснь, содержащую пространное описаніе красоты жениха (5,10—18), Магнусъ считаетъ древнѣйшею, между тѣмъ какъ такого же характера пространное описаніе невѣсты считаетъ ненатуральнымъ и позднѣйшимъ. Можно указать еще много другихъ противорѣчій и несообразностей, вышедшихъ изъ принципа дѣленія пѣсней по ихъ эстетическимъ свойствамъ; напр., вопреки всей исторіи ветхозавѣтной поэзіи, къ позднѣйшимъ отрывкамъ у Магнуса отошли лирическія пѣсни, а къ древнѣйшимъ—драматическія ¹⁾, и т. под.

Что же дѣлаетъ Магнусъ съ полученными имъ разнородными и разновременными отрывками? Присмотрѣвшись къ нимъ ближе, Магнусъ между многими изъ нихъ нашелъ взаимное сродство. Мы видѣли, что въ однихъ отрывкахъ онъ находитъ свойство драматическихъ піесъ, въ другихъ не замѣчаетъ этого свойства и называетъ ихъ адраматическими (слишкомъ однакожъ отрицательное опредѣленіе); тѣ и другіе раздѣляетъ на полныя пѣсни и эпиграммы. Каждый мелкій отрывокъ получаетъ у Магнуса свою частную кличку, свое имя, подъ которымъ якобы онъ былъ извѣстенъ въ своемъ древнемъ употребленіи. Но всматриваясь еще ближе, Магнусъ находитъ между этими разбросанными пѣснями сходство по содержанію; большая часть ихъ методически развиваютъ мысль о счастіи любви и соединенныхъ съ нею испытаніяхъ. Такимъ образомъ разбросанные Магнусомъ камни зданія Пѣсни Пѣсней предъ его глазами обнаруживаютъ сильное взаимное тяготѣніе и соединяются снова. Можетъ ли быть луч-

¹⁾ Вейсбахъ, раздѣляя П. П. по ея лирическимъ и драматическимъ частямъ, именно первыя считалъ древнѣйшими а вторыя позднѣйшими.

шее доказательство единства всѣхъ частей книги, чѣмъ это насильственное раздробленіе ея, послѣдствіемъ котораго оказалось новое, неожиданное для критика и принудительное для него, соединеніе? Правда это новое соединеніе не есть возстановленіе той цѣльности, съ которою П. П. предстоитъ въ канонѣ; но и въ нарушенномъ Магнусомъ равновѣсіи все еще не поколебалось исполнѣ цѣльное зданіе книги, и во всякомъ случаѣ сдѣлалось очевиднымъ, что разбросанные отрывки суть камни одного зданія, которое, пожалуй, можно насильственно сломить и передѣлать, но что кто хочетъ видѣть его первоначальный видъ и смыслъ, тотъ долженъ разсматривать памятникъ въ такомъ видѣ, въ какомъ его сохранила древность.

Дѣло впрочемъ въ томъ, что нынѣшній видъ Пѣсни Пѣсней Магнусъ считаетъ позднѣйшимъ изданіемъ древнихъ пѣсней, совершенно передѣланнымъ и исправленнымъ. Діаскенастъ или издатель нынѣшней П. П. былъ можно сказать вторымъ ея авторомъ. Хотя онъ имѣлъ подъ руками готовыя древнія пѣсни, но на нихъ онъ смотрѣлъ только какъ на матеріалъ для составленія своей собственной книги Ширъ-га-Ширимъ (это имя, по мнѣнію Магнуса, могло идти только передѣлкѣ діаскенаста, а не первоначальнымъ пѣснямъ буквального значенія). Діаскенастъ 1) раздробилъ древнія пѣсни на мелкіе отрывки и въ такомъ видѣ расположилъ ихъ соотвѣтственно своей идеѣ, вслѣдствіе чего первоначальный смыслъ ихъ потерялся, напр. изъ одной и той же древней пѣсни одинъ отрывокъ онъ вложилъ во вторую главу (8—14), другой въ четвертую (ст. 6), третій въ восьмую (ст. 13). 2) Діаскенастъ внесъ цѣлую массу своихъ собственныхъ дополненій въ видѣ разныхъ глоссъ и повтореній съ цѣлю связать бывшія у него въ рукахъ древнія пѣсни въ новыя сочетанія и освѣтить ихъ новымъ свѣтомъ. Этимъ новымъ свѣтомъ было возведеніе книги въ значеніе единой и цѣльной аллегоріи. Поэтому, говоритъ Магнусъ, тѣ толкователи, которые стояли за аллегорическое объясненіе книги, ошибались не въ томъ,

что въ нынѣшней П. П. видѣли аллегорію, а въ томъ, что значеніе аллегоріи распространяли и на первоначальный видъ книги. Это объясненіе Магнуса имѣетъ весьма важное значеніе. Прежде всего изъ него видно, что книга П. П. поступила въ канонъ какъ аллегорическая. Поэтому, такъ какъ предполагаемая Магнусомъ передѣлка древнихъ пѣсней діаскенастомъ можетъ быть не доказана (она отвергнута позднѣйшею критикою), то и вся книга для Магнуса должна явиться искони аллегорическою и единою. На вопросъ: что заставило издателя объединять и аллегоризовать отрывочныя эротическія пѣсни? Магнусъ отвѣчаетъ: „діаскенасту хотѣлось, чтобы пѣсни, носившія имя Соломона, получили видъ болѣе возвышенный и достойный этого мудраго царя“. Но откуда было извѣстно, что это пѣсни Соломона? Магнусъ: „такъ говоритъ преданіе“. Откуда явилось такое преданіе? Магнусъ: „изъ того, что Соломонъ дважды упоминается въ пѣсни какъ ея герой“. Но развѣ всякій герой пѣсни непременно есть ея авторъ или обязанъ быть таковымъ, чтобы преданіе о происхожденіи П. П. отъ Соломона могло возникнуть только на основаніи встрѣчающагося въ пѣсни его имени?—И такъ теорія Магнуса, наиболѣе полно развившая начала школы фрагментистовъ, обнаружила и наиболѣе важные ея недостатки и противорѣчія. Кажущееся торжество гипотезы было ея паденіемъ.

Послѣ опыта микроскопическаго раздробленія Пѣсни Пѣсней Магнусомъ, гипотеза фрагментовъ видоизмѣнилась и стала на пути къ признанію единства книги. Не переставая различать въ П. П. многія пѣсни, фрагментисты начали допускать однакожъ, что онѣ только для внѣшняго взгляда имѣютъ видъ раздробленности, съ внутренней же стороны суть отдѣльныя части одной и той же идилліи и производятъ впечатлѣніе единства, не того ложнаго единства, какое у предшествовавшихъ фрагментистовъ было дѣломъ собирателя или діаскенаста, а натурального художественнаго единства. Прежде всего сюда принадлежатъ два іудейскіе изслѣдователя

Ребенштейнъ (das Lied der Lieder 1834) и *Зандерсъ* (das Hohelied Salomonis, 1866), которые въ Пѣсни Пѣсней признають нѣкогда цѣльную четырехчастную идиллію, но въ нынѣшнемъ сборникѣ потерявшую отчасти свою первоначальную цѣльность вслѣдствіе происшедшихъ въ ней перестановокъ нѣкоторыхъ частей и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ интерполяцій. Такимъ образомъ здѣсь гипотеза фрагментовъ принимаетъ направленіе обратное предшествующему, усматривая въ нынѣшней Пѣсни Пѣсней движеніе не отъ дробности къ единству, а наоборотъ отъ единства къ раздробленію. Только нынѣшняя поврежденная П. П. (а вовсе не первоначальная) подлежитъ гипотезѣ фрагментовъ. Она раздѣляется такимъ образомъ. Первая пѣснь или первая часть идилліи, начинаясь съ начала книги, продолжается до 2 гл. 6 ст., прерываясь только въ одномъ мѣстѣ 1, 6, гдѣ долженъ быть вставленъ 12-й стихъ восьмой главы. Вторая пѣснь начинаясь съ 2, продолжается до 5, сѣ исключеніемъ третьей главы. Третья пѣснь отъ 5, продолжается до 6, сѣ. Четвертая пѣснь обнимаетъ отдѣлы 3, сѣ—и и отъ 6, сѣ до 8, сѣ. Позднѣйшія интерполяціи Пѣсни Пѣсней, разстроившія ея первоначальное единство, представляютъ третья глава вся (по Ребенштейну) или ея первые шесть стиховъ (по Зандерсу) и отдѣлъ 8, сѣ—и. Предметомъ идилліи П. П. названные изслѣдователи считаютъ любовь между Соломономъ и его невестою Суламитю.

Еще ближе къ признанію первоначальнаго единства книги Пѣснь Пѣсней стоитъ *Лосснеръ* (Salomo und Sulamith), для котораго ея отдѣльныя пѣсни являются въ такомъ художественномъ сочетаніи, которое не часто можно встрѣчать и въ цѣльномъ и въ одинъ пріемъ написанномъ стихотвореніи. Лосснеръ раздѣляетъ П. П. на семь большихъ пѣсней, (по числу дней недѣли), подраздѣляемыхъ каждая на семь малыхъ пѣсней, такъ что всѣхъ пѣсней въ книгѣ $7 \times 7 = 49$. Въ первой большой пѣсни первый разъ является Суламита, героиня пѣсни, на лонѣ деревенской жизни, у

подожвы Ливана, „въ сіяніи проснувшейся любви ея къ жениху-пастуху“. Соотвѣтственно этому и въ послѣдней болѣшой пѣсни мы опять встрѣчаемъ ту же Суламиту, при той же обстановкѣ, въ объятіяхъ жениха, ставшаго ея мужемъ. Вторая пѣснь изображаетъ торжественный кортежъ царя Соломона (отбытіе его и прибытіе въ Іерусалимъ). Соотвѣтственно этому и предпослѣдняя пѣснь изображаетъ отбытіе и возвращеніе пастуха, потерявшаго свою вѣрную Суламиту и снова находящаго ее. Въ трехъ срединныхъ пѣсняхъ изображается борьба чувственного Соломона противъ цѣломудрія и вѣрности Суламиты, причемъ самая средняя изъ срединнаго отдѣла пѣсней представляетъ восхваленіе возлюбленнаго-пастуха отъ лица Суламиты. Такимъ образомъ получается пирамида пѣсней, съ вершины которой или средней пѣсни срединнаго круга расходятся параллельные ряды пѣсней въ ту и другую сторону. Впрочемъ такое дѣленіе Пѣсни Пѣсней Лоссеръ могъ сдѣлать только въ своемъ произвольномъ переводѣ Пѣсни Пѣсней съ перетасовкою различныхъ отдѣловъ книги. Собственно говоря Лоссеръ даже не переводитъ Пѣсни Пѣсней, а сочиняетъ свои стихотворенія на темы данныя въ этой книгѣ. Но для насъ важно то, что названный изслѣдователь такъ или иначе старается доказать единство книги и даже находить въ ней слишкомъ искусственное и преднамѣренное единство въ содержаніи пѣсней и ихъ счетѣ, соотвѣтствующемъ числу дней недѣли и числу годовъ до древнееврейскаго юбилейнаго года.

Совершенно уединенно отъ всѣхъ предшествующихъ послѣдователей гипотезы фрагментовъ стоитъ Вейсбахъ съ своимъ оригинальнымъ взглядомъ на книгу Пѣснь Пѣсней (Weissbach, das Hohelied Salomo's 1858). По мысли Вейсбаха, въ основаніи книги Пѣснь Пѣсней лежатъ два отрывка или двѣ отдѣльныя пѣсни лирическаго содержанія и характера, изъ которыхъ одна занимаетъ отдѣлъ 2, 3—17, а другая 3, 1—2. Эти отрывки имѣютъ своимъ предметомъ любовь вообще, общее выраженіе чувства, приличное всякой

дѣвицѣ¹⁾. Но въ послѣдствіи, хотя тоже въ очень древнее время, эти отрывки, получившіе между тѣмъ общую извѣстность и употребленіе въ народѣ, были взяты другимъ поэтомъ какъ модель для изображенія специальныхъ отношеній любви Соломона, и по подражанію имъ составлена вся остальная часть книги, драматическая, представляющая самостоятельное цѣлое и заключившая въ себя художественнымъ поэтическимъ соединеніемъ, какъ свою составную часть, и первоначальные два отрывка. Такимъ образомъ Вейсбахъ, различая два элемента въ П. П., считаетъ ихъ уже не древнимъ и позднѣйшимъ или авторскимъ и редакторскимъ элементомъ, а древнимъ и древнѣйшимъ или народнымъ и авторскимъ. Если все другіе фрагментисты, различая въ П. П. отдѣльные пѣсни и привнесенные къ нимъ въ послѣдствіи связующіе элементы, къ послѣднимъ относили сравнительно незначительную часть состава книги, то Вейсбахъ наоборотъ основными отрывочными частями, послужившими фундаментомъ или зерномъ книги, считаетъ весьма небольшой отдѣлъ, едва замѣтный предъ широкимъ авторствомъ писателя вынѣшней цѣльной книги. А потому подробное разсмотрѣніе гипотезы Вейсбаха можетъ быть сдѣлано не здѣсь, а ниже, въ ряду защитниковъ драматическаго единства Пѣсни Пѣсней. Здѣсь же не можемъ не замѣтить, что выдѣляя отрывки 2,8—17 и 3,1—18 какъ древнѣйшее зерно книги, Вейсбахъ говоритъ совершенно противное тому, что высказывали объ этихъ отрывкахъ другіе фрагментисты, видѣвшіе въ нихъ (особенно въ 3,1—8) позднѣйшее подражаніе или глоссы. Не основательно также Вейсбахъ находитъ въ нихъ лирическое содержаніе и характеръ среди остальной драматической части сочиненія. Мы видѣли выше, что Магнусъ считалъ именно драматическимъ

¹⁾ „Но что это не одна а двѣ рядомъ стоящія пѣсни, видно изъ того, что въ первой возлюбленный есть сельскій пастухъ, а во второй горожанинъ, что въ первой пѣсни изображается чистое чувство дѣвицы, счастливой однимъ воспоминаніемъ о возлюбленномъ, а во второй страстное томленіе“ (Das Ho helied, 3).

отрывкомъ отдѣлъ 2,а—17, а лирическія пѣсни находилъ тамъ, гдѣ Вейсбахъ видитъ сплошную драматическую часть Пѣсни Пѣсней ¹⁾).

Спрашивается теперь какое „новое обаяніе“ сообщили Пѣсни Пѣсней фрагментисты, и ихъ гипотеза достигаетъ ли своей цѣли защитить отъ упрековъ въ неблагопристойности книгу Пѣснь Пѣсней буквально понятую? Вопреки ожиданіямъ Гердера и другихъ эстетиковъ, Пѣснь Пѣсней въ своемъ раздробленномъ видѣ явилась наиболее непристойною и чуждою эстетическаго тона и вкуса. То, что при цѣльномъ представленіи книги стоитъ въ тѣни и непроизводитъ рѣзкаго впечатлѣнія, а при аллегорическомъ пониманіи даже совершенно умягчается своимъ высшимъ значеніемъ, по раздробленіи ея на части и снятіи съ нея покрыва аллегоріи, не можетъ не рѣзать глаза нарочито выставленною наготою. Это чувствуютъ и сами фрагментисты, когда многіе отдѣлы книги относятъ къ числу грубыхъ и неэстетическихъ позднѣйшихъ прибавленій къ книгѣ, не имѣющихъ права стоять рядомъ съ первоначальными древними пѣснями. Такимъ образомъ защита Пѣсни Пѣсней фрагментистами стоитъ весьма дорого книгѣ. Если бы фрагментисты были болѣе послѣдовательны, то она стояла бы еще дороже и погубила бы всю книгу, п. ч. они должны были бы тогда этотъ приговоръ распространить на всю Пѣснь Пѣсней и, подобно древнимъ рационалистамъ, исключить ее изъ числа свящ. книгъ безъ всякаго остатка. По признанію самаго Магнуса, предъ канонизаторами библіи стояла дилемма: или облечь книгу въ покровъ единства и аллегоріи или исключить ее всю изъ канона.

И разсматриваемая съ чисто внѣшней стороны, какъ

¹⁾ Въ самое послѣднее время защитникомъ гипотезы фрагментовъ явился страсбургскій проф. Рейссъ въ послѣднихъ выпускахъ своего перевода ветхаго завета, раздѣляющій Пѣснь Пѣсней на 16 отрывковъ эротическаго содержанія, recueil de poésies érotiques. Но онъ только повторяетъ прежнихъ фрагментистовъ.

опыты раздѣленія составныхъ частей книги П. П., гипотезы фрагментистовъ приводить всегда къ выводамъ совершенно противоположнымъ ожиданіямъ критиковъ и, вмѣсто того, чтобы разбивать книгу на отрывки, способствуютъ къ утвержденію ея единства. Опѣ доказываютъ, что Пѣснь Пѣсней во всякомъ случаѣ есть одно цѣльное произведеніе и что этого не можетъ не признать всякій, кто только прочтетъ книгу безъ предвзятаго взгляда. Коли скоро въ литературномъ произведеніи мысли слѣдуютъ одна за другою хотя не безъ остановокъ и перерывовъ, но съ явнымъ движеніемъ впередъ, къ опредѣленной цѣли и въ опредѣленномъ направленіи, приводи къ соотвѣтствующей силы заключеніямъ, то, судя по обыкновенному человѣческому представленію, мы должны признать такое произведеніе единымъ и цѣльнымъ. Такова именно Пѣснь Пѣсней. Это цѣлое, имѣющее свое начало, свое развитіе и движеніе и свое заключеніе. Было бы слишкомъ необыкновенно, если бы первоначальный писатель Пѣсни Пѣсней оставилъ въ своемъ сочиненіи мѣсто для дальнѣйшаго распространенія его позднѣйшими писателями, чтобы послѣдовательно могли являться одинъ за другимъ различные писатели одного духа и направленія, поставившіе свое призваніе въ обработкѣ одного и того же произведенія и чтобы всѣ они укрылись въ темнотѣ анонимнаго авторства. Какъ странно искать для Пѣсни Пѣсней различныхъ писателей, такъ же странно искать въ ней различныя отдѣльныя піесы. Пѣснь Пѣсней вся одной плавки, дышетъ однимъ дыханіемъ; кто писалъ ея первый стихъ, тотъ уже представлялъ ея заключительную сцену¹⁾. Но чтобы почувствовать это, необходимо отвлечься отъ тѣхъ условныхъ способовъ школьнаго логи-

¹⁾ „Если бы существовало какое либо положительное древнее свидѣтельство фрагментарнаго происхожденія Пѣсни Пѣсней, то оно создало бы величайшее затрудненіе для человѣческой мысли и не могло бы быть принятымъ наукою“. К.

ческаго развитія мыслей, къ которымъ мы привыкли и которыхъ ожидаемъ отъ всякаго словеснаго произведенія. Библейскій писатель не былъ обязанъ придерживаться ихъ, а писалъ совершенно свободно то и такъ, что и какъ говорило ему его вдохновеніе. Въ этомъ отношеніи справедливо замѣчаніе Делича: нѣтъ ничего легче какъ признать единство книги Пѣснь Пѣсней, но и нѣтъ ничего труднѣе какъ утвердить и доказать это единство для насъ, привыкшихъ къ искусственному и выровненному порядку мыслей. Наши словесныя произведенія, говоритъ Альтшуль, это—дѣланные цѣлты, которые не могутъ дать понятія о безыскусственной прелести Пѣсни Пѣсней. Какъ въ обрывочно по мѣстамъ содержаніе П. П., говоритъ Мейеръ, но надъ нимъ незримо паритъ неуловимое, высшее, планомѣрное развитіе.

Положительными доказательствами единства Пѣсни Пѣсней могутъ служить слѣдующіе несомнѣнные признаки, констатированные большинствомъ фрагментистовъ. 1) Единство фигурирующихъ въ пѣсни дѣйствующихъ лицъ. Не только главные лица, женихъ и невѣста, царь Соломонъ и Суламита, но и второстепенныя лица, дочери Іерусалима, являются во всѣхъ частяхъ книги съ одними и тѣми же характерами, съ одною и тою же задачею, съ одними и тѣми же сигнатурами, какъ выражается Вейсбахъ. 2) Равенство литературныхъ средствъ и пріемовъ писателя. Писатель работалъ свои особенныя характерныя выраженія и наполнилъ ими всѣ отдѣлы книги; таковы напр. выраженія: „прекрасная въ женахъ“, „тотъ кого любитъ душа моя“, „пока день дышетъ прокладою“. Только въ книгѣ П. П. встрѣчающееся ласкательное выраженіе о невѣстѣ ״וּ״ (и) повторяется равно во всѣхъ частяхъ книги. Вращаясь неизмѣнно въ кругѣ однихъ и тѣхъ же своихъ любимыхъ образовъ, авторъ не рѣдко повторяетъ ихъ одними и тѣми же словами, вслѣдствіе чего его сочиненіе даже для вѣшняго взгляда является связаннымъ въ одно цѣлое одними и тѣми же нитями одной и той же краски. 3) Постепенность въ разви-

тіи содержанія книги; не мыслимая въ сборникѣ отрывковъ. Въ началѣ книги невѣста обращается къ жениху робко и съ дѣтскою привязанностію; только постепенно она пріобрѣтаетъ увѣренность въ себѣ и своемъ женихѣ и ихъ взаимная любовь крѣпнеть и получаетъ серьезный и пламенный характеръ. Также послѣдовательность замѣчается и въ развитіи частныхъ подробностей содержанія. Напр. въ началѣ книги мы видимъ картины весны только что смѣнившей скучное зимнее время (2,₁₁—12), виноградъ давшій первыя почки; входя далѣе въ пѣснь, встрѣчаемъ лѣто и плоды уже созрѣвшіе (6,₁₁ 7,₁₃—14). Наконецъ къ доказательствамъ единства книги П. П. нужно присоединить все то, что сказано нами выше при разсмотрѣніи общихъ началъ дробленія П. П. фрагментистами. Всѣ эти доказательства вмѣстѣ взятыя имѣють такую силу, что ихъ не могутъ не признать и болѣе безпристрастные изъ послѣдователей гипотезы фрагментовъ. Извѣстно, что Гете сначала соглашался съ Гердеромъ, что Пѣсня Пѣсней есть сборникъ отрывочныхъ пѣсней¹⁾; впоследствии же вникнувъ въ доказательства единства П. П. представленныя Умбрейтомъ, Гете поколебался и въ своемъ сочиненіи *Kunst und Alterthum* оповѣстилъ свое отступничество отъ гипотезы фрагментовъ. „По всему видно, что единство Пѣсни Пѣсней, удалось наконецъ доказать Умбрейту“, говоритъ Гете съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ неудовольствія.

Не будучи сборникомъ отрывковъ, Пѣсня Пѣсней не можетъ быть причислена ни къ буюколической поэзіи ни къ

¹⁾ Wir beklagen freilich dass uns die *fragmentarisch* durch einander geworfenen, über einander geschobenen Gedichte keinen vollen reinen Genuss gewähren... Mehrmals gedachten wir aus dieser Verwirrung Einiges herauszuheben, an einander zu zeichnen... Wie oft sind nicht wohldenkende ordnungsliebende Geister angelockt worden irgend einen verständigen Zusammenhang zu finden oder hineinzulegen, und einem folgenden bleibt immer dieselbige Arbeit (Noten zum Westostlichen Divan).

идиллической, вопреки мнѣнію фрагментистовъ, принимающихъ этотъ родъ поэзіи Пѣсни Пѣсней, какъ несомнѣнно доказанный, однимъ изъ признаковъ фрагментарнаго происхожденія нашей книги (самое названіе идиллія, ἰδύλλια есть уменьшительное отъ εἶδη). Книга Пѣснь Пѣсней вовсе не есть сборникъ пастушескихъ пѣсней, *carmen bucolicum*, τὰ βοῦκολικά, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ. Правда, герой П. П. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изображается какъ пастухъ; подруга спрашиваетъ его, гдѣ онъ пасетъ стада; образы, которые ему самому поэтъ влагаетъ въ уста, частію взяты изъ круга пастушеской жизни. И женская главная фигура имѣетъ нѣчто буколическое: и она пасетъ козлятъ, стережетъ виноградникъ, поетъ о лисицахъ, закликаетъ газелями. Но пастушеская роль этихъ лицъ вовсе не есть та главная роль, въ которой хотѣлъ вывести ихъ авторъ. Если пастухъ пасетъ, то при необыкновенной обстановкѣ, только между лиліями, на горахъ благовонныхъ, въ садахъ мирровыхъ. И его невѣста хотя тоже пасетъ козлятъ, но она вовсе не связана условіями пастушеской жизни и свободна какъ горлица. Такимъ образомъ пастухъ и пастушка Пѣсни Пѣсней вовсе не таковы по своей профессіи, и изображены такими только въ аллегорическомъ смыслѣ, или—если даже не имѣть въ видѣ аллегорическаго смысла—для того, чтобы выставить на видъ простоту древней жизни и ея отношеній и имѣть поводъ къ изображенію картинъ природы. Собственно же пастушеская жизнь съ ея прозаическимъ масломъ и сыромъ здѣсь вовсе не затронута. Кромѣ того для признанія въ П. П. пастушеской пѣсни нѣтъ никакого аналогичнаго примѣра въ литературѣ древнихъ евреевъ и другихъ семитическихъ народовъ. Для того чтобы могла явиться пастушеская пѣснь, подобная пѣснямъ Виргилія и Теокрита, нужно чтобы народъ вышелъ изъ періода простой кочевой жизни и долгое время пожилъ искусственною городскою жизнію, пресытился ею до отвращенія, и тогда уже обратно взглянулъ на оставленный имъ гдѣ то далеко позади пе-

родъ пастушества и пожатѣль о немъ, какъ о потерянномъ раѣ. У евреевъ же не только при Соломонѣ, но и во всю ихъ дальнѣйшую исторію, такого разрыва съ природою не было; на самомъ дѣлѣ евреи никогда не переставали быть пастухами; ихъ величайшій поэтъ и царь Давидъ не фиктивно только, но въ собственномъ смыслѣ пасеть овецъ отца своего. Такимъ образомъ евреи никогда не могли взглянуть на пастушество съ той точки зрѣнія, съ которой можетъ смотрѣть человѣкъ пресыщенный жизнью и писать *satmen bucolicum*, а если касались ее, то какъ своей обычной среды.

Точно также Пѣснь Пѣсней не можетъ назваться идилліею, въ смыслѣ изображенія картинъ и сценъ изъ народной жизни вообще. Черты изъ области собственно народной безыскусственной жизни если встрѣчаются въ П. Пѣсней, то только случайно и мимоходомъ, какъ и черты изъ круга жизни пастуховъ. Конечно домъ, въ которомъ живетъ Суламита, очень простъ; его двери отпираются посредствомъ деревяннаго засова; чрезъ оконное отверстіе можно разглядѣть что дѣлается въ горницѣ. Суламита носитъ простую тунику, которую она снимаетъ на ночь; простая связка волосъ украшаетъ ее голову; ложась въ постель, она омываетъ ноги, слѣдовательно днемъ ходитъ босая. И женихъ ея ходитъ босой; его ноги такъ загорѣли, что кажутся золотистыми (5, 15). Но это и все что можно назвать элементами идилліи въ Пѣсни Пѣсней. Оно, очевидно, введено только для колорита и вовсе не есть средоточіе книги.

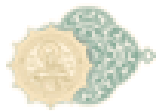
Наконецъ нельзя вполне согласиться и съ тѣмъ, что книга Пѣснь Пѣсней есть сборникъ какихъ бы то ни было пѣсней, бывшихъ въ народномъ пѣсенномъ употребленіи. Во всей книгѣ П. П. можно указать только два стиха такого рода, 2, 15 и 4, 15. Все остальное не имѣетъ пѣсеннаго размѣра. И строфическаго раздѣленія, необходимаго при исполненіи пѣсни, въ нашей книгѣ нѣтъ; хотя нѣкоторые стихи группируются какъ будто строфически, но они не

равной мѣры. Предположеніе Деппе и Магнуса, что первоначальный пѣсенный строй потерялъ свою правильность именно отъ продолжительнаго и частаго употребленія ихъ въ народѣ, противорѣчитъ всему, что намъ извѣстно объ исторіи народныхъ пѣсней. Изъ пѣсни слова не выкинешь, говоритъ пословица. Скорѣе она совсѣмъ забудется, чѣмъ потеряетъ свой поэтический ритмъ, безъ котораго она перестаетъ быть пѣснію. Живое храненіе пѣсни въ народномъ употребленіи не одно и тоже что мертвое храненіе ея въ копійхъ переписчиковъ, куда легко можетъ проникать свойственная всему отчужденному отъ жизни порча и измѣненіе.

(Продолженіе будетъ).

Акимъ Олесницькій.

ДВАДЦАТИЛѢТІЕ ЖУРНАЛА „ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“ (1860—1879 г.).

(Продолженіе *).

Съ 1861 года нашъ журналъ, согласно объявленной редакціею программъ, получилъ особую печать и окраску, которыя существенно отличали его отъ перваго года изданія. Съ этого времени „Труды Киевск. дух. Академіи“ сдѣлались не ученымъ только сборникомъ статей, но главнымъ образомъ учено-литературнымъ органомъ академической корпорации. Кромѣ переводовъ Св. Писанія и отцовъ церкви, въ „Трудахъ“ за все *первое десятилѣтіе* было помѣщено множество ученыхъ статей, изложенныхъ, по возможности, въ общедоступной формѣ и написанныхъ большею частію яснымъ и иногда популярнымъ языкомъ. Не входя въ разборъ строго-ученыхъ статей, которыя будутъ перечислены нами ниже въ систематическомъ порядкѣ, мы прежде всего обратимъ вниманіе на статьи, отличавшіяся современнымъ, живымъ направленіемъ и поставившія нашъ журналъ въ близкое отношеніе къ читающему обществу. Подобное отношеніе выразилось въ томъ, что Труды Академіи откликались и отзывались на важнѣйшіе вопросы, возбуждавшіеся какъ въ русскомъ, такъ и заграничномъ обществѣ, т. е. въ нихъ помѣщались не только статьи, имѣющія предметомъ современное состояніе отечественной церкви въ связи съ исторіею ея, но и извѣстія о состояніи церкви у единовѣрныхъ намъ народовъ.

Припомнимъ читателямъ „Трудовъ“ тѣ вопросы, кото-

*) См. Труды Киев. дух. Академіи, 1881 г. №№ 1 и 3.

ры занимали умы тогдашняго общества и были разрабатываемы въ академическомъ журналѣ. Изъ подобныхъ вопросовъ въ „Трудахъ“ рассматривались преимущественно тѣ, которые имѣли ближайшее отношеніе къ духовнымъ школамъ—академіямъ и семинаріямъ, духовной литературѣ, духовенству и его представителямъ, народнымъ вѣрованіямъ, народной школѣ и т. п. Подведши эти вопросы подъ разныя категоріи и отдѣлы, мы укажемъ вкратчѣ содержаніе статей извѣстнаго отдѣла и сначала скажемъ о вопросахъ, взятыхъ изъ русской жизни и русской церкви, а потомъ приведемъ статьи, посвященныя заграничнымъ или вновѣрнымъ церквямъ.

I.

1) О духовной литературѣ и отношеніи ея къ свѣтской. Выступивъ предъ обществомъ во время всеобщаго оживленія духовной и свѣтской литературы, развитія въ обществѣ новыхъ требованій отъ журналистики, редакція Трудовъ Киевской Академіи, естественно, не могла относиться невнимательно къ подобнымъ требованіямъ, которыя въ такой или иной мѣрѣ проявлялись въ академическомъ журналѣ. Отчасти уже первый годъ „Трудовъ“, а особенно половина втораго показали читателямъ, что новый журналъ идетъ дорогою отличною отъ пути прежнихъ духовныхъ журналовъ (напр. Воскр. Чтенія, Правосл. Собесѣдника, Духовн. Бесѣды и др.). Это отличіе въ направленіи, духѣ и характерѣ нашего журнала, бывшее причиною недовольства лицъ прежняго образа мыслей, послужило поводомъ къ появленію статьи В. Θ. Пѣвницкаго: *требованія по отношенію къ духовной журналистикѣ въ нашемъ читающемъ обществѣ* (1861 г., № 9). Статья эта, вызвавшая въ свое время вниманіе общества и въ частности большое сочувствіе Правосл. Обозрѣнія¹⁾, интересна для нашей цѣли въ томъ отношеніи, что она выясняетъ задачи и направленіе Трудовъ Академіи и выражаетъ собою, такъ сказать,

¹⁾ Правосл. Обзор. 1861 г., т. VI, стр. 568—582.

profession de foi академическаго журнала. Кромѣ того, въ указанной статьѣ живыми и рельефными чертами изображено состояніе духовной журналистики со всѣми ея недостатками до 1860 года и съ большою обстоятельностью изложено въ взглядъ современнаго автору молодаго поколѣнія на духовную литературу. Въ свѣдствіе чего мы считаемъ совершенно необходимымъ нѣсколько подробнѣе изложить содержаніе этой статьи.

Русская духовная журналистика, — такъ начинается авторъ свою статью, — долго имѣвшая самое ограниченное развитіе, и неизмѣнно слѣдовавшая однажды данному ей направленію, въ послѣдніе годы замѣтно начала оживляться и пролагать для себя новые, прежде неизвѣстные, пути. Въ ней явилась болѣе широкая дѣятельность, число журналовъ вдругъ стало увеличиваться, ихъ программы рѣзко выступали за предѣлы предметовъ, прежде раскрываемыхъ въ духовныхъ журналахъ; по временамъ началъ подыматься голосъ о такихъ вопросахъ, какіе прежде не существовали для нашей духовной письменности, хотя и носились смутно въ разныхъ слояхъ нашего общества. Видимо начало обозначаться направленіе *новыхъ* духовныхъ журналовъ, т. е. тѣ руководящія идеи, которыя составляли душу того или другаго журнала и отличали ихъ одинъ отъ другаго, тогда какъ прежде, при общемъ церковномъ началѣ, понимаемомъ въ самомъ отвлеченномъ смыслѣ, отличія между журналами были чисто внѣшнія, т. е. опредѣлялись не внутреннимъ направленіемъ мысли, а объемомъ и тою удѣльною цѣлію, которую каждый изъ журналовъ положилъ себѣ преслѣдовать. Такое оживленіе духовной журналистики не осталось незамѣченнымъ у нашего общества какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго: интересъ къ ней тотъ часъ же сталъ возвышаться; читатели духовныхъ книгъ возрастали въ числѣ, и *свѣтская журналистика*, прежде обходившая вниманіемъ журналистику духовную, какъ часть не принадлежащую къ ней и не представляющую для нея ничего замѣчательнаго, заговорила о ней съ сочувствіемъ и одобреніемъ, и указывала свѣтскимъ читателямъ

на возвышеніе и усиленіе духовной журнальной дѣятельности, какъ на фактъ, отрадный для всего нашего общества...

Но не съ 1860¹⁾ только года, когда замѣтно измѣнилась русская духовная журналистика, явились въ нашемъ обществѣ новыя требованія. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пробужденъ живой интересъ къ духовно-литературному дѣлу и гдѣ находятся центры духовнаго просвѣщенія, они давно бродили и огрицательно относились къ *силѣ преданія*, тяготѣвшаго надъ нашею духовною журналистикою, и опредѣлявшаго ея ходъ и направленіе. Давно многіе изъ просвѣщенныхъ представителей духовенства и духовнаго образованія и сознавали, и говорили, что не такъ бы должно вестись журнальное дѣло, какъ велось доселѣ, что въ обществѣ, по крайней мѣрѣ въ высшихъ по образованію кругахъ его, запросы шире и солиднѣе, чѣмъ предложенія духовной журналистики. Но этимъ, нигдѣ сознательно не формировавшимся, требованіямъ долго суждено было выдерживать хаотическое броженіе и вести несчастную борьбу съ утвердившимся преданіемъ. Преданіе укоренилось и твердо держалось въ духовной журналистикѣ потому, что эта журналистика до 1860 года воздѣлывалась въ официальной сферѣ²⁾, не поддающейся легкимъ и быстрымъ колебаніямъ и измѣненіямъ, подобно дѣлу частныхъ предпріятій. Въ этой сферѣ инициатива и руководство журнальной дѣятельности были большею частію въ рукахъ лицъ, воспитанныхъ на началахъ прошлыхъ лѣтъ, по опытамъ этихъ лѣтъ уважавшихъ преданіе, какъ самую живую современность, не вѣрившихъ въ силу новыхъ требованій и не раздѣлявшихъ ихъ... Подъ слѣпымъ вліяніемъ этой силы преданія въ 1858—1860 годахъ многіе съ увлеченіемъ хвалили то въ духовныхъ журналахъ, къ чему просвѣщенный классъ нашего поколѣнія могъ относиться съ только съ полнымъ равнодушіемъ, чтобъ не сказать чего-

¹⁾ Авторъ указываетъ на 1860-й годъ потому, что съ этого года появилось много новыхъ духовныхъ журналовъ, напр. Правос. Обзоръ, Труды Кіев. Академіи, Руководство для сельск. пастырей, Странникъ, Душеспол. Чтеніе.

²⁾ Авторъ имѣетъ въ виду журналы, издававшіеся при духовныхъ академіяхъ, напр. Христ. Чтеніе, Творенія св. Отецъ, Прав. Собесѣдникъ.

нибудь больше. Подъ влияніемъ этой же силы преданія люди, интересовавшіеся современными требованіями и съ удовольствіемъ смотрѣвшіе на современную журнальную письменность, боялись и не умѣли безпристрастно отнестись къ тому, чѣмъ смутно не удовлетворялись. Отъ того въ устахъ такихъ людей, напримѣръ, Воскресное Чтеніе первыхъ годовъ являлось безотносительнымъ образомъ совершенства, а Воскр. Чтеніе послѣднихъ лѣтъ никуда не годилось; тогда какъ въ судьбѣ этого журнала, до текущаго года ¹⁾, не было рѣшительно никакой существенной перемѣны. И если чѣмъ оно могло вызывать противъ себя нареканіе, то главнымъ образомъ тѣмъ, что оно хотѣло вѣчно стоять на одной степени совершенства, и въ 1859 году думало удовлетворить читающую публику тою же рѣчью, какою въ 1839. Но въ смыслѣ безотносительномъ, независимо отъ расширенія требованій времени, все-таки Воскр. Чтеніе послѣднихъ годовъ должно брать преимущество предъ первыми годами, потому что въ послѣднее время въ немъ затрогивались иногда живые практическіе вопросы, и хотъ рѣдко и глухо, но все же вызывала въ немъ откликъ волнующаяся современность. Перелистуйте теперь Воскр. Чтеніе за первые годы, когда оно, говорятъ, производило восторгъ и обаяніе въ читающей публикѣ. Мы уже не поймемъ этого обаянія, при всемъ нашемъ уваженіи къ именамъ великихъ издателей его, и не повѣримъ, чтобы изъ среды теперешняго образованнаго общества нашего нашлось много читателей, которые бы стали восторгаться и умиляться статьями въ родѣ „чаянія великой субботы въ природѣ“, „весна“, „полночь“ и т. п., служившими заманчивымъ украшеніемъ Воскр. Чтенія въ былые годы. Трудно и живымъ людямъ, слѣдующимъ за временемъ, оторваться отъ прежнихъ впечатлѣній; имъ все думается, что эти впечатлѣнія и нынѣ, какъ прежде, могутъ сохранять свою свѣжесть.

¹⁾ Т. е. 1861 года, когда писана настоящая статья.

Они высказываютъ теплыя похвалы доброму старому времени, и въ то же время не довольствуются тѣмъ, въ чемъ должны бы видѣть осуществленіе своихъ давнихъ желаній и стремленій ¹⁾).

¹⁾ По поводу разныхъ упрековъ и нареканій, дѣлавшихся Трудамъ Киев. Академіи лицами, державшимися старыхъ преданій, авторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ слѣдующее: „Ревнивая бдительность нѣкоторыхъ блюстителей вѣры не оставляетъ безъ вниманія ничего, никакой, самой малозначительной, перемены въ жизни и развитіи духовной журналистики. На однихъ изъ нихъ производитъ непріятное впечатлѣніе уже одна *перемѣна формата* журнала*), и вызываетъ у нихъ противъ себя нареканія. Другіе съ подозрительностію смотрятъ на *разстановку* статей въ томъ или другомъ журналѣ. Въ этомъ отношеніи у многихъ вызвали себѣ строгое осужденіе *Правосл. Обзорніе* и *Труды Киевской дух. Академіи* за то, что въ нихъ отеческія творенія помѣщаются не въ началѣ, а въ концѣ журнальной книжки. Ревнителі отеческихъ писаній видятъ въ этомъ униженіе ихъ, и потому совѣтуютъ**) редакціямъ упомянутыхъ журналовъ перемѣнить мѣсто отведенное въ журналъ переводамъ отцовъ, и тѣмъ оказать имъ большее уваженіе. Въ простотѣ своей мысли, чуждые всякихъ таинственныхъ толкованій, мы считали чистою случайностію такое дѣло, какъ разс ановка статей въ журналѣ, и не подозрѣвали того, что и здѣсь *нужно подчиняться утвержденному преданію* порядку мѣстности. Намъ и въ голову не могла придти догадка о томъ,—не унижается ли сколько нибудь твореніе св. отца, если оно стоитъ не въ началѣ книги, а въ срединѣ или концѣ. Но когда навела насъ на мысль объ этомъ люди, во все вникающіе своимъ тонкимъ сужденіемъ, то, признаваясь, мы увидали больше смысла въ томъ распорядкѣ статей, какому слѣдуютъ Труды Киевской дух. Академіи и Православное Обзорніе, чѣмъ какой рекомендуемъ намъ. Помѣщая въ началѣ журнальной книги переводы Св. Писанія, а въ концѣ переводы отеческихъ твореній, и между ними оригинальныя статьи, журналъ въ своемъ самостоятельномъ голосѣ является опирающимся на два несокрушимые столба: Св. Писаніе и свящ. преданіе. Посмотритъ тонкій наблюдатель на внѣшнюю форму журнала или внѣшній распорядокъ статей, и здѣсь для него ясное указаніе на то, что мы съ одной стороны черпаемъ свою мудрость изъ Св. Писанія, а съ другой—изъ преданія, записаннаго св. отцами

*) Разумѣется В. Чтеніе, которое сначала издавалось въ 4 о, а потомъ въ 8 о долю листа.

**) Имѣются въ виду два епископа, упрекавшіе редакцію Трудовъ за видимое униженіе твореній отцовъ церкви, которыхъ съ 1861 года помѣщались въ концѣ книжки—послѣ оригинальныхъ статей.

Указавши на тѣ желанія и требованія образованной публики, какія заявлялись печатнымъ образомъ¹⁾ относительно духовной журналистики, авторъ подробно разсматриваетъ какъ существующіе недостатки, такъ и предполагаемые достоинства духовной литературы.

Первая болѣзнь, по мнѣнію автора, нашей духовной журналистики, это *отвлеченный характеръ* нашихъ журнальныхъ разсужденій, преобладаніе въ нихъ сухой теоретической мысли, любившей уноситься въ заоблачныя страны или общія мѣста отъ дѣйствительности міра. Наши повремениныя изданія, сообразно съ общимъ ходомъ нашего умственного развитія, обыкновенно какъ бы боялись вопросовъ и предметовъ дня, или считали ихъ довольно низкими и малозначительными для того, чтобы обращать на нихъ большее или меньшее вниманіе. Въ нихъ трактовалось о высокихъ предметахъ, имѣющихъ вѣчный, неизблемый интересъ; въ нихъ затрогивалась постоянно общая нравственная и догматическая сторона. Но все то была книга, далекая отъ дѣйствительной жизни, уклоняющаяся отъ волнующагося міра человѣческихъ страстей и интересовъ...²⁾ По-

и учителями церкви. При другомъ случаѣ, оригинальная часть журнала является по вышней формѣ не имѣющею связи и соотношенія съ переводами Писанія и отцовъ. Это мелочи скажутъ намъ; мы вполне согласны съ этимъ, и говоримъ о нихъ только потому, что уважаемъ чувство, лежащее въ основѣ указанныхъ нами нареканій“. См. Труды Киев. Акад. 1861 г., № 9, стр. 104—105.

¹⁾ Авторъ имѣетъ въ виду отзывы о духовной журналистикѣ 1860 года *Хитрова*—въ „Сынѣ Отечества“, *Царевскаго*—въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и рецензента „Книжнаго Вѣстника“ (1861 г. № 4).

²⁾ Въ статьѣ подробно разбирается несостоятельность прежняго направленія духовн. журналистики. „Религія, говоритъ авторъ, не есть одно сверхъестественное слово Божіе и высое правило нравственности, которое стоитъ, какъ недостижимый идеалъ предъ лицомъ человѣка. Въ ней неразрывно соединены двѣ стороны: божественная, или, какъ говорятъ въ наукѣ, *объективная*, состоящая въ неизмѣнной твердости божественнаго откровенія, и человѣческая, *субъективная* или *психологическая*, проявляющаяся волнующимся живѣющимъ міромъ человѣческихъ помысловъ и желаній... У насъ религіозная сторона вѣры совершенно представлялась оторванною отъ той психологической основы, на которой она

слѣ этого понятны сочувственные, иногда даже восторженные, отзывы, слышны въ образованной публикѣ, когда нѣкоторые изъ духовныхъ журналовъ ¹⁾ показали желаніе вывѣстаться изъ отвлеченной сферы и говорить о вѣрѣ не съ общихъ ея сторонъ, а главнымъ образомъ со стороны тѣхъ интересовъ, какіе занимали и волновали общество въ данную минуту.

При господствѣ отвлеченнаго направленія въ нашей духовной литературѣ, въ ней образовалась особаго рода *фразеологія*, которая также вызываетъ противъ себя противо-дѣйствіе. Эта фразеологія сама собою родилась и утверди-

должна жить и развиваться, и мысль друзей религіи замыкалась въ ту пре-звиренность, гдѣ нѣтъ земныхъ печалей и страданій, куда не можетъ входить никакая человѣческая слабость, и откуда слышны только громы обличенія или общія категорическія наставленія.. Наша журналистика подверглась той опасности, кака я грозитъ мысли, въ слѣдствіе отдѣленія религіозной стороны вѣры отъ стороны психологической или субъективной. Редкѣ превратилась въ сухую отвлеченную мораль и хотя правду говорили духовные писатели и проповѣдники, эта правда далека была отъ умовъ и сердецъ слушателей или читателей, какъ правда слишкомъ общая и воздушная, носящаяся надъ нашими головами, но не хотащая пустить корни въ духовную почву. Привязанность къ общимъ мѣстамъ или категоріямъ сдѣлалась какою то модою, и эти общія мѣста ложились тяжелымъ гнетомъ на свободную мысль, и изъ подъ этого гнета долго она не могла выпутаться на свободную дорогу... Отсюда неизбѣжно холодное схоластическое отношеніе къ предмету вѣры и въ писателѣ и въ читателѣ. Отсюда мертвенность и бездѣйственность въ изложеніи животворнаго христіанскаго ученія, не только не приносящая никакой пользы, но даже сопровождающаяся положительнымъ вредомъ, потому что при этомъ скоро должна была наскучить высокая истина, неловко представленная безжизненною и непричастною къ интересамъ, насъ волнующимъ. Она отрѣшилась отъ земли, и люди уже не умѣютъ всасывать ее въ свое существо, ища для сего матеріаловъ, съ вещественнымъ содержаніемъ, лежащихъ подъ рукою... Кто присматривался къ впечатлѣніямъ читателей духовныхъ журналовъ, тотъ могъ замѣтить, какъ скоро прѣдалась та сухая нища, каковую пмѣ предлагалъ“.

¹⁾ Разумѣется главнымъ образомъ Правосл. Обзорѣніе, которое Хитровъ считалъ *единственнымъ духовнымъ* журналомъ соотвѣтствовавшимъ свѣжему стремленію времени.

лась при томъ отчужденіи отъ живой дѣйствительности, какое вообще характеризовало нашу духовную письменность и состояла въ слѣпомъ пристрастіи не столько къ церковно-славянскому элементу въ рѣчи, сколько къ общимъ формамъ, выхваченнымъ изъ библіи, и повторяемымъ безъ расчета въ разсужденіяхъ о томъ или другомъ священномъ и несвященномъ предметѣ. Отсюда образовалась какая-то покорная мода въ изложеніи у духовныхъ писателей, явился условный языкъ, свойственный только духовной литературѣ, могущій показаться страннымъ до неприличія, если бы его стали употреблять въ свѣтской литературѣ. Противъ этого условнаго языка читающее общество не на шутку протестовало прежде всего во имя того, что онъ непонятенъ имъ, что для разумнѣя его нужна такая же специальная подготовка, какая и для пониманія технического философскаго языка или какого нибудь другаго... Авторъ, напримѣръ, употребляетъ какое нибудь техническое богословское выраженіе въ полной увѣренности, что оно ясно и понятно всѣмъ и каждому такъ же, какъ и лицамъ его круга, а на самомъ дѣлѣ-то для непосвященныхъ эти выраженія—*мѣнь звѣнящая и кимвалъ звѣчающій*. Многіе ли хорошенько поймутъ эти послѣднія употребленныя нами слова? а вѣдь сколько употребляется въ духовныхъ журналахъ подобныхъ, но только еще гораздо труднѣйшихъ и неудобовразумительнѣйшихъ оборотовъ и выраженій? Вы думаете, всѣ или многіе у насъ въ обществѣ (говорю, конечно, не къ чести самаго общества) знаютъ, какой смыслъ скрывается хоть подъ такими словами: *ходить по плоти*; *совлещись ветхаго чловѣка*; *преестественный*; *премірныя блага*; *соприсносущный*; *ипостасный*; *зерцало загаданіи*; *преподобіе истины*; *пѣстунъ во Христа* и под. А вѣдь подобныя слова сплошь да рядомъ употребляются въ духовныхъ журналахъ, безъ всякихъ объясненій, какъ совершенно ясныя и общедоступныя...

Многіе изъ духовныхъ писателей желали бы блюсти, какъ святыню, особенности богословскаго языка, отличаю-

нѣя его отъ языка свѣтской письменности; въ цѣлости и ненарушимости этихъ особенностей они видятъ условіе чистоты вѣры и ея предохраненія отъ смѣшенія съ чуждыми и несвойственными ей мірскими элементами. *Библеизмъ* *выраженія*, часто любимый у насъ, по понятіямъ многихъ, придаетъ будто *священный*, *болѣе* важный и авторитетный *характеръ* нашей рѣчи, и самъ собою рождается изъ того глубоко-религіознаго духа, какимъ долженъ быть воодушевленъ духовный писатель.

Авторъ подробно раскрываетъ неосознанность подобнаго воззрѣнія, при чемъ замѣчаетъ, что, желая блистать своимъ условнымъ краснорѣчіемъ, мы вводимъ напрасную каstickность въ свою литературу, и, во вредъ себѣ самимъ, уединяемъ ее отъ другихъ родовъ литературы. Отсюда между прочимъ духовно-литературные интересы у насъ страдали болѣзненною слабостію отъ недостатка живаго участія къ нимъ въ обществѣ. Такой каstickности языка нѣтъ въ духовныхъ иностранныхъ литературахъ; отъ того между прочимъ тамъ больше общенія между духовною и свѣтскою литературою и больше участія общества къ духовной письменности... Съ нашей стороны будетъ ошибочнымъ представленіемъ, если мы признаемъ необходимыми библейскія славянскія выраженія для сохраненія въ сочиненіяхъ внутренняго библейскаго духа. Святые отцы болѣе насъ проникнуты были благоговѣйнымъ духомъ библии, между тѣмъ ихъ рѣчь не представляетъ никакихъ особенностей въ складѣ и оборотахъ, въ сравненіи съ современною литературною рѣчью. Они умѣли дышать духомъ библии, и этотъ духъ не пренебрегалъ у нихъ ничѣмъ, что предлагала современность языка, и не рѣшался ее насиловать. Употребляя для выраженія священныхъ понятій такую же рѣчь, какою пользовались свѣтскіе писатели, они тѣмъ самымъ показывали, что духъ библии не долженъ избирать для себя какую либо замкнутую область, а можетъ и долженъ воплощаться среди обыкновенныхъ житейскихъ отношеній...

Таковы, по изображенію автора, недостатки прежней духовной журналистики. Но авторъ останавливаетъ свое вниманіе не на мрачныхъ только сторонахъ духовной литературы, а главнымъ образомъ рисуетъ тѣ идеалы, къ которымъ должны стремиться и какіе отчасти уже выполняютъ вновь появившіеся богословскіе журналы. Каковы же должны быть задачи и цѣли этихъ журналовъ?

Одна изъ самыхъ настоятельныхъ нуждъ нашей духовной журналистики—это (по словамъ автора) уваженіе къ *современности*, живой откликъ на ея вопросы. Журналъ, по самому понятію и назначенію своему, обязанъ слѣдить за интересами дня и удовлетворять бѣгущимъ требованіямъ настоящаго, и наша свѣтская журналистика, равно какъ и иностранная, духовная и свѣтская, журнальная литература, не забываютъ своего прямого долга. Но припомнимъ, чѣмъ были до послѣдняго времени наши духовные журналы? Они были скорѣе *сборниками*, чѣмъ журналами: въ нихъ были, пожалуй, статьи серьезныя, достойныя всякаго уваженія за свое содержаніе, въ нихъ являлись нравственно-назидательныя размышленія, способныя умилиять благочестивую душу, но не видно было того, изъ чего бы мы могли заключать о сочувствіи и вниманіи пишущихъ людей къ современнымъ нуждамъ и стремленіямъ общества. Новый годъ обыкновенно не приносилъ для журнала ни новыхъ вопросовъ, ни новаго содержанія, и каждая книжка вмѣщала въ себѣ статьи, которыхъ происхожденіе опредѣлялось чаще всего случайностію, не обращающею ни на что вниманія, или произволомъ автора, и всего менѣе требованіями дня. Журналъ съ случайными статьями годился одинаково *для всѣхъ вѣковъ и народовъ*, и при этомъ менѣе всего для этого года, народа или общества читателей. И не было бы никакой несообразности, если бы, вмѣсто настоящаго года изданія журнала, мы выставили на заглавномъ листѣ его какой либо другой, предшествующій ли то, или послѣдующій. Такимъ образомъ между текущею журналистикою и обще-

ствомъ читателей не было прямого соотношенія: общество волновалось временными вопросами, а журналы пѣли о вѣчномъ неизмѣнномъ бытіи, какъ будто имъ вовсе не было нужды до того, чѣмъ живетъ и дышетъ современный людъ. Теперь всѣ хотятъ, чтобы наши духовные журналы старались соответствовать своему названію и ближе стали къ обществу, къ его текущимъ, животрепещущимъ вопросамъ и потребностямъ...

Между подобными вопросами видное мѣсто занимаетъ знакомство съ современнымъ состояніемъ иновѣрныхъ обществъ. Показавши важное значеніе подобнаго знакомства съ современною жизнію католичества и протестанства¹⁾, авторъ обращаетъ вниманіе и на состояніе церкви у нашихъ единовѣрцевъ. Программы нашихъ журналовъ²⁾, говоритъ онъ, съ прошлаго года обѣщаютъ представлять болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о современномъ состояніи церкви и современныхъ замѣчательныхъ церковныхъ явленіяхъ у единовѣрныхъ намъ народовъ. И это обѣщаніе всюду встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ. У насъ вѣдь должна бы быть самая близкая и непосредственная связь съ единовѣрными намъ народами. Когда то слали они намъ просвѣщенныхъ пастырей и дарили насъ готовымъ переводомъ священныхъ

¹⁾ Кромѣ строго-ученыхъ доказательствъ, у автора встрѣчается такое сравненіе. „Мы жили, говоритъ онъ, какъ жители глухой деревни, для которыхъ весь міръ обнимается клочкомъ того неба, которое видно надъ ихъ головами, и вся совокупность бытія заключается въ предѣлахъ знакомой мѣстности. А между тѣмъ, если бы эти селяне вышли изъ предѣловъ своей окрестности, какое бы поучительное разнообразіе жизни они увидали! Сколько бы открылось формъ и степеней жизни, еще не только не извѣданныхъ, но и не испытанныхъ ими! Знакомство съ чужими формами жизни помогло бы намъ прежде всего стать въ прямое отношеніе къ инославнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ.“

²⁾ Авторъ, между прочимъ, имѣетъ въ виду Труды Киевск. Академіи, которые по программѣ 1861 г. обѣщали сообщать читателямъ извѣстія о состояніи церкви у единовѣрныхъ намъ народовъ. См. нашу статью въ Труд. Киев. Акад. 1881 г., мартъ, стр. 365.

и богослужебныхъ книгъ, и мы дорожили ихъ любовію и привязанностію. Мы вѣримъ, что и теперь есть между ими и нами твердая духовная связь. Но если бы спросили насъ, какъ живо и ясно чувствуется въ нашемъ народѣ эта духовная связь по вѣрѣ,—мы затруднились бы дать на этотъ вопросъ прямой и опредѣленный отвѣтъ... Перелистуйте наши журналы, поставившіе своею задачею между прочимъ знакомить публику съ современнымъ состояніемъ православной церкви у славянъ, грековъ и арабовъ. Много ли найдете вы въ нихъ статей, относящихся къ этому дѣлу? Много ли найдете даже словъ, которыми бы хоть сколько нибудь намекалось на бытъ и потребности нашихъ далекихъ единовѣрцевъ? Важная задача значить еще впереди, и мы думаемъ, что скоро должна наступить очередь до болѣе внимательнаго исполненія обѣщанія, даннаго духовными журналами на этотъ счетъ.

Съ недавняго времени въ нашихъ духовныхъ журналахъ стали являться статьи *критическія* и *библіографическія*. Ими редакціи журналовъ хотятъ удовлетворить существенному желанію нашей читающей публики видѣть въ духовныхъ журналахъ полный отдѣлъ здоровой критики и основательной бібліографіи, какъ русской, такъ и иностранной текущей богословской литературы. Желаніе это родилось не изъ подражанія свѣтской журналистикѣ, а изъ сознанія существенной нужды и пользы... Не только чувство читателей, но и сознаніе писателей нуждается въ проясненіи началъ и способовъ и въ указаніи современныхъ направленій въ области литературныхъ работъ ¹⁾...

¹⁾ Доказывая частіе важность критики, авторъ говоритъ: „каждый частный авторъ можетъ быть подверженъ тѣмъ или другимъ недостаткамъ и впадать въ односторонности, которыхъ онъ самъ не видитъ, и отъ которыхъ между тѣмъ ему легко было бы отстать, если бы только ему добросовѣстно указали на нихъ другіе. Да и вся пишущая братія была бы внимательнѣе къ себѣ, если бы знала, что надъ нею есть зоркій глазъ критики, и въ тоже время взаимными

Вмѣстѣ съ критикою началъ появляться въ нашихъ журналахъ *отдѣлъ библіографіи*, состоящій въ краткомъ указаніи содержанія и достоинства всѣхъ выходящихъ замѣчательныхъ книгъ по духовной литературѣ. Необходимость и польза этого отдѣла журналистики чувствуется тамъ, гдѣ въ силѣ стремленіе къ чтенію и самоусовершенствованію, и гдѣ есть охота къ приобрѣтенію хорошихъ книгъ и къ знакомству съ ними... Хорошая библіографія можетъ принести не малую пользу и читателямъ, сообщая имъ своевременныя свѣдѣнія о полезныхъ книгахъ, и самой литературѣ, содѣйствуя распространенію хорошихъ книгъ и тѣмъ возбуждая въ обществѣ интересъ къ духовно-литературнымъ вопросамъ. Произведенія нашей духовной письменности въ прежнее время не пользовались въ читающемъ мірѣ такою же извѣстностію, какъ произведенія свѣтской литературы, и узнавались большею частію заднимъ числомъ. А это именно отъ того, что ихъ въ свое время не старались выставлять на видъ наши духовные журналы, не считавшіе своею обязанностію библіографической работы, слѣдящей за современностію ¹⁾).

совѣтами и усиліями она разчищала бы трудное поле богословско-научной, духовно-литературной и проповѣднической сферы. Можетъ быть, уже давно бы кончилось царство общихъ мѣстъ въ духовной литературѣ, если бы авторитетъ писателей духовныхъ не пользовался своего рода литературною непогрѣдимостію. Но наши старые журналы до послѣдняго времени не хотѣли этого знать, и говорили о важныхъ матеріяхъ тономъ непогрѣшимого учителя, не дозволяя себѣ сказать слово о текущихъ явленіяхъ въ литературѣ. Отъ того наша литература казалась непроходимой дѣбрью, гдѣ не было руководителя, гдѣ не было торныхъ дорогъ, и каждый шелъ себѣ, куда дулъ вѣтеръ, и думалъ что онъ идетъ прямою надлежащею дорогою“.

¹⁾ Особенную пользу могла бы, по мнѣнію автора, принести библіографія сельскому священнику, который на этотъ разъ находится въ очень затруднительномъ положеніи. По скудости средствъ своихъ, священникъ не можетъ владѣть значительною библіотекю. А между тѣмъ, среди тяжелыхъ заботъ своихъ не разъ, можетъ быть, приходитъ ему желаніе имѣть подъ руками полезную книгу по той или другой части. Но этому желанію нѣтъ выхода, по малому знакомству священника съ литературными явленіями, относящимися къ его области... Вогъ тутъ-то и помогли бы ему библіографическія указанія журналистики.

Духовнымъ журналамъ, преслѣдующимъ болѣе или менѣе ученые цѣли, не мѣшало бы, по совѣту автора, чаще заглядывать въ *опустошенный рационализмомъ западъ* и указывать русскому читающему, учащемуся міру замѣчательныя произведенія иностранной богословской литературы. По крайней мѣрѣ этого желаютъ, сколько мы знаемъ, наши семинаріи, лишенные достаточныхъ средствъ къ тому, чтобы знакомиться съ современнымъ состояніемъ и богатствомъ иностранной литературы, и имъ бы не малую пользу стали оказывать наши духовные журналы, если бы приняли на себя обязанность вести обзорѣніе иностранной духовной литературы, на примѣръ, въ родѣ того, какъ ведется обзорѣніе свѣтской литературы и науки въ Отечественныхъ Запискахъ... Кромѣ того, очень полезно было бы, если бы наши ученые журналы представили исторію литературы по каждой богословской наукѣ, и тѣмъ указали всѣ пособія для основательнаго изученія каждой отрасли богословскаго знанія. Послѣ этой исторіи интереснѣе будетъ знакомиться читатель съ каждымъ новымъ сочиненіемъ по извѣстной богословской наукѣ... Редакція Трудовъ Киевск. д. Академіи, *этимъ руководилась*, когда рѣшилась представить своимъ читателямъ исторію церковной исторіи¹⁾.

Но надъ всѣми частными задачами духовной журналистики авторъ возвышаетъ одно общее требованіе — требованіе *направленія* въ духовныхъ журналахъ. Направленіе журнала (понимаемое въ смыслѣ основныхъ идей, составляющихъ душу журнала и дающихъ тонъ всѣмъ его статьямъ) — существенная его необходимость для того, чтобы онъ имѣлъ самостоятельный интересъ и производилъ вліяніе на читающее общество. Журналъ безъ направленія тоже, что человѣкъ безъ убѣжденія или съ неопредѣленною, безхарак-

¹⁾ Исторія церковной исторіи (изъ Geschichte der apostolisch. Kirche, von Phil. Schaff) помѣщена въ Трудахъ 1861 года № 6, 8 и 11, т. е. въ томъ же году, въ какомъ писана настоящая статья В. Ө. Пѣвницкаго.

терною фізіономією... Наши духовные журналы, прежніе и даже нынѣшніе¹⁾, упрекають именно въ *отсутствіи направленія* или самостоятельнаго личнаго характера. По замѣчанію Книжнаго Вѣстника²⁾, „всеѣ они почти точь въ точь подходятъ другъ на друга, какъ два родные брата, или какъ двѣ капли воды: они живутъ между собою въ мирѣ и совершенно сердечномъ согласіи, тоже какъ иѣжные братья, никогда у нихъ не бываетъ никакой журнальной полемики, никакой разногласицы въ мнѣніяхъ и взглядахъ... Разные духовные журналы—это собственно говоря, не отдѣльные журналы, а просто, такъ сказать, различные отдѣлы одного и того же журнала, разныя формы его съ особенными на званіями... Статьи, помѣщенные въ одномъ журналѣ съ полнымъ правомъ могли бы явиться во всякомъ другомъ, не производя ~~никакого~~ ^{никакого} малѣйшаго диссонанса“. На подобное рѣзкое замѣчаніе Книжн. Вѣстника авторъ отвѣчаетъ, что современная, начинающаяся вновь, духовная журналистика даетъ основаніе ослабить нѣсколько этотъ укоръ. Прежняя безличность мало по малу исчезаетъ; фізіономіи журналовъ болѣе и болѣе выясняются и опредѣляются, и есть надежда, что въ средѣ нашей будутъ журналы съ яснымъ и твердымъ убѣжденіемъ и направленіемъ... Уже и теперь, по нѣкоторымъ статьямъ и намекамъ, можно безошибочно угадывать, чего хочетъ Правосл. Обзоръ или Странникъ, какой образъ возрѣнія на извѣстные предметы у Трудовъ Киевской Академіи.

Во всякомъ же разѣ, отсутствіе направленія авторъ считаетъ *существеннымъ недостаткомъ* духовн. журналистики и объясняетъ существованіе его изъ того обстоятельства, что у насъ прежде было въ литературѣ господство частію общихъ мѣстъ, частію отвлеченныхъ, далекихъ отъ жизни разсужденій. Чѣмъ же излечить подобную болѣзнь? Мы, го-

¹⁾ Т. е. журналы начала 60-хъ годовъ.

²⁾ Книжн. Вѣстникъ 1861 г. № 6, стр. 97.

ворить авторъ, думаемъ и утверждаемъ, что если наши журналы чаще будутъ говорить о вопросахъ жизни, чѣмъ о вопросахъ отвлеченнаго знанія,—у нихъ образуется направленіе, и каждый изъ нихъ составитъ, и болѣе или менѣе будетъ защищать свой опредѣленный образъ воззрѣнія на вещи.

На ряду съ этими просвѣщенными требованіями въ массѣ читающей публики есть и такія желанія, которыя нисколько не могли бы содѣйствовать успѣхамъ и цѣли духовно-литературной дѣятельности, если бы исключительно сдѣлались ея опредѣляющею силою. Книгопродавческій успѣхъ нашихъ духовныхъ журналовъ доколѣ условливается не цѣнностію идей или цѣлей, преслѣдуемыхъ редакціею, а скорѣе практическою ловкостію, умѣющею примѣняться къ обстоятельствамъ и ограниченнымъ требованіямъ массы. Направленія, твердой и высокой задачи, идей, могущихъ внести свѣжіе элементы въ жизнь,—этого пока не нужно для расхода журнала въ нашей публикѣ. Авторъ коротко останавливается на этихъ ограниченныхъ требованіяхъ массы и полагаетъ ихъ прежде всего въ наклонности къ легкому занимательному чтенію, которое имѣло бы анекдотическій характеръ и составляло пріятное занятіе въ свободныя минуты—*духовное балясничество*,—далѣе, въ *квіэтизмъ льняной мысли*, которая любитъ только готовое и боится всего, что возбуждаетъ мысль, что нужно переработать силой собственнаго разсужденія, и—наконецъ въ поверхностномъ *мобопытствѣ*, которое жаждетъ вѣстей безъ цѣли—едва ли не на томъ же основаніи, на какомъ въ другой сферѣ передается сплетнямъ ¹⁾.

Въ такихъ широкихъ чертахъ выставлены авторомъ требованія по отношенію къ духовной журналистикѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ, разъяснены тѣ идеалы къ которымъ должны стремиться духовные журналы и ука-

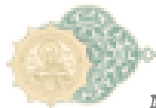
¹⁾ Труды Акад. 1861 г. № 9, стр. 50—108.

заны недостатки, отъ коихъ имъ слѣдуетъ удалиться¹⁾. Съ нашей стороны не будемъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что и въ настоящее время, когда прошло болѣе 20 лѣтъ послѣ появленія означенной статьи В. Θ. Пѣвницкаго, было бы весьма желательно видѣть полное осуществленіе изложенныхъ въ ней требованій и задачъ. А потому (повторяемъ) мы позволили себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на этой статьѣ.

Вопросъ о духовной журналистикѣ, ея задачахъ и направленіи разсматривался еще въ „Замѣткахъ“ г. Е. Крыжановскаго, въ коихъ авторъ представляетъ краткую характеристику прежней и нынѣшней (т. е. начала 60-хъ годовъ) журналистики въ такомъ видѣ. „Самое бѣглое, говорить онъ, сравненіе прежней духовной журналистики, кончившей свой періодъ 4—5 лѣтъ назадъ, съ нынѣшнею показываетъ то существенное различіе между ними, что первая держалась исключительно на отвлеченныхъ, догматико-нравственныхъ и древне-историческихъ предметахъ, тогда какъ послѣдняя главнымъ образомъ сосредоточилась на вопросахъ *внутренней* жизни духовенства и его внѣшнемъ положеніи. Нельзя сказать, что прежняя литература и журналистика была младенческая, ограничивавшаяся только заучиваніемъ общихъ религіозныхъ положеній и не выросшая до сознанія самой себя,—она условно давала иногда знать о своемъ глубокомъ сочувствіи къ явленіямъ своей собственной среды, о своемъ пониманіи всего, вокругъ нея происходившаго. Таково было тогда внѣшнее положеніе литературы и всей церкви русской“... Далѣе авторъ говоритъ, что въ настоящее время духовная литература возрастаетъ по своей численности и возвышается по внутреннему содер-

¹⁾ Тогоже вопроса касался авторъ въ другой статьѣ своей „Жизнь и школа“ (Труды, 1862 г., № 3), гдѣ В. Θ. Пѣвницкій доказывалъ важное значеніе *современнаго направленія* какъ вообще въ духовной письменности, такъ въ частности въ журналистикѣ и проповѣдничествѣ (стр. 327—330, 334—336). Въ противоположность лицамъ, придерживавшимся старинныхъ воззрѣній, авторъ говоритъ, что современность весьма легко можетъ примириться съ общими основами христіанскаго вѣроученія, которыя останутся при этомъ цѣлыми и невредимыми.

жанію. Съ одной стороны, говорить онъ, явилось быстрое умноженіе журналовъ въ нынѣшнее время—сравнительно съ предъидущимъ (11 журналовъ и 12 епархіальн. вѣдомостей), съ другой—наша литература сосредоточилась на за-вѣтныхъ потребностяхъ духовенства и церкви, въ ущербъ догматико-правственной средѣ и древности церковной, потому что съ точки этихъ потребностей сама прежняя наука оказалась *несостоятельною, требующею совершеннаго обновленія*. Теперь у насъ, повидимому, противоположная крайность: *наука на второмъ планѣ*, все занято положеніемъ нашей церкви въ общемъ строѣ государства и внутреннимъ строємъ духовенства. Намъ мало пока занимають и всѣ другіе предметы, непосредственно связанные съ интересами нашей науки и церкви. Если являются у насъ трактаты напр. о другихъ исповѣданіяхъ, то—о тѣхъ только явленіяхъ въ нихъ, и притомъ съ той только стороны ихъ, съ которой онѣ послужили бы къ разъясненію той или другой стороны въ нашемъ собственномъ положеніи, тутъ нѣтъ цѣлей научныхъ и общерелигіозныхъ. Еще менѣе, повидимому, насъ занимаетъ состояніе православной церкви въ другихъ странахъ—въ Сербіи, Болгаріи, Греціи, Сиріи и под.; о нихъ мы знаемъ только по политическимъ, случайнымъ и отрывочнымъ извѣстіямъ... Даже труды русскихъ миссій въ Сибири и Китаѣ являются въ нашей литературѣ голыми перепечатками случайныхъ писемъ, или формальныхъ донесеній миссіонеровъ. Наконецъ, объ общественно-литературной дѣятельности администраціи, гдѣ каждое выдающееся явленіе имѣетъ свое опредѣленное отношеніе къ религіозному міросозерцанію, къ духу и характеру нашей церкви, мы толкуемъ слегка, большею частію дома... „Домашняя Бесѣда“ плачется на духовную журналистику, обличая ее въ заискиваніи предъ свѣтскими либералами—за то, что она мало воюетъ съ общественною антирелигіозностію и безнравственностію; *святскіе журналы* и газеты подчасъ *презрительно* помянутъ объ узкости и туманности горизонта духовной

литературы—за то, что ее не слишкомъ занимаетъ борьба матеріализма съ идеализмомъ, социализма съ государственностью, радикаловъ съ постепеновцами, а намъ до всего этого какъ будто и дѣла мало... Все это потому, что у насъ есть *интересъ*, гораздо *важнѣе этихъ предметовъ*, — интересъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ все наше выраженіе и всѣ отношенія къ близкимъ и дальнѣйшимъ сферамъ. Этотъ интересъ—нашъ внутренній строй и внѣшнее положеніе въ государствѣ и обществѣ, наше образованіе и администрація, матеріальныя и нравственныя силы“ .. Въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ авторъ подробно указываетъ тѣ „внутренніе“ вопросы, какими было занято современное ему духовенство и какіе разрабатывались въ тогдашней литературѣ. Къ такимъ вопросамъ онъ относитъ: преобразование духовныхъ училищъ, выборъ благочинныхъ, духовниковъ, благочинническіе сѣзды, народное образованіе, матеріальное обезпеченіе духовенства. Такъ какъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ занималась и свѣтская журналистика, авторъ, естественно, высказываетъ свой взглядъ на послѣднюю. По поводу появленія въ духовныхъ журналахъ проектовъ и соображеній о матеріальномъ улучшеніи духовенства, свѣтская журналистика, даже изданія, которыхъ нельзя уличить въ несочувствіи къ духовенству (напр. „День“) распространили мнѣніе, что духовенство не хочетъ видѣть далѣе матеріальныхъ интересовъ своихъ, и всѣ улучшенія свои ограничиваетъ этими интересами; другія изданія нашли въ этомъ мнѣніи достаточную опору для того, чтобы упрекнуть духовенство въ корыстолюбіи, въ намѣренной преданности рутинѣ, въ желаніи совершенно устранить отъ себя всѣ нравственныя и административныя преобразованія. Не нужно, говоритъ авторъ, распространяться о томъ, какъ *все это узко и ложно*. Наша свѣтская литература еще такъ мало знаетъ внутренній бытъ духовенства, что многіе толки ея объ этомъ предметѣ легко можно принять за *корреспонденціи изъ Африки*... Свѣтская литература—это у насъ пока каста; у ней имѣются свои принципы и другихъ она знать не хо-

четь, предъ нею виновны всѣ прочія касты потому именно, что у нихъ другіе принципы; одинъ народъ пользуется отъ нея полнымъ сочувствіемъ, но только теоретическимъ, и то потому, что эта послѣдняя каста еще не имѣла случая заявить свои начала предъ нею и глядить на все молча"...¹⁾).

Въ связи съ вопросомъ о новомъ—болѣе жизненномъ и современномъ направленіи духовныхъ журналовъ, объ изложеніи въ нихъ статей языкомъ яснымъ, удобопонятнымъ для читателей какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ;—стоятъ неразрывно вопросъ *объ отношеніи между духовною и свѣтскою литературою*. И этотъ вопросъ, въ свое время сильно занимавшій наше общество, разсматривался, и при томъ неоднократно, на страницахъ Трудовъ Академіи. Разрѣшеніе подобнаго вопроса мы находимъ въ статьяхъ: а) В. Θ. Півницькаго „*требованія по отношенію къ духовной журналистикѣ...*“, т. е. въ той же статьѣ, о которой мы уже говорили, б) *еюже* „*нигилисты,—характеристика одного изъ современныхъ направленій*“, в) Ф. А. Терновскаго „*объ отношеніи между духовною и свѣтскою литературою*“.

а) В. Θ. Півницькій касается настоящаго вопроса въ томъ мѣстѣ изложенной нами статьи, гдѣ онъ говоритъ о взглядахъ современнаго общества на направленіе духовныхъ журналовъ. Въ обществѣ можно слышать, по его словамъ, много толковъ *объ антагонизмѣ, будто существующемъ между духовною и свѣтскою литературою*, и о томъ, что духовная журналистика напрасно становится вообще въ неблагопріятное и отрицательное отношеніе къ современности и ея стремленіямъ. На эту тему есть нѣсколько брызгливыхъ страницъ въ Книжномъ Вѣстникѣ²⁾, который обвиняетъ всѣ духовные журналы въ томъ, что „они старались и стараются набросить невыгодную тѣнь на самыя возвышенныя и задушевыя тенденціи нашего общества и литературы, на самыя святыя и гуманныя ихъ стремленія, которыми не можетъ не сочувствовать всякій, въ комъ есть

¹⁾ Труды Академіи 1863 г., № 6, стр. 227—231, 255.

²⁾ Книжн. Вѣст. 1861 г. № 6.

хоть капля любви и участія къ ближнему“... На подобное обвиненіе авторъ отвѣчаетъ увѣреніемъ въ своемъ сочувствіи ко всѣмъ даже и не самымъ возвышеннымъ и святымъ стремленіямъ современности и считаетъ этотъ тяжелый упрекъ, голословно обращенный ко всей духовной журналистикѣ, совершенно напраснымъ. „Если, говоритъ онъ, духовные журналы и виновны противъ современности и ея лучшихъ стремленій, то отнюдѣ не положительно, а только отрицательно, т. е. не тѣмъ, чтобы питали и возбуждали къ ней враждебныя чувства (въ этомъ можетъ обвинить ихъ одно невѣдѣніе или умышенное желаніе представить дѣло въ превратномъ видѣ) а тѣмъ, что по какому-то равнодушію рѣдко заявляютъ свой несомнѣнный сочувственный голосъ благороднымъ движеніямъ времени. Причинъ этого равнодушія довольно много, и яснаго отчета не могутъ дать о нихъ редакціи журналовъ. Мы во всякомъ случаѣ охотно становимся на сторону общества, когда оно требуетъ, чтобы духовные журналы не обходили молчаніемъ тѣхъ благородныхъ идей, которыя созрѣли или созрѣвають въ общественномъ сознаніи и должны перейти въ событія, напр. уничтоженіе крѣпостнаго права, гласности, свободы личности и т. п.“

Впрочемъ авторъ не отрицаетъ, что въ настоящее время ¹⁾ духовная литература стоитъ довольно изолированно по отношенію къ литературѣ и журналистикѣ свѣтской: онѣ идутъ разными путями къ своимъ цѣлямъ, нисколько не заботясь о точкахъ соприкосновенія между собою, и не зная, сойдутся ли онѣ когда нибудь въ предметахъ и результатахъ своихъ изысканій. Такая изолированность усиливаетъ существующія предубѣжденія въ свѣтскомъ обществѣ противъ литературы духовной, а въ духовномъ—противъ литературы свѣтской. Чрезъ это замедляется и затрудняется достиженіе благотворныхъ результатовъ со стороны

¹⁾ Еще разъ повторяемъ, что здѣсь идетъ рѣчь о литературѣ начала 60-хъ годовъ.

журналистики. Образованное общество чувствует это, и потому желало бы уничтоженія замѣтной теперь изолированности между духовною и свѣтскою журналистикою. Оно хотѣло бы, чтобы и та и другая соединили свои усилія, и дружно, какъ члены одной семьи, вели читателей къ цѣлямъ цивилизаціи. Не то значить это желаніе, чтобы духовная журналистика жертвовала святостію и чистотою своихъ убѣжденій въ угоду, можетъ быть, одностороннимъ и неправымъ воззрѣніямъ утвердившимся въ свѣтской литературѣ, а то—чтобы она присоединяла свой голосъ къ громкимъ толкамъ о животрепещущихъ вопросахъ современности и заставляла выслушивать себя людей безпристрастной мысли. Мы больше заставимъ уважать себя, когда среди спорныхъ разсужденій сохранимъ все достоинство своего убѣжденія, чѣмъ когда отъ недостатка самоувѣренности будемъ держаться уклончивой системы приспособленія. Дѣло только въ томъ, чтобы не водиться духомъ вражды и ожесточенія и не полагать себя задачею нарочитую оппозицію современному движенію идей, имѣющему въ себѣ слишкомъ много задатковъ лучшаго будущаго. Въ этомъ случаѣ всякій шагъ къ раздору съ современностію возбуждаетъ прямое неудовольствіе общества, равно какъ всякое проявленіе дружныхъ отношеній между духовною и свѣтскою журналистикою доставляетъ ему много радости, какъ предметъ самыхъ задушевныхъ его желаній ¹⁾.

б) Разсматривая теоретически вопросъ объ отношеніи между духовною и свѣтскою литературою, В. О. Пѣвницкій первый же практически осуществилъ высказанныя имъ мысли о сближеніи этихъ двухъ родовъ литературъ. Когда во 2-й книжкѣ Русск. Вѣстника за 1862 г. появилась повѣсть Тургенева „нигилисты“, В. О. Пѣвницкій въ 4 книгѣ Трудовъ того же года сдѣлалъ подробный разборъ ея, при

¹⁾ Труды Акад. 1861 г., № 9, стр. 99—102.

чемъ счесть нужнымъ сказать нѣсколько предварительныхъ словъ объ умѣстности появленія своей статьи въ духовномъ журналѣ. „Собираясь говорить—такъ начинается онъ свой разборъ—въ духовномъ журналѣ по поводу свѣтской повѣсти, мы чувствуемъ, что нашъ замысль, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, для многихъ изъ нашихъ читателей покажется *страннымъ и неумѣстнымъ*, пожалуй, даже *оскорбительнымъ* для утвердившихся обычаевъ нашей духовной письменности. Мы привыкли относить романы и повѣсти къ *отреченному* роду литературы, и всецѣло занятые преслѣдованіемъ серьезныхъ, возвышенныхъ цѣлей, съ высоты своихъ строгихъ воззрѣній не всегда умѣемъ находить живой интересъ и смыслъ въ тѣхъ литературныхъ средствахъ и явленіяхъ, которыя не показаны въ принятомъ нами кодексѣ полезныхъ и солидныхъ книгъ. Для многихъ изъ насъ свѣтская повѣсть—вымысль, не имѣющій въ себѣ ничего существеннаго: она можетъ раздражать праздное любопытство, можетъ доставлять легкое и неутомительное занятіе тѣмъ людямъ, которымъ некуда дѣвать свободное время, но замѣтной пользы отсюда никакой не извлекаетъ читатель. Иные скажутъ даже, что отъ такого празднаго занятія мельчаетъ и понижается мысль наша, и подрывается цѣлость нравственнаго чувства, при постоянной встрѣчѣ съ пустыми и часто соблазнительными сценами, изображаемыми въ повѣстяхъ. Отъ того, говорятъ, люди съ дѣловымъ и нравственнымъ направленіемъ сторонятся отъ этого занятія, не представляющаго, по ихъ мнѣнію, за себя никакого вознагражденія.

Мы знаемъ и нисколько не намѣрены отвергать то, что въ повѣствовательномъ родѣ литературы, какъ и во всякомъ другомъ, есть много явленій безсодержательныхъ, ничтожныхъ и вредныхъ по направленію, и благоразумный читатель въ самомъ дѣлѣ многое потерялъ бы, если бы безъ разбора бросался на всякій рассказъ и всякую повѣсть. Не будетъ натяжки, если мы даже скажемъ, что въ повѣство-

вательномъ родѣ литературѣ, очень сильно распространенной у насъ сравнительно съ другими родами литературы, гораздо больше пустого балласта, чѣмъ въ какой либо другой... Въ благоприятное для литературныхъ работъ время плодятся повѣствователи, какъ комары въ жаркую лѣтнюю пору, и производятъ неопредѣленное жужжаніе, щекочущее слухъ и не дающее ничего твердаго сознанію. Но настоящая повѣсть, вѣрная своему идеальному призванію, не похожа на неопредѣленное жужжаніе насѣкомыхъ. Она имѣетъ свою разумную миссію, которая даетъ ей не послѣднюю роль между существующими средствами къ образованію человѣчества. Въ ней приводятся къ сознанію внутренніе законы нравственной, общественной, семейной и личной человѣческой жизни, со всѣми ея уклоненіями и недостатками... Призванные дѣйствовать на общественную среду силою религіознаго ученія, мы не можемъ пренебрегать этимъ важнымъ средствомъ, способствующимъ нашему ознакомленію съ дѣйствительностію; безъ этого знакомства наше слово не будетъ имѣть *практичности и жизненности* силы. Послѣ явленія характерной повѣсти, произведшей болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе на читающую публику, въ ней (т. е. публикѣ) слышны разные толки и сужденія, въ которыхъ и впрямь и вкривь переворачиваютъ вызванные авторомъ характеры и явленія... Едва ли полезно для нашего дѣла то равнодушіе, съ какимъ обыкновенно мы относимся къ этому живому явленію общественности, вносящему не малую долю вліянія въ измѣнчивую атмосферу нашего нравственнаго быта. Можетъ быть, нашъ голосъ не пропадалъ бы совершенно безслѣдно, если бы мы умѣли и старались входить въ среду волнующейся народной мысли¹⁾.

Высказавши такой взглядъ на значеніе свѣтской повѣсти для духовной литературы, авторъ весьма подробно и

¹⁾ Труды Акад. 1862 г., № 4, стр. 433—435.

обстоятельно разбираетъ „нигилистовъ“ Тургенева, при чемъ эту повѣсть считаетъ „затрогивающею сердцевину нашего общественнаго развитія“, а автора ея признаетъ художественнымъ писателемъ, производящимъ „сильное впечатлѣніе на читающую публику“ ¹⁾. Изложеніе разбора авторомъ повѣсти Тургенева не входитъ въ предѣлы нашей задачи и мы отсылаемъ интересующихся читателей къ означенной статьѣ ¹⁾.

в) Послѣ того, какъ въ двухъ статьяхъ В. О. Пивницкаго былъ ясно и опредѣленно высказанъ сочувственный взглядъ на свѣтскую литературу и даже появился на страницахъ Трудовъ разборъ повѣсти Тургенева,—вскорѣ послѣ этого была напечатана въ академич. журналѣ статья Ф. А. Терновскаго, специально посвященная вопросу „*объ отношеніи между духовною и свѣтскою литературою*“. Авторъ представляетъ въ этой статьѣ много любопытныхъ свѣдѣній изъ исторіи духовной письменности на Руси. „Было время, говоритъ онъ, когда въ нашемъ отечествѣ вся сумма литературныхъ произведеній принадлежала къ литературѣ духовной. Тѣ отрасли письменности, изъ которыхъ въ настоящее время сложилась литература свѣтская, были развиты слишкомъ слабо, и не выдѣлялись изъ духовной литературы. *Исторія* для нашихъ предковъ заключалась въ лѣтописяхъ, которыя ни по внѣшнему ни по внутреннему отношенію къ дѣлу не заключаютъ въ себѣ ничего отличнаго отъ принятыхъ въ духовной литературѣ оборотовъ и воззрѣній. Лѣтописецъ часто употребляетъ тексты, видитъ во всѣхъ приключеніяхъ міра сего непосредственное дѣйствіе промысла, и нерѣдко, оставляя тонъ повѣствователя, обращается къ своимъ читателямъ съ увѣщаніемъ къ покаянію и вообще съ нравственными назиданіями. Начало исторіи возводилось непосредственно къ библейскимъ сказаніямъ, различныя племена,

¹⁾ Тамъ же, стр. 435, 437.

²⁾ Тамъ же, стр. 437—512.

знакомыя нашимъ предкамъ, находили себѣ родоначальниковъ въ подобозвучныхъ себѣ потомкахъ Ноевыхъ и наивно утверждалось, что Мосохъ—одинъ изъ ближайшихъ потомковъ Іафета—основалъ Москву. Такъ называемая *изящная словесность* нашихъ предковъ заключалась въ разныхъ апокрифическихъ преданіяхъ, легендахъ, сказаніяхъ о путешествіяхъ русскихъ людей ко святымъ мѣстамъ и т. п. Всѣ эти произведенія сообщали свѣдѣнія о чудесахъ Божіихъ, о жизни и подвигахъ святыхъ угодниковъ, описывали красоту святыхъ мѣстъ и пр.,—и вообще, принадлежа къ изящной словесности по занимательности и отчасти по свободѣ вымысла, тѣмъ не менѣе обиліемъ религіознаго элемента и всѣми своими внѣшними и внутренними качествами показывали свое *сродство съ литературой духовной*. Въ этихъ произведеніяхъ встрѣчается много невѣрнаго, наивнаго, дѣтски-простодушнаго, много не выдерживающаго критики, много такого, отъ чего съ негодованіемъ отвернется строгій богословъ, но исключать ихъ изъ области духовной литературы нельзя. Наконецъ, *грамматика, ариѳметика* и другія науки сколько нибудь извѣстныя нашимъ предкамъ, какъ ни далеки по предмету своему отъ области духовной литературы, тѣмъ не менѣе втягиваемы были въ эту завѣтную область, хотя бы только съ помощію предисловія, написаннаго въ благочестивомъ духѣ, или примѣровъ выбранныхъ изъ Библіи, какъ это видимъ напр. въ грамматикѣ Лихудовъ, или даже въ первой печатной русской ариѳметикѣ 1703 г. *Литературный языкъ* древней Руси отъ постоянного и исключительнаго служенія духовной литературѣ получилъ своеобразный характеръ, приспособленный преимущественно для выраженія религіозныхъ идей, и современный свѣтскій писатель былъ бы крайне затрудненъ, если бы ему пришлось выражать свои мысли книжнымъ языкомъ XVI столѣтія; для выраженія своихъ научныхъ и литературныхъ воззрѣній онъ не нашелъ бы годныхъ словъ и оборотовъ...

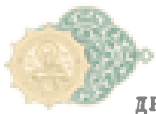
Преобладаніе духовной литературы продолжалось до временъ Петра I. Реформа Петра, сблизивъ насъ съ западомъ, проложила путь къ перенесенію въ Русь многихъ отраслей свѣтской литературы, въ то время уже значительно развившейся въ западной Европѣ. Образовалось два вида литературы—*духовная*, около того же времени ставшая подъ вліяніе западнаго схоластицизма, заключающаяся въ духовныхъ школахъ и оскудѣвшая въ слѣдствіе выдѣленія изъ нея нѣкоторыхъ отраслей письменности, вошедшихъ въ составъ свѣтской литературы, и *свѣтская*, постоянно и быстро обогащавшаяся пріобрѣтеніями изъ богатой западной литературы, все болѣе и болѣе оказывавшая вліянія на общество и становившаяся органомъ общественной жизни. Обѣ литературы долгое время существовали совмѣстно, не становясь между собою ни въ какое опредѣленное отношеніе, и оставаясь повидимому совершенно равнодушны одна къ другой. Такъ даже въ новѣйшее время въ свѣтскихъ книгахъ и журналахъ почти не говорилось о духовной литературѣ, за исключеніемъ изрѣдка появлявшихся краткихъ рецензій на духовныя книги въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, да и эти рецензій являлись какъ то случайно; духовная литература также не касалась свѣтской, если не считать краткихъ и до крайности общихъ обличеній современнымъ идеямъ и духу міра сего въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ¹⁾. Утвердилось даже предубѣжденіе, что *такъ и должно быть*, что самое нормальное отношеніе духовной и свѣтской литературы состоитъ въ ихъ безотносительности, что въ духовной литературѣ касательно извѣстнаго предмета можетъ быть принято такое представленіе, въ свѣтской—другое совершенно противоположное, и оба противоположныя

¹⁾ Правда, въ концѣ прошлаго столѣтія, когда въ нашей свѣтской литературѣ господствовали Вольтеръ и энциклопедисты, наша духовная литература не могла не оказать противодѣйствія ихъ анти-христіанскому вліянію. Но и въ этомъ случаѣ она ограничилась только переводомъ напечатанныхъ на западѣ сочиненій противъ религіознаго вольномыслія, не пускаясь въ *самостоятельную* полемику.

Прим. Ф. А. Терновскаго.

представленія могутъ существовать совмѣстно, не мѣшая одно другому и не вступая ни въ какое взаимодействіе на томъ основаніи, что духовная литература сама по себѣ, а свѣтская—сама по себѣ. Самый языкъ обѣихъ литературъ былъ *весьма различенъ*: свѣтская литература, ставшая подъ вліяніе литературы западной, обогащалась иностранными словами и выраженіями; духовная, вѣрная преданіямъ старины, держалась болѣе церковно-славянскаго элемента, и остерегалась пользоваться оборотами свѣтской письменности; эта осторожность во многихъ случаяхъ простиралась даже до крайности.

Указавши, что въ настоящее время обѣ литературы, духовная и свѣтская, начинаютъ сближаться между собою, авторъ весьма подробно и обстоятельно разсматриваетъ тѣ благотворные результаты, какіе могутъ произойти отъ подобнаго сближенія. Духовная литература, по мнѣнію автора, какъ представительница христіанства, можетъ стать въ мирныя и дружныя отношенія съ свѣтскою литературою, какъ представительницею идей современнаго общества, съ одной стороны отыскивая и разъясняя уже заключающіеся въ сей послѣдней христіанскіе элементы, съ другой стороны—способствуя умноженію и раскрытію этихъ элементовъ. Но такъ какъ противъ сближенія литературъ было много возраженій, то авторъ, разсмотрѣвши послѣднія, рѣшаетъ вопросъ: чтó сдѣлается съ самою духовною литературою, послѣ того какъ она станетъ во враждебныя и непримиримыя отношенія къ литературѣ свѣтской? Она чрезъ то самое, отвѣчаетъ авторъ, потеряетъ свойственный христіанству характеръ универсализма и сдѣлается и сама въ себѣ, и въ обществѣ мнѣніи голосомъ партіи, и притомъ крайней, ретроградной и отсталой партіи. Чтобы доказать это мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ отвлеченнымъ соображеніямъ; достаточно указать на примѣры существующіе, къ счастью, не въ нашемъ отечествѣ, т. е. на литературу ультра-монтанъ въ мірѣ римско-католическомъ... Во

всякомъ случаѣ, ставши въ разрывъ съ свѣтскою литературою, едва ли наша духовная литература въ состояніи будетъ выполнить свое назначеніе. Духовная литература должна служить истолковательницею богооткровенныхъ истинъ современному обществу, должна посредствовать между первоначальными источниками христіан. истины—Библіею и писаніями отеческими—и современнымъ обществомъ вѣрующихъ съ ихъ духовными нуждами, стремленіями, потребностями. Вниманіе къ обоимъ посредствуемымъ элементамъ равно необходимо въ духовной литературѣ. Безъ должнаго вниманія къ первоначальнымъ источникамъ богооткровенной истины, литература не будетъ духовною, православною, христіанскою; безъ должнаго вниманія къ современной жизни общества вѣрующихъ, она не будетъ литературою современною, текучею, жизненною, удовлетворяющею религіознымъ потребностямъ вѣрующихъ, поставленныхъ въ извѣстныя мѣстныя и временныя условія; самое существованіе ея бесполезно и излишне...

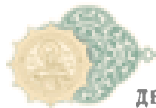
Но противники сближенія духовной литературы со свѣтскою, очерчивая завѣтный кругъ духовной литературы, съ узаконенными въ ней преданіями, говорятъ, „до здѣ царство Божіе, далѣе за этими завѣтными предѣлами начинается область современныхъ идей, царство мрака и беззаконія“... Авторъ съ рѣшительностію опровергаетъ подобное мнѣніе. Нельзя утверждать, говорить опъ, чтобы вся свѣтская литература была всецѣло областію антихристіанскою, областію лжи и заблужденій. Христіанство проникаетъ всѣ сферы жизни и дѣятельности человѣка, возвышая и освящая, но не подавляя и не уничтожая ихъ. Если же таково свойство христіанства, то нѣтъ ничего невозможнаго, если въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ свѣтской литературы содержится много истиннаго и добраго, и слышно тихое вѣяніе животворнаго духа христіанства. Что это дѣйствительно такъ, въ подтвержденіе этого мы можемъ сослаться на непосредственное чувство всякаго изъ читателей свѣтской литерату-

ры. Не случалось ли каждому испытывать благотворное нравственное потрясеніе при чтеніи лучшихъ литературныхъ произведеній? Не отдыхалъ ли каждый изъ читателей въ это время душою отъ обыденныхъ житейскихъ заботъ, не чувствовалъ ли себя унесеннымъ въ лучший идеальный міръ? И по окончаніи чтенія не выносилъ ли просвѣтленнаго взгляда на жизнь, укрѣпленнаго и возвышеннаго нравственнаго сознанія, мужества и энергіи для житейской борьбы? Конечно нельзя думать, чтобы такіа благотворныя впечатлѣнія, какія можно получать не отъ всякаго сочиненія духовнаго содержанія, могли быть даны произведеніями, принадлежащими къ области антихристіанской—области мрака и беззаконія. Гораздо разумнѣе и справедливѣе объяснять происхожденіе такихъ впечатлѣній вліяніемъ духа христіанства, вѣющаго въ произведеніяхъ писателей, хотя свѣтскихъ, но проникнутыхъ христіанскими убѣжденіями... Къ числу такихъ произведеній авторъ относитъ изъ англійскихъ писателей (появившихся въ то время въ русскомъ переводѣ)—Бичеръ-Стоу, Диккенса, Джоржъ Эліота, а изъ русскихъ—недавно скончавшагося *Θ. М. Достоевскаго* ¹⁾.

Кромѣ вопросовъ общаго свойства, уяснявшихъ значеніе духовной журналистики и отношеніе ея къ свѣтской литературѣ, на страницахъ Трудовъ Академіи въ теченіе перваго десятилѣтія помѣщались статьи, имѣвшія своимъ предметомъ состояніе просвѣщенія и образованія въ школахъ—низшихъ (народныхъ и духовныхъ училищахъ), среднихъ (семинаріяхъ) и высшихъ (академіяхъ и университетахъ).

2) Школы низшія (народныя) особенно юго-западнаго края. Образованіе въ этихъ школахъ вообще и въ духовныхъ училищахъ въ частности разсматривалось съ теоретической и практической точки зрѣнія въ слѣдующихъ статьяхъ: а) нѣсколько замѣчаній по поводу крестьянскихъ при церквахъ школъ въ минской епархіи; б) по поводу распространенія грамотности въ юго-западной Россіи; в) частная шко-

¹⁾ Труды 1862 г., № 9, стр. 121—142.

ла для первоначальнаго обученія дѣтей священно-церковно-служителей; г) замѣтка о первоначальномъ приученіи воспитанниковъ къ письменному изложенію своихъ мыслей; д) замѣтки (въ коихъ говорится, между прочимъ, и о преобразованіи духовныхъ училищъ); е) извѣстіе о пожертвованіи на книги для сельскаго населенія западнаго края; ж) новые способы къ лучшему устройству дѣла народнаго образованія; з) замѣтка объ отношеніи народныхъ школъ къ жизни народа; и) жизнь и школа.

а) *Нѣсколько замѣчаній по поводу крестьянскихъ при церквахъ школъ въ минской епархіи*, И. И. Малышевскаго. Эта статья напечатана въ 1-й книжкѣ Трудовъ 1860 года, когда, какъ мы замѣтили ¹⁾, академическій журналъ походилъ болѣе на ученый сборникъ, чѣмъ на журналъ современнаго направленія. Помѣщеніемъ такой статьи въ первой книжкѣ Трудовъ редація, очевидно, хотѣла показать, что въ новомъ журналѣ на ряду съ учеными статьями, серьезными трактатами богословскими и лекціями профессоровъ, она будетъ давать мѣсто и замѣткамъ, касающимся элементарнаго народнаго образованія, которому почтенные издатели журнала видимо придавали высокое значеніе.

Подъ скромнымъ заглавіемъ „нѣсколько замѣчаній... о школахъ въ минской епархіи“ И. И. Малышевскій въ этой статьѣ весьма подробно разсматриваетъ значеніе и условія развитія церковно-приходскихъ школъ и притомъ не только въ минской епархіи, но и вообще въ юго-западномъ краѣ. Авторъ прежде всего выражаетъ радостное чувство по поводу того, что „грамотность (въ настоящее время) дѣйствительно развивается въ народѣ, и что частныя лица принялись заводить школы для крестьянъ“, разумѣя подъ этимъ „сельскія школы въ казенныхъ имѣніяхъ“. Въ виду недовѣрія (высказывавшагося въ литературѣ) къ успѣхамъ учительской дѣятельности священниковъ, г. Малышевскій доказываетъ, что „приходское духовенство не такъ чуждо дѣлу образованія народа, какъ думали многіе и очень многіе, что по мѣстамъ

¹⁾ Труды 1881 г., № 3, стр. 364.

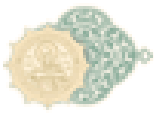
оно заводитъ, да и прежде заводило, школы, не обращаясь къ посторонней помощи или не останавливаясь за отсутствіемъ ея... Въ отношеніи къ такимъ училищамъ, которыя заведены и поддерживаются священниками независимо, собственными средствами, безъ примѣтнаго содѣйствія отъ другихъ сторонъ, мы обязаны благодарностію и за то, если изъ этихъ училищъ выходятъ по крайней мѣрѣ грамотныя дѣти, т. е. умѣющія читать, или еще и писать. Этотъ простой результатъ обученія будетъ важенъ для насъ не потому только, что безграмотность кажется всеобщою между крестьянами, которые, какъ увѣряютъ, даже предубѣждены противъ грамотности, но главнымъ образомъ потому, что эта простая грамотность дѣлается уже *источникомъ религіознаго образованія*, по выходѣ изъ школы грамотныхъ дѣтей¹⁾. Онъ важенъ еще потому что представляетъ начало, задающъ дальнѣйшихъ успѣховъ учительской дѣятельности священниковъ *въ будущемъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ*. Здѣсь можно повторить замѣчаніе, высказанное въ Правосл. Обзорѣніи²⁾: „намъ кажется, что если теперь священники учатъ не съ большимъ успѣхомъ, то въ будущемъ нѣтъ нисколько основанія ожидать того же“.

Переходя къ характеристикѣ школъ въ минской епархіи, авторъ замѣчаетъ, что „крестьянскія при церквяхъ школы въ минской губерніи (какъ и сосѣднихъ съ нею), кромѣ общаго значенія, имѣютъ еще особенное—*содѣйствовать сознательному возвращенію народа къ православію и народности русской, подавленнымъ здѣсь вліяніемъ польско-католическаго элемента*“. Нарисовавши очень грустную картину подавленности и приниженности какъ унитскаго духовенства, такъ и крестьянскаго населенія, авторъ пока-

¹⁾ Сравнивая мальчика, вышедшаго изъ училища, съ мальчикомъ учившимся у дядьки, И. В. Кирѣевскій выразился о послѣднемъ (мальчикѣ); „не получивъ въ своемъ ученіи собственно знаній, онъ получилъ однакожъ средство и потребность къ живому приобритенію тѣхъ именно познаній, которыя всего важнѣе для человѣка и которыя онъ приобрѣтаетъ ежедневно, болѣе и болѣе вникая въ высокій смыслъ церковнаго богослуженія“.

Примѣч. И. И. Мамышевскаго.

²⁾ Правосл. Обзор. 1860 г. кн. 1-я.

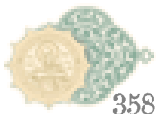
зываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и печальное состояніе школьнаго образованія. „До школъ ли тутъ было? спрашиваетъ онъ. Хотя по мѣстамъ и бывали эти школы, а именно въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ у мѣщанъ, при монастыряхъ для монастырскихъ крестьянъ и даже въ деревняхъ богатыхъ помѣщиковъ, но въ этихъ школахъ *букварь и катихизисъ польскій*, если не были единственными учебниками, то почти всегда имѣли *рѣшительный перевѣсъ* надъ букваремъ и катихизисомъ славянскимъ,—о русскомъ конечно не было помину“. Все это служило побужденіемъ для просвѣщенныхъ архипастырей принять усиленные заботы объ образованіи народа. Такую заботливость особенно высказалъ минскій преосвященный, со словъ котораго ¹⁾ авторъ передаетъ интересныя свѣдѣнія о состояніи религіознаго образованія и школъ въ минской епархіи. Вотъ въ какихъ чертахъ самъ преосвященный рисуетъ образованіе своей паствы. „Въ первую. 1848 года, поѣздку по епархіи, говорилъ преосвященный, меня ужаснуло крайнее повсемѣстное сельскихъ прихожанъ невѣжество въ религіи. Двѣнадцатилѣтнія дѣти на вопросъ: кто ихъ сотворилъ? отвѣчали: бацько; кто такою Иисусъ Христосъ?—не знаю; почему называешься христіаниномъ?—не знаю, и т. п. ²⁾). Только старыя крестились по польски и знали, конечно, съ ошибками и безъ смысла польскія повседневныя молитвы, а болѣе ничего ³⁾)... Посе-

¹⁾ Авторъ, по собственному признанію, *лично* бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ съ мѣстнымъ преосвященнымъ, лѣтомъ 1839 года. Кромѣ того, И. И. Малышевскій руководился какъ письменными сообщеніями и документами, доставленными ему благочинными, такъ и собственными наблюденіями.

²⁾ Священники передавали намъ, что и взрослому на вопросъ: одинъ Богъ, или много? отвѣчали иногда: два, три, семь боговъ, и еще чаще—не знаю. Нечего говорить о множествѣ самыхъ странныхъ понятій, въ родѣ слѣдующаго: иконы пресв. Богородицы, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ, считались изображеніями особыхъ лицъ, въ слѣдствіе чего при встрѣчѣ двухъ крестныхъ ходовъ, онѣ прикладывались одна къ другой для взаимнаго лобзанія. Мы были свидѣтелями, какъ священникъ убѣждалъ въ церкви прихожанъ не дѣлать этого, объясняя, что въ его церкви, какъ и сосѣдней и другихъ церквахъ, изображеніе одной и тойже Божіей Матери...

Прим. И. И. Малышевскаго.

³⁾ Отъ священниковъ такъ называемыхъ древне-православныхъ приходовъ

ляне не понимали, что они русскіе, православные, а *всѣхъ считали чѣмъ то прибавочнымъ къ повинностямъ и налогамъ*. Подобное незнаніе русскаго и православнаго было и въ семействѣ духовныхъ; жены и дочери священниковъ и причетниковъ знали только польскія молитвы и начальныя правила вѣры. Церковная и русская грамота была имъ неизвѣстна^а. Религіозное образованіе народа въ самомъ началѣ составило одну изъ главнѣйшихъ цѣлей пастырской дѣятельности преосвященнаго. Отсюда неослабное стараніе развить и утвердить въ священникахъ мысль, что они „прежде всего наставники и учителя народа“. Потому имъ вмѣнено въ обязанность въ каждый воскресный и праздничный день послѣ богослуженія сказать катихизическое поученіе, хотя бы въ церкви и мало было народу... Не довольствуясь этимъ, преосвященный съ первыхъ же дней своего пастырства въ Минскѣ лелѣялъ мысль о *крестьянскихъ при церквахъ училищахъ*, гдѣ бы обучали дѣтей чтенію церковной и гражданской грамоты, пѣнію и, если можно, письму и счисленію. Въ такой мысли архипастырь дѣлаетъ воззванія въ духовенству чрезъ благочинныхъ, сообщая свои виды и желанія. „На призывъ мой, свидѣлствуетъ архипастырь, нашлись благонамѣренные священники, которые поняли долгъ свой и нужды страны, охотно завели училища и стали заниматься въ нихъ съ пользою... Къ усердному занятію въ школахъ священно-церковно-служители *привлекались* возможными *отличіями*, публикаціями, удовлетвореніемъ просьбъ о перемѣщеніи на лучшія мѣста, принятіемъ дѣтей на казенное содержаніе, посвященіемъ въ стихари, рукоположеніемъ во діаконы и т. п., или отказомъ въ просьбахъ *незаботливымъ*“. Но такъ какъ при заведеніи училищъ преосвященный столкнулся съ бѣдностію и мѣстнаго населенія, не могшаго нанять квартиры для училища, и духовенства, не располагавшаго большимъ помѣщеніемъ для открытія въ своемъ домѣ школъ, то онъ обращался за содѣйствіемъ къ мѣстнымъ помѣщикамъ, прося ихъ назначить небольшое

енархіи намъ приходилось слышать о странномъ коверканіи въ молитвахъ славянскихъ словъ и выраженій, которыя превращались въ бессмысленные звуки и странные образы. Въ молитвѣ *Отче нашъ*, переданной намъ со словъ крестьянина, едва нѣсколько словъ было правильныхъ. *Примѣч. еуюже.*

деньгами или хлѣбомъ вознагражденіе дьячковъ, или по крайней мѣрѣ отвести помѣщеніе подѣ училище и побуждать крестьянъ посылать въ школу своихъ дѣтей. Нѣкоторые помѣщики вняли убѣжденію преосвященнаго и назначили дьячкамъ вознагражденіе... Особенно же помогли преосвященному въ его заботливости объ училищахъ слѣдующія лица. „Съ пріобрѣтеніемъ, говоритъ онъ, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ отъ князя Радзивилла имѣній Борисовщины первою заботою великой княгини Александры Петровны было при 12-ти церквахъ завести для мальчиковъ и дѣвочекъ училища, обезпеченныя помѣщеніемъ, отопленіемъ, учебными пособіями и назначеніемъ вознагражденія наставниковъ за каждого ученика священнику 1 р. 50 к., а дьячку по 50 коп. Этотъ способъ вознагражденія (изъ средствъ его высочества) заставляеть наставниковъ набирать побольше учениковъ и ученицъ. Училища открыты съ 1858 г. и *устыжи* ихъ въ томъ же году *изумили* меня. Въ томъ же году пріѣхавшій изъ Варшавы въ Минскъ графъ Мавріій Потоцкій благородно и охотно согласился на открытіе при шести церквахъ училищъ съ назначеніемъ помѣщенія подѣ училища и вознагражденія дьячковъ хлѣбомъ отъ экономіи. Кромѣ того, въ его же имѣніяхъ не предоставляется на волю, а приказывается родителямъ посылать дѣтей въ училище“. Преосвященный говоритъ еще о содѣйствіяхъ въ заведеніи училищъ графа Хребтовича и министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева. Съ своей стороны преосвященный ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ о существенномъ вознагражденіи трудящихся въ дѣлѣ народнаго обученія. Ходатайство его имѣло успѣхъ. Св. Синодомъ дано въ распоряженіе преосвященнаго 1500 руб. для раздачи учащимъ дьячкамъ. Благодаря такой энергической заботливости преосвященнаго, результаты народнаго образованія оказались, можно сказать, блестящими. Изъ 535 приходскихъ церквей въ епархіи училища заведены при 228¹⁾, слѣдовательно болѣе, чѣмъ въ третьей части

¹⁾ Авторъ подробно перечисляетъ тѣ мѣста, въ коихъ заведены училища при чемъ опредѣленно показываетъ и самую цифру вознагражденія священниковъ или дьячковъ. Вознагражденіе производилось деньгами, или хлѣбомъ. Напр. въ имѣніяхъ графа Потоцкаго учащіе получали по бочкѣ ржи, по полубочкѣ ячменя и по осминѣ гороху.

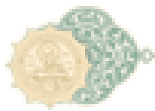
приходовъ. Изъ 228 училищъ не болѣе какъ въ 34-хъ дается вознагражденіе учащимъ, а въ 26 изъ нихъ отпускается и на учебныя пособія, изъ остальныхъ 194-хъ въ 15 даются (отъ казны) учебныя пособія, преподаваніе же безмездно, какъ во всѣхъ остальныхъ за тѣмъ училищахъ. Изъ общаго числа училищъ едва ли для 75 есть особыя помѣщенія; остальные 150 *помѣщаются въ домахъ священниковъ, діаконовъ, дьячковъ*. Число учащихся въ этихъ училищахъ простирается до 2,000, при немаломъ числѣ грамотныхъ дѣтей, уже вышедшихъ изъ тѣхъ училищъ, которыя существуютъ по нѣскольку лѣтъ. . Учатъ въ нихъ большею частію молитвамъ славянскимъ (или *русскимъ*, какъ называютъ ихъ здѣсь въ отличіе отъ польскихъ), церковной и гражданской грамотѣ, церковному пѣнію, начаткамъ катихизиса, а въ иныхъ—письму и счетоводству. „Этого, говоритъ въ заключеніе авторъ, очень достаточно для *начала*, какъ называетъ преосвященный то, что до сихъ поръ сдѣлано для народнаго образованія въ епархіи. Отрадное начало это, служа ручательствомъ дальнѣйшихъ успѣховъ мѣстнаго духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія при болѣе благопріятныхъ для сего условіяхъ,—составляетъ уже высокую заслугу его для общаго отечества нашего и церкви отечественной. Последней предлежитъ теперь, между прочимъ, великая задача—возвратить чадъ своихъ къ единству православной вѣры, примирить съ собою и другъ съ другомъ тѣ разьединенныя направленія духовной жизни, какія возникли въ *единомъ* обществѣ, народѣ рускомъ, подѣ вліяніемъ вѣшнихъ или внутреннихъ условій историческаго развитія его. Это возвращеніе, примиреніе можетъ совершиться не иначе, какъ путемъ просвѣщенія и быть плодомъ просвѣщеннаго религіознаго сознанія. Велика заслуга того, кто вноситъ хоть самую малую долю труда при совершеніи столь великаго дѣла“¹⁾.

Такое высокое значеніе придаетъ авторъ заботливости духовенства югозападнаго края о распространеніи просвѣщенія среди простаго сословія.

(Продолженіе будетъ).

Ив. Корольковъ.

¹⁾ Труды 1860 г., кн. 1-я, стр. 167—244.

ИЗВѢСТІЯ

Церковно-археологическаго Общества при Киевской духовной Академіи.

ЗА М. МАЙ, 1881 г.

Въ теченіи мая мѣсяца не было засѣданій Церковно-археологическаго Общества; поступленія же въ сіе Общество, Церковно-археологическій музей и библіотеку его были слѣдующія:

А) Отъ дѣйствительнаго члена, настоятеля Кіево-Спаской на Берестовѣ церкви, священника Кл. І. Фоменко: обломокъ мрамора изъ развалинъ Херсонеса, по мнѣнію жертвователя отъ полснаго барьера какого либо храма въ Херсонесѣ. Предположеніе свое жертвователь основываетъ на томъ, что мраморъ отдѣланъ съ обѣихъ сторонъ. Подобныя преграды на хорахъ уцѣлѣли какъ въ храмѣ св. Софїи Кіевской, такъ и въ храмѣ Софїи Константинопольской.

Б) Отъ дѣйствительнаго члена, учителя Кишиневской духовной Семинаріи Л. С. Мацѣвича:

1. Рукопись XVI в. въ листъ, безъ начала и конца, пріобрѣтенная въ Кишиневѣ. Въ настоящемъ *жалкомъ* видѣ рукопись заключаетъ въ себѣ слѣдующее: л. 125: „Гисторія о стыхъ страстехъ хвѣхъ... Поученіе осмое. О чудахъ по смрти и о прободеніѣ ребра и о погребеніѣ Гда нашего Іс Ха. Евліе от Маѣ. глава кѣ. а зачала рѣ“. Нач: „И се завѣса црковная роздерлася на двѣ части“.—Л. 163—164: „Ноеврїя ѿ наука на память ѿ. Анѣдрея“, безъ начала. Л. 166—170: „Декаврїя ѿ наука на памят прпѣаго Саввы“, безъ начала. Л. 172—179: Декаврїя ѿ дня наука на памят ѿ Николая“, безъ начала. Л. 181—182: Декаврїя ѿ дня на зачатіе пртыя Бци“, безъ начала и конца. Л. 187—190: „Декаврїя гѣ дня на стыхъ великомчникъ пяточисленныхъ“, безъ начала и конца. Л. 196—201: „Наука в пдлю стыхъ

оцѣ передѣ Рѣшствомъ Хвѣмъ“, безъ начала и конца. Л. 204—208: „Декаврїя кѣ наоука на Рѣштво Хво“, безъ начала и конца.—Л. 211—216: „Наоука вторая о предвѣчномъ Рѣшствѣ Хвѣ“, безъ начала. Л. 216—217: выписки изъ Патерика. Л. 219—227: „Іануарїя лѣ наоука на прѣбнаго оца ншегъ Θεодосїа“, безъ начала. Л. 227: „Слово отъ Патерика“ о Филоромѣ. Л. 229—238: Іануарїя зѣ дня наоука на прѣд оца нашего Аньтонїа“, безъ начала. Л. 240—248: Іануарїя ѣ дня наоука на прѣд оца нашегъ Евфимїа, безъ начала и конца. Л. 259—261: „Іануарїя кѣ дня наоука на стго Григорїа Бгослова“, безъ начала и конца. Л. 262—264, 267—275: „Іануарїя кз дня наоука на стго Іоанна Златоуст“, безъ начала. Л. 275—283: „Іаннуарїя л дня наука на память иже во стыхъ оцѣ нашихъ Василїа Великаго, Григорїа Бгослова и Іоанна Златоустаго“. Нач: „Вы есте свѣтъ миру“. Л. 284—292, 294—302: „Въ той же днь на трехъ стигителей поученїе второе“. Нач: „Якъ мѣлъ чинити поединокъ зъ окрутнымъ онымъ олбримомъ Двѣ стый“. Л. 303—312: „Февраля л дня наоука на препразд. Срѣтенїя Гня“, безъ начала. Л. 312—314: „Словеса стыхъ оцѣ з Патерика“ Л. 315—319: „Февруарїа дня г житїе прѣбнаго Іакова Нисивїйскаго“, изъ церковной исторїи Θεодорита Кирскаго. Нач: „Законодавца Моусей. Л. 319—321: В той же днь мченїе стго Петра Балсамонъ названого, иже пострадѣлъ року ім от Рож. Хва. за Максимиана цря“. Нач: „В мѣстѣ Авдонѣ, гды былъ пойманный Петръ стый за часу оныхъ окрутниковъ“. Л. 321—322: „Въ той же днь слово от Патерика. Глава ѱ. Л. 327—328: „Февраля л дня житїе стго мчнѣа Викентїа“, безъ начала. Л. 329: „Въ той же днь слово от патерика. Глава ѱ“. Л. 336—338, 340: „Февраля з дня житїе прѣд Аполинарїѣ дщеры цареvy“. Нач: „Анфимїй царь богобойный опекунъ малого царя Θεодосїа“. Л. 341: „Мѣа тогожъ въ з днь мченїе стоѣ Филицати и седми

сыновъ ея писаное от Григорія папы римскаго“, безъ конца. Л. 352—353: „Февраля 1 дня стго священномѣка Петра Александрійскаго“, безъ начала. Л. 353, 355—356: Въ той же день словеса стыхъ отец от Патерика“.

2—9. Восемь томовъ рукописныхъ лекцій профессоровъ Киевской Академіи, изъ такъ называемаго *Иннокентіевскаго* ея періода, принадлежавшихъ воспитаннику IX курса Киевской Академіи Льву Петровичу Демяновскому. Онъ велъ лекціи почти по всѣмъ предметамъ академическаго курса. Кончивши курсъ Академіи, онъ поступилъ священникомъ въ бывшій уѣздный городъ Киевской губерніи, нынѣ мѣстечко Махновку. Но и вступивши въ жизнь, онъ свято хранилъ свои письменные академическіе труды и переплелъ ихъ въ отдѣльные томы. Г. Мацѣвичу переданы они для Церковно-археологическаго музея сыномъ покойнаго труженика о. Николаемъ Львовичемъ Демяновскимъ, находящимся нынѣ тоже священникомъ въ мѣстечкѣ Махновкѣ. Въ этихъ томахъ, in 4-о, находится слѣдующее:

Томъ 1. „Курсъ наукъ Богословскихъ“. Здѣсь заключаются: а) Введеніе въ курсъ богословскихъ наукъ, б) Начертаніе апологетики христіанства, какъ науки, съ подписью въ концѣ: „Апологетика читана инспекторомъ Академіи, ординарнымъ профессоромъ архимандритомъ Димитріемъ 1837 года“; с) Введеніе въ Догматику или Христіанское Вѣроученіе; d) Богословская Физика; e) Антропология или ученіе о чело-вѣкѣ; f) Христология или о Богѣ, какъ возстановителѣ царства нравственнаго; g) о приложеніи (de applicatione) спасенія, или объ усвоеніи заслугъ Иисуса Христа вѣрнымъ; h) о послѣднихъ событіяхъ какъ съ каждымъ чело-вѣкомъ, такъ и со всѣмъ родомъ чело-вѣческимъ (de novissimis). Въ концѣ—замѣтка: „Записки Ректора Академіи Преосвященнаго Иннокентія, Епископа Чигиринскаго и Викарія митрополіи Киевскія“; i) Богословіе сравнительное (обличительное), съ замѣткою въ концѣ: „читано Баккалавромъ Академіи, іеромонахомъ Серафимомъ, 1839 года“, k) Экклезиастика, „читана Баккалавромъ Академіи Серафимомъ Аретинскимъ“; l) Руководство къ познанію права каноническаго или наука церковнаго правовѣденія, „читано инспекторомъ Академіи Киевской ординарнымъ профессоромъ архим. Димитріемъ“.

Томъ 2. Гомилетика. Изъ записокъ ординарнаго профессора Киевской духовной Академіи Якова Козьмича Амфиотрова, 1837 г., Сент. 30 дня“.

Томъ 3. Философія. Здѣсь находятся: а) Institutiones

philosophiae, на латинскомъ языкѣ; b) Введеніе въ науку философіи *Θ. Сидонскаго*; c) *Логика*; d) *Introductio in methaphysicam*; e) *Theologia rationalis*; f) *Psychologia rationalis*; g) *Cosmologia rationalis*; h) *Cosmotheologia*; i) Опытная Психологія; k) Записки на нравственную философію; l) наука о правѣ естественномъ или философія правъ.

Томъ 4. Исторія системъ философскихъ. Здѣсь: a) Исторія древней и новой философіи (кончая Гегелемъ); b) О философіи Эшенмайера; c) Системы *вѣоософовъ*.

Томъ 5. Приготовленіе къ чтенію книгъ Ветхаго Завета и Новаго.

Томъ 6. Книга пророка Исаи на русскомъ языкѣ. Это тотъ самый переводъ Герасима Петровича Павскаго, который, по донесенію Баккалавра Московской духовной Академіи іеромонаха Агаѳангела (впоследствии Архіепископа Волынскаго), возбудилъ преслѣдованіе противъ переводчика и о которомъ дѣлаемы были разслѣдованія и допросы во всѣхъ духовныхъ академіяхъ.

Томъ 7. Академическій курсъ Словесности.

Томъ 8. Tutti frutti, 8-о. Разныя академическія записки Демянновскаго. Здѣсь, между прочимъ, записи въ классѣ лекцій Иннокентія, Авсенева, Я. К. Амфіатрова, Скорцова, Крышинскаго (по словесности) и др. О послѣднемъ есть такая замѣтка: „Погребень Яковъ Ивановичъ 23 дня (февраля 1836 г.) въ понедѣльникъ. При смерти отдалъ поклонъ всѣмъ“.

10. Гравюра въ листъ, рѣзанная на мѣди, изображающая пьяную компанію, во главѣ которой сидитъ старикъ въ коронѣ. Вверху: *Nil similis insano, quam ebrius*. Внизу: *Diligentes in vino noli provocare: multos enim exterminavit vinum. Ecclesias. cap. 31.* (По славянской Библии: „въ винѣ не мужайся, многихъ бо погуби вино“). Сирах. гл. 31, ст. 29). Подъ гравюрой... *Jardaens* (Карель дю Жардѣнъ, нидерландскій живописецъ XVII вѣка) *pinxit. Paul. Pontius sculpsit.* Гравюра напоминаетъ „всепьянственнѣйшій соборъ“ Петра 1-го.

11. *Lechus. Carmen heroicum* іезуита Іоанна Скорскаго, на латинскомъ языкѣ. 8-о. Львовъ. 1745 года.

12. *Appendix ad casus conscientiae*, 8-о, безъ означенія мѣста и года изданія, половины прошлаго вѣка.

В) Отъ члена—корреспондента, законоучителя Виленскихъ Учительскаго Института и Мужской Гимназіи, священника Н. А. Соколова:

1. Портретъ какого-то папы, писанный красками на холстѣ, вышиною 2 $\frac{1}{2}$, шириною 1 $\frac{1}{2}$ аршина. Папа сидитъ, въ облаченіи, на краймѣ оплечья котораго апостолы Петръ

и Павелъ; правою рукою обмакиваетъ перо въ сткланку, держимую ангеломъ, а лѣвою держитъ большую книгу; на столѣ—тіара и при ней жезлъ; сверху изъ облаковъ св. Духъ въ видѣ голубя испускаетъ свѣтлый лучъ къ лѣвому уху сидящаго. Въ рукахъ ангела, кромѣ сткланки, два ключа. Портретъ можетъ быть отнесенъ къ XVIII вѣку.

2. Описаніе давнихъ портретовъ, имѣющихся въ живописной школѣ Литовской духовной Семинаріи.

3. Бронзовый польскій медальонъ. На одной сторонѣ его—изображеніе Ченстоховскія иконы Богородицы и надпись кругомъ: Bogarodzica Dziewica Czestochowska. На другой сторонѣ—терновый вѣнецъ съ розою и на немъ надломанный крестъ съ рельефнымъ изображеніемъ распятія. Кругомъ—надпись: Boże, zbaw nasz Kraj!

4. Цинковый жетонъ на освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, 19 февраля, 1861 года.

5—35. Тридцать одна монета. Изъ нихъ 1 копѣйская, 3 турецкія, 3 румынскія, 1 татарская, 1 папская, 1 сицилійская, 1 сардинская, 3 французскія, 1 бельгійская, 2 англійскія, 1 американская, 1 шведская, 2 австро-венгерскія, 2 прусскія, 2 польско-литовскія и 6 русскихъ. Большею частію получены онѣ отъ ученика Виленской Гимназіи Александра Бѣлецкаго.

36 Списокъ съ „надгробка младенца Гавріила Говдѣлюченка изъ села Звѣрковъ, грабства Заблудовскаго, умученного отъ жидовъ въ Бѣлимъ-Стоку 1690 года апрѣля 20 дня“.

37. „Описаніе явленія чудотворной иконы Богоматери Каплуновскія, изъ даннаго отъ священника Іоанна Уманова свидѣтельства“, рукопись на 5 листкахъ, полученная отъ іеромонаха Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря Іоаннікія (Моисеева). Изъ этого „Описанія“ видно, что императоръ Петръ I, во время войны съ шведскимъ королемъ Карломъ, будучи въ Харьковѣ, имѣлъ при себѣ св. икону Богородицы Каплуновскую, изъ села Каплунова, въ 20 верстахъ отъ города Ахтырки находящагося, нарочито указомъ вытребовавъ сію св. икону къ себѣ, какъ особенно чтимую въ тѣхъ мѣстахъ. Предъ этою иконою онъ особенно усердно молился со слезами, когда нужно было вступать въ битву со шведами подъ Полтавою, укрѣпляя свой духъ къ побѣдѣ надъ непріателемъ. Благодатною помощію отъ этой св. иконы Богородицы и „совершенную побѣду онъ великій возымѣлъ, а шведы пораженіе потерпѣли. Это пораженіе, по „Описанію“, уже и прежде предугазывалъ самъ король шведовъ Карлъ, когда въ разговорѣ съ гетманомъ Мазепою выражалъ, что „гдѣ св. икона Богородицы съ Петровымъ войскомъ присутствовать будетъ, тамъ имъ совсѣмъ ненадежно бѣдетъ“.

38. Рукописная „книжка о молитвѣ, о постѣ и о прочемъ, что касается пути ко спасенію. Написана въ 1848 году въ Пинскомъ Богоявленскомъ монастырѣ изъ твореній св. отецъ іеромонахомъ Іувеналіемъ своеручно“. 8-о.

39. „Избранныя св. отецъ житія, изрѣченія и слова. Собрана и написана изъ разныхъ св. книгъ, 1854 года, первокласснаго Троицкаго монастыря іеромонахомъ Іувеналіемъ“. 8-о.

40. „Отрада и утѣшеніе страждущей души. Собрана отъ священнаго Писанія во утѣшеніе печали болѣзнующей души, гонимой отъ невидимыхъ и видимыхъ враговъ, діавола, плоти и лукаваго міра. Написана 1856 года въ городѣ Слуцкѣ, въ первоклассномъ Свято-Троицкомъ монастырѣ смиреннѣмъ іеромонахомъ Іувеналіемъ“. 8-о.

41. „Блаженнаго Θεодорита епископа Кирскаго изрѣченія отъ десяти его словъ. Написана 1861 г. въ Лядинскомъ третъеклассномъ Благовѣщенскомъ монастырѣ“. 8-о.

42. „Избранная слова св. митрополита Солунскаго Григорія Паламы. Написана съ печатной въ Благовѣщенскомъ Лядинскомъ монастырѣ, 1861 г., іеромонахомъ Іувеналіемъ“. 8-о.

43. „Книжка, какимъ образомъ или посредствомъ отъ видимыхъ можно достигнуть до разсужденія о невидимомъ. Написана въ Лядинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, 1861 года, іеромонахомъ Іувеналіемъ. 8-о.

44. „Божественная философія. Написана 1861 года“ 8-о. Последнія семь рукописей тоже получены отъ іеромонаха Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря Іоаннікія (Моисеева), который приобрѣлъ ихъ въ Троицкомъ Слуцкомъ монастырѣ, гдѣ онъ предназначался настоятелемъ, по смерти списателя. къ сожженію.

Г) Отъ студента IV курса Кіевской дух. Академіи П. Лукьяновича:

1. Рукописный апостолъ, XV или XVI в., южно-славянской редакціи, уставнаго письма, съ позднѣйшею подписью по листамъ 1611 года, изъ Ковельскаго уѣзда, Волынской губерніи. Рукопись въ листъ.

2. Рукописный Ирмологій, in 4-о, XVII в., безъ начала и конца, оттуда же.

Д) Отъ студента IV курса той же Академіи Н. Д. Маргаритова: „Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 годѣ“, Муравьева—Апостола. С.Петербургъ. 1823. 8-о.

Е) Получено членскихъ взносовъ. 27 р. —

Ж) Отъ посѣтителей музея. 3 р. 80 к.

З) Выручено отъ продажи указателя музея. : 60 к.

Секретарь Общества Н. Петровъ.

ОПИСАНІЕ РУКОПИСЕЙ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ,

хранящихся въ библіотекѣ музея
ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Составилъ

Студентъ II курса церковно-практическаго отдѣленія
Василій Березинъ.

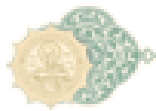
(На Евгеніево-Румянцевскую премію).

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, собствен. домъ
1881.

Рукописи Почаевской Лавры поступили въ составъ библіотеки Музея при Кіевской духовной Академіи по слѣдующему поводу.

Преосвященный Архіепископъ Макарій ¹⁾, при обозрѣніи Кіевской Академіи въ 1874 г. въ качествѣ ревизора, между прочимъ, замѣтилъ скудость древнихъ литературныхъ памятниковъ въ библіотекѣ Академіи, о чемъ и сообщилъ въ отчетѣ о состояніи Академіи отъ 20 іюня 1874 г., № 423, Св. Синоду, предложивши, вмѣстѣ съ тѣмъ, для пополненія въ библіотекѣ отдѣленія рукописей,—передать цѣнныя рукописи и старопечатныя книги изъ нѣкоторыхъ монастырей Кіевской и Волынской епархій ²⁾ въ Академію, какъ для большаго обезпеченія сихъ историческихъ памятниковъ отъ случайныхъ поврежденій, такъ и для удобства пользованія по ихъ разработкѣ. Св. Синодъ, въ виду бѣдности академической библіотеки старинными рукописями, указомъ отъ 11 декабря того же 1874 г., за № 3449, утвердилъ предложеніе Преосвященнаго Архіепископа Макарія о передачѣ сихъ памятниковъ изъ монастырей въ Академію, о чемъ и дано было знать Кіевскому и Волынскому епархіальнымъ начальствамъ для принятія ими по сему предмету надлежащихъ мѣръ. Во исполненіе этого указа Св. Синода и были

¹⁾ Писъ Митрополитъ Московскій и Коломенскій.

²⁾ Изъ Кієво-Софійскаго Собора и Кієво-Печерской Лавры, изъ Кієвскихъ монастырей—Никольскаго, Михайловскаго и Выдубицкаго, изъ Почаевской Лавры и изъ монастырей—Тригурскаго (близъ Житомира), Загоровскаго (въ житомирскомъ уѣздѣ), Дерманскаго (въ Дубенскомъ уѣздѣ), Мелецкаго (въ Ковельскомъ уѣздѣ), Любарскаго и Межирѣчской церкви (въ предмѣстьѣ г. Острога).

высланы изъ Почаевской лаврской бібліотеки, по распоряженію Преосвященнаго Волынскаго, въ бібліотеку нашего Музея описываемыя теперь нами рукописи.

Къ сожалѣнію, число присланныхъ рукописей очень незначительно. Сначала унія, владѣвшая Почаевской лаврой съ 1731—1832 г., а потомъ пожаръ уничтожили почти всю прежде богатую лаврскую бібліотеку, и только самые жалкіе остатки сохранились до настоящаго времени и сдѣлались достояніемъ нашего Музея. Но и это незначительное количество рукописей живо напоминаетъ тотъ печальный періодъ жизни Почаевской лавры, когда она, вмѣстѣ съ другими западнорусскими монастырями, находилась въ рукахъ іезуитовъ и уніатовъ.

Какъ извѣстно, Почаевская Лавра дольше, чѣмъ другіе монастыри юго западнаго края Россіи, держалась православія, послѣ введенія здѣсь уніи въ 1596 г., и только въ 1731 г. уступила давленію іезуитовъ и перешла въ ихъ руки. До этого же времени она жила свободною жизнію и твердо хранила православіе, въ истинѣ котораго убѣждали иноковъ ея тѣ святоотеческія творенія, которыя имѣлись у нихъ подъ руками, какъ напр. Іоанна Златоустаго (см. №№ 1—3, 5—6), Василия Великаго (№ 6), Аѳанасія Александрійскаго (№ 7), Діонисія Ареопагита (№№ 8 и 11), Іоанна Лѣствичника (№№ 12 и 17) и многочисленныя проповѣди разныхъ отцовъ церкви (№№ 15, 16 и 9); чтеніе этихъ, а равно и другихъ назидательныхъ книгъ (см. №№ 18—21), поддерживало въ инокахъ Почаевской Лавры духъ преданности церкви Восточной.—Богослуженіе здѣсь сохранялось въ первобытной чистотѣ и ничѣмъ почти не отличалось отъ православнаго: совершалось въ тѣхъ же православныхъ храмахъ, по тѣмъ же книгамъ (см. №№ 22—27), и съ соблюденіемъ всѣхъ церковно-религіозныхъ обрядовъ, употребляемыхъ въ православной церкви.

Впрочемъ, тоже самое нужно сказать и о всѣхъ другихъ уніятскихъ монастыряхъ и церквахъ: въ первый періодъ уніи,

III

съ ея введенія до Замойскаго собора (1596—1720 гг.), они не чувствовали надъ собою особеннаго гнета католиковъ, пользовались въ своей религіозной жизни несравненно большею свободой, чѣмъ въ слѣдующій періодъ, и потому были ближе къ православной церкви, чѣмъ—къ латинской. Іезуиты, хотя и теперь пропагандировали свое ученіе объ исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына, о главенствѣ въ церкви вселенской папы римскаго и его преемниковъ (см. ркп. № 40), объ опрѣсночной евхаристіи и пр., но ревнители православія чувствовали себя еще настолько сильными, что рѣшались защищать свое правое ученіе: писали цѣлыя книги въ опроверженіе латинскаго ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, о главенствѣ папы, какъ показываетъ та же ркп. № 40, и особенно рукопись № 41, обличали латинянъ въ различныхъ нововведеніяхъ въ церкви и особенно старались доказать неправильность употребленія опрѣсноковъ въ таинствѣ Евхаристіи (см. № 35, л. 276, 304, 309, 315, 319, 322 и 464; № 47, л. 295, 310, 323 и 327). Конечно, были случаи отступленія въ католичество и въ этотъ періодъ, но большинство уніатовъ продолжало еще блюсти православіе. Со времени Замойскаго собора (1720 г.) начинается другой періодъ уніи на югозападѣ Россіи. Въ этотъ періодъ іезуиты окончательно завладѣваютъ уніятскими монастырями и предпринимаютъ самыя рѣшительныя мѣры противъ коренившагося въ нихъ православія: уничтожаютъ догматическія и нравственныя книги, несогласныя съ ихъ ученіемъ, и распространяютъ свои; пересматриваютъ богослужебныя книги, при чемъ измѣняютъ или же совсѣмъ отмѣняютъ церковныя обряды восточной церкви, замѣняя ихъ своими и т. п.; словомъ, не останавливаются ни предъ какими средствами для достиженія своей цѣли—совершеннаго окатоличенія уніатовъ. Образчикомъ искаженія богослужебныхъ книгъ въ нашей коллекціи рукописей можетъ служить ркп. подъ № 28: Чинъ литургіи Іоанна Златоуста 1765 г.; исправленіемъ ея занимался русскій іеромонахъ Подгорѣцкаго

монастыря Іеронимъ. Насколько добросовѣстно онъ отнесся къ дѣлу исправленія литургіи Іоанна Златоуста, видно изъ тѣхъ многочисленныхъ замѣтокъ, которыя испещряютъ страницы рукописи, и самъ онъ въ письмѣ къ начальству (Венедикту XIV) говоритъ, что занимался этимъ дѣломъ столько, сколько только позволяло ему время, свободное отъ другихъ занятій ¹⁾). Точно также поступали и съ другими богослужебными книгами. Таково приблизительно было положеніе церковнаго дѣла на юго-западѣ Россіи въ то время, къ которому относятся наши рукописи.

При описаніи означенныхъ рукописей не имѣлось нами въ виду ихъ изслѣдованіе, но исключительною заботою было: 1) выставить ихъ такъ, чтобы изслѣдователь, желающій ими пользоваться, зналъ, что онъ можетъ въ нихъ найти, для чего показывалось не только заглавіе рукописи, но и частныхъ статей ея, съ начальнымъ текстомъ ихъ; 2) опредѣлить приблизительно время происхожденія рукописи, если не показано въ ней года; 3) указать письмо и языкъ рукописи, для чего означались только рукописи и статьи ихъ на малороссійскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ, а церковно-славянскія описывались нами безъ указанія на языкъ, и, наконецъ, 4) по возможности, старались указать рукописи или статьи ихъ, которыя извѣстны или въ печати, или же въ другихъ собраніяхъ рукописей.

Въ заключеніе, нелишнимъ считаемъ сдѣлать здѣсь нѣсколько общихъ замѣчаній относительно нашихъ рукописей, которыя при описаніи ихъ каждой въ отдѣльности опускались изъ виду. Во 1-хъ, всѣ рукописи написаны на простой бумагѣ; во 2-хъ, всѣ рукописи въ переплетѣ, причемъ большая часть ихъ имѣютъ переплетъ старинный, кожаный, въ деревянныхъ доскахъ (таковы подъ №№ 3, 5—10, 11,

¹⁾ Объ исправленіи уніятами литургіи І. Злат. см. погр. „Зап.-русс. церк. унія въ ея богослуженіи и обрадахъ“ г. Хойнацкаго, стр. 76.

13, 22—27, 35, 16, 47), меньше—имѣють старинный кожанно-бумажный (подъ №№ 12, 14, 17, 19—21, 40, 45—46), а остальные—(подъ №№ 1, 2, 4, 18, 28—32, 36—37, 41, 48—50) позднѣйшій бумажный переплетъ; всѣ переплеты крѣпкіе, кромѣ №№ 5, 6, 7, 23 и 24; въ 3-хъ, заглавія рукописей и статей, писанныхъ полууставомъ, сдѣланы киноварью (кромѣ ркп. № 31); въ 4-хъ, внизу по листамъ рукописей находится подпись: принадлежитъ Почаевской лаврской библіотекѣ 1854г. Цифра, поставленная нами въ скобкахъ предъ каждою рукописью, означаетъ № рукописи по каталогу библіотеки Почаевской.

Рукописи распредѣлены на слѣдующіе отдѣлы:

1. Отцы церкви и житія святыхъ (№ 1—14)
2. Книги проповѣдническія и религіозно-нрав-
ственного содержанія (№ 15—21)
3. Книги богослужебныя (№ 22—34)
4. Каноническое право (№ 35—39)
5. Богословіе (№ 40—41)
6. Космографія (№ 42)
7. Піитика и реторика (№ 43—44)
8. Смѣсь (№ 45—50)

ОТДѢЛЪ I.

Отцы церкви и житія святыхъ.

№ 1. (90). Бесѣды I. Златоустаго на евангеліе отъ Матѳея, рукопись полууставъ, въ листъ, на 234 листахъ, безъ начальныхъ листовъ, съ подписью на 3 листѣ: „сіа книга есть толкованіе с. Іоанна Златоуста на Евангелиста с. Матѳея, написанная многогрѣ(шнымъ) іереом Саму(иломъ) року инѣ 1694, мѣца Сентября 23 дня“. Здѣсь заключается первая половина бесѣдъ съ 1 по 45.

№ 2. (90). Бесѣды I. Златоустаго на евангеліе отъ Матѳея, рукопись XVII в., полууставъ, въ листъ, на 238 листахъ, безъ начальныхъ и конечныхъ листовъ. Вторая половина бесѣдъ съ 36—90. Заглавіе 36-й бесѣды заклеено бумагой ¹⁾. Въ этой же рукописи находятся:

Л. 213 об. (скоропись). Анастасія игумена Синайскія горы слово в понедѣльникъ 1 недѣли поста о 6 псалмѣ, имій оученіе стога ²⁾ поста и о покаяніи. Нач. Подобень єсть посній начатокъ цѣломудрнаго образа покаянію... (См. Опис ркп. Св. Тр. Серг. б. ч. 1. № 12, л. 195).

Л. 219 об. Стго оца нашего Ефрема Сирина сказаніе объ антихристѣ. Нач. Како азъ ісплѣнь многомъ невѣжествіемъ возмогу изрещи болша мнѣ... (Сн. свѣдѣн. и за-

¹⁾ Обѣ рукописи писаны, вѣроятно, однимъ лицомъ, такъ какъ полууставъ ихъ совершенно сходенъ между собою.

²⁾ Славянскій текстъ печатается съ сокращеніями подлинника, но съ опущеніемъ титлъ, такъ какъ онѣ трудны для печатанія и вмѣстѣ съ тѣмъ понятны для специалистовъ.

Прим. ред.

мѣтнѣи Срезневскаго, 1, 78; Оп. ркп. Ц.-арх. Муз. при Кіев. д. Ак. вып. II, № 537, л. 22; Оп. Синод. библ. отд. II, № 105, л. 191.

Л. 225 об. Синаксар в субботу 3 недѣли поста на похвалу Пртѣй Бцѣ, о акаѣистѣ, сирѣчь о несѣдающемъ. Блви Оче. Нач. Въ той днь пѣніе несѣдающе Пртей Влди нашей Бци празднуемъ вины ради сицевыя...; конецъ заклеенъ. (Сн. Собр. Ундольск. Сборн. XV—XVI, л. 182. На греч. см. Lambes. VIII, 120. См. оп. ркп. Ц.-арх. Муз. при Кіев. Ак. в. I, № 151, л. 587).

Л. 226. Иже въ стыхъ оца нашего Іоанна Златоуста, патріарха Константина града, слово о послѣднихъ днехъ іо антихристѣ і о пришествіи Хвѣ. Блви Оче. Нач. Понеже оубо блженніи пррци очи намъ быша, съкровенныхъ видѣніе намъ являюще. (См. тамъ же вып. II, № 516, л. 242; Слав.-русск. ркп. Унд. № 463, л. 325).

Л. 236. Слово Іоанна Златоуста о оумиленіи дши. Нач. О, тебѣ дше моа, аггла своего хранителя отгнала еси отъ себе. (См. тамъ же вып. II, № 516, л. 284 и № 527, л. 76, и № 530 л. 19, сравн. Ундольск. № 44).

№ 3. (91). Бесѣды Іоанна Златоустаго на евангеліе отъ Іоанна Богослова, рукопись XVII в., полууставъ, въ листъ, на 449 листахъ, безъ заглавнаго, съ подписью на 1 листѣ: „азъ іеромонахъ Флявѣянъ Касіяновичъ с. м. Почаевскому своему за отпущеніе грѣховъ своихъ дарую“.

№ 4. (93). „Шестодневъ“ Іоанна, Екзарха Болгарскаго, полууставная рукопись XVI в., съ ноздѣйшими дописками, въ листъ, на 132 листахъ, безъ заглавнаго и начальныхъ листовъ. (См. „Іоаннъ Екзархъ Болгарскій“, стр. 59, Калайдовича; „Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона“, стр. 101, Палаузова; Оп. ркп. Синод. биб. № 54).

№ 5. (95). „Книга бытія небеси и земли, изложеніе, иже въ стыхъ оца нашего Іоанна Златоустаго, архіеппа Костянтина града, о сътвореніи твари видимыя и невидимыя, и о пришествіи Хвѣ, и о влѣщеніи Его, и о распятіи,

и о въскресеніи, и отврженіи жидовствъ“, рукопись XV в., полууст., въ листъ, на 257 листахъ. Составлена на основаніи бесѣдъ Іоанна Златоустаго на книгу Бытія. На начальномъ листѣ подпись скорописью по-польски: читалъ ксендзъ Евфимій Моравскій, законникъ того же монастыря Почаевского 1694 г. мѣсяца Декабря 30 дня“.

№ 6. (96). „Псалмы толковыя“ Св. Василия Великаго и Іоанна Златоустаго, рукопись 1595 г., въ листъ, на 174 листахъ; первые 134 л. написаны полууставомъ, а остальные—40 л.—неразборчивою скорописью. (Слич. Опис. рукоп. Синод. Библ., № 70, л. 456).

№ 7. (97). Рукопись подъ заглавіемъ: (Аѳ)насія архиепископа сказаніе, полууст., XVI в., въ листъ, на 212 листахъ. На первыхъ 200 л. помѣщается краткое толкованіе Псалтири, а на послѣднихъ 12 л.—11-ть псалмовъ изъ другихъ ветхозавѣтныхъ книгъ. (См. Опис. ркп. Св. Троицкой библ. ч. 1, №№ 86 и 87; Опис. ркп. Синод. библ. отд. II, стр. 301).

№ 8. (98). „Главы книги стго Дионисія Ареопагита о небесѣмъ сщноначаліи главизнъ 15, о бжтвенныхъ именахъ главизнъ 13, о церковничьскомъ сщноначаліи главизнъ 6, о таинственномъ богословіи главизнъ 5, четыре посланія къ Гаію, одно посланіе Дорофею діакону, одно къ Сосипатру, одно къ святителю Поликарпу, одно къ Димofilу рабу, одно къ Титу, одно къ Іоанну Богослову“, рукопись полууставъ, XVI в., въ листъ, на 367 листахъ, безъ начальныхъ листовъ, съ предисловіемъ переводчика, аеонскаго монаха Исаи, совершившаго свой трудъ въ 1371 году, по волѣ митрополита Сѣрскаго Ѳеодосія. (См. Опис. ркп. Св.-Тр. библ. ч. 1, № 123, л. 1; Опис. Рум. Муз. стр. 161; Слав.-русск. ркп. Унд. № 178):

№ 9. (103). *Прологъ* (неполный) на весь годъ, вѣрше—Четь-Минея... Рукопись полууставъ, XVI в., въ листъ, на 334 листахъ, безъ начала и конца. Составъ рукописи слѣдующій:

Л. 1. Въ тот же днь (6-го Дек.) чюдо стго Николы о коврѣ. Нач. Понеже оубо слышахомъ Стго Дха прркомъ Двдомъ глща, якоже жадает елен на источники водныя, тако жадает дша моа къ тебѣ Бе....

Л. 3. Мца декеврія въ 6 день, слово похвално о житіи иже въ стыхъ оца нашего Архіереа Николы. Блви Оче. Нач. Се настоит, братіе, свѣтлое празднство предивнаго оца нашего ꙗ чюдотворца Николы... (См. Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б. ч. 1, № 9, л. 213; Оп. ркп. Ц.-арх. Муз. при Кіев. д. Ак. в. II, № 529; Оп. Рум. Муз. стр. 683; Печ. прол. 9 мая и обзоръ р. дух. литер. Филар. I, стр. 39).

Л. 4 об. Чюдо стго Николы, како избави ис темници срацинина съ стымъ Георгіемъ. Блви. Оче. Нач. Въ кипрѣ-стѣмъ островѣ иняли бяху срацинина силна, пршедша от Крита вѣвати. (См. Славяно-русска. рукоп. Ундольскаго, № 258, л. 121).

Л. 5 об. Мца Септеврія въ 8, иже въ стыхъ оца нашего Іоанна презвитера Дамаскина, слово на рождество Пренепорочныа Влдца нашеа Бца приодвы Мріа. Блви Оче. Нач. Приидѣте вси языци, всякъ родъ члчъ і азыкъ и възрастъ всякъ и всяко достоинство съ веселіемъ, всемирнаго веселія рождество празднуемъ...

Л. 11. Въ тот же днь повченіе на зачатіе Пртей Бци. Нач. Възлюбленіи, днь спнію нашему начатокъ зачинается и плодится въ оутробѣ праведныа Анны.

Л. 12. Иже въ стыхъ оца нашего Іоанна Златоустаго архіеппа Константина града, слово на Въздвиженіе чтнаго крта Гня. Блви Оче. Нач. Что реку, или что възглю, что васъ нареку: овца илї пастыря?...

Л. 15. Василиа, еппа Селевкіа, слово на Въздвиженіе чтнаго и животворящаго крта Гня. Блви Оче. Нач. Всяко оубо, иже от грѣшаго на лучшее предложеніе, велику радость и веселіе роду члчкому съдѣваетъ

Л. 18. Пантолеа, презвитера обители византійскіа, сло-

во на Въздвиженіе чтнаго крта Гня. Блви Оче. Нач. Паки въздвижется крестъ, паки тварь радуется.

Л. 19. об. Мца Сентевріа въ 20 днь житіе и мчяніе стого великомчника Евстафіа и жены его Теописіи и чад его: Агапіа и Феописта. Блви Оче. Нач. Въ дни црствіа Троана идолтей лети оджащи бѣ нѣкій стратилат именемъ Плакида. (Сн. Оп. ркп. Ц.-арх. Муз. при Кіев. д. Ак. в. Ш, № 581, л. 206; Сн. Оп. ркп. Хлудова, № 105, стр. 251).

Л. 26. Иже въ сгыхъ оца нашего Іоанна Златоустаго, архіеппа Константина града, слово похвално стму аплу і Евглисту Іоанну Богословоу. Нач. Иже подвигомъ вѣшнимъ зрителіе, егда нѣкоего доблественна страдалца и вѣнечника отнѣкуду пришедша оувѣдят...

Л. 29. Мца Октовріа 19, мученіе стго мчника Оуара. Нач. Быст въ одни Максимиліана цря, зятя Діоклетіанова, егда въздвиге гоненіе на хртіаны.

Л. 33. Мца Октовріа 26 днь, мученіе стого и преславнаго великомчника Хва Димитрія. Блви Оче. Нач. Максиміан же, покоровъ Готѣы и Савроматы римляномъ, съшедъ въ селунскій градъ пребываше.

Л. 36. Мца Ноевріа въ 13 память Игнатію и Іоанна Златоустаго, патріарха Константина града. Нач. Створяется оубо память сіа въ оуспеніе мѣсто, зане съключися ей въ Въздвиженіе чтнаго крта Гня быти.

Л. 36. Въ тот же день о поставленіи попом стго Іоанна Златоустаго. Нач. Флавіану патріарху пріемши пртлѣ Антіохійскій и ходящу ему въ епѣи церковней и творящу ноцное пѣніе прая і явися ему агглѣ Гднѣ.

Л. 36 об. Въ тотъ же днь слово поставленіе патріархомъ въ Константинѣ градѣ преблаженнаго оца нашего Іоанна Златоустаго. Нач. Въ цртво Аркадіево, сна Θεодосіева, Нектарію патріарху преставльшуся въ Константинѣ градѣ, и съвѣтъ сътвори црь съ иными патріархи.

Л. 37. Въ тотъ же день слово Прокла, како види стго апла Павла бесѣдующа съ Іоаномъ Златоустымъ. Блви Оче. Нач. Въ Константинѣ градѣ бѣ мужъ нѣкто славенъ сановитъ зѣло...

Л. 38. Въ тотъ же день слово о Іоаннѣ Златоустемъ. Нач. Се оубо Іоаннъ премудрый родился въ Антиохіи Сурстей отъ богату родителю.

Л. 38 об. Въ тотъ же день Слово о виденіи Іоанна Златоуста. Нач. Въ Антиохіи Сурстей въ монастыри, в немъ же бѣ Іоанъ Златоустый постриженъ, ту бѣ чрноризецъ.

Л. 39 об. Иное чюдо стго Николы, како нѣкій еллинъ далъ нищимъ изъ златницы мѣтныю и пакы возвратися емоу. Нач. Бѣше нѣкій еллинъ, имѣа женоу хртіану.—(Изъ „Луга Духовнаго“ Іоанна Мосха).

Л. 40 об. Иное чюдо архіереа Хва Николы. Блви Оче. Нач. Добро есть намъ Бжіе писаніе къ вамъ проповѣдати вѣрнии.

Л. 41. Иное чюдо стго Николы. Нач. Агрикъ нѣкто именемъ, живый въ странѣ Антиохійстей, близъ срацинъ, богатъ сый зѣло, любяй стого Николу велики.

Л. 43 об. Мца маа въ 9 день пренесеніе мощей иже въ стыхъ оца нашего Николы, архіеппа Мѣрскаго, въ Барградъ, нѣмецкіа области. Нач. Прно оубо длѣжни есмы, братіа, праздники Бжіа въ чть творяще дръжати, подобити стымъ Его (Сп. Оп. ркп. Ц.-арх. Муз. при Кіев. д. Ак. в. III, № 581, л. 106. Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б. ч. I, № 9, стр. 209; Слав.-русск. ркп. Унд. № 258, л. 1).

Л. 44 об. Мца Декаврія въ 9 день зачатіе стѣа Анны, егда зачатъ стую Бцу. Блви Оче. Нач. Гѣ нашъ і Бѣ, хотя оуготовити себѣ црковь дшевную і домъ стъ въ жилище себѣ, аггла своего посла къ праведникома Іоакиму і Аннѣ,—безъ конца.

Л. 45. Григоріа мниха презвитера слово похвалное стымъ тріемъ отрокомъ і цррку Даніилу, яко искушенія і напасті пріходятъ стымъ, на обновленіе тѣхъ добродѣтели і о

стом причащеніи. Нач. От прркъ, овїи оубо проповѣдаша въчлчнїа слово, овїи же образы назчаменоваша, овїи же и собою преобразиша. (Принадлежитъ Григорію Цамвляку).

Л. 51. Прологъ стых праотець. Блви Оче. Нач. О тѣх оубо великій Моисей въ книгахъ Бытіи извѣстно написа...

Л. 51. Въ тот же днь слово на память стых праотець. Нач. Гду нашему Влдцѣ Іс Ху, вся от небытіа въ бытіе сътворшемоу, нбо и землю і всю тварь і свѣту повелѣ быти, и създа праоца нашего Адама.

Л. 52 об. Недѣля прежде Ржтва Хва, слово о бжственныхъ тайнахъ, і яко достоить причащающемуся испытovati себе, і о иже непамятозлбѣствовати, і яко довѣрїи сут сїи 5 дний истиннымъ покааніемъ къ очищенію, і яко достоить хртїанину трѣпѣти напасти і о блженнемъ Филогопїи. Нач. Обыкоша иже къ црю земномуу грядуще, егда близ будут оуже къ входуу двор і явленїа лица црсаго, тогда множайшимъ страхомъ ограждати себе.

Л. 59. Мца декевріа въ 24 повченїе на предпразднество Ржтва Га нашего Іс Ха. Блви Оче. Да есте вѣдуще, братїе, яко в сей днь постъ есть.

Л. 59 об. Мца декевріа 25, сказанїе бывшаго чюдеси въ Прѣстей земли о Хвѣ Ржтвѣ. Нач. От Прѣсъ оувѣданъ бысть Хс. (Сн. ниже, № 15, л. 213).

Л. 63. Иже въ стыхъ оца нашего Василїа, архїеппа Кесарїа каппадокїйска, бесѣда на Ржтво Хво. Блви Оче. Нач. Хво ржтво, еже оубо свое и прѣвое і особое того бжтва млѣчанїемъ да почитается.

Л. 67 об. Иже въ стыхъ оца нашего Іоанна, архїеппа Константина града Златоуста, слово на Ржтво Га нашего Іс Ха. Нач. Ннѣ моего ества обетшанїю обновленїе приходить, Адамова злонравїа язва исцѣляется.

Л. 71. Иже въ стыхъ оца нашего Іоана, архїеппа Константина града Златоустаго, слово на Ржтво Хво. Блви Оче. Нач. Ху праведномуу слїцу, днь от Двы пречтыя вѣсїавшу, тма нечестивыя отбѣже.

Л. 74. Мца декевріа, 26, слово стго оца нашего Епифанія на съборъ Престыа Бца і о воплощеніи Га дашего Іс Ха, похвала престей Маріи Бци. Блви Оче. Нач. Сіающая свѣтлыа Бца заря, грѣдыа и непостыжимыа силы, нбсе и земля тайное чюдо ізволив сказати окаанный азъ.

Л. 76. Недѣля по Ржтвѣ Хвѣ, память творимъ пррку Двду, Іосифу обручнику и Іакову, брату Гню по плоти. Нач. О сем оубо блженіѣмъ Двдѣ, скажутъ вамъ книги тетръ василіонъ.

Л. 76 об. Мца генуаріа въ 1 днь, въспоминаніе обрѣзанія по плоти Га нішего Іс Ха, въ 8 днь от Ржтва Его. Нач. Хотя Гь наш и Бъ, яко срдца члчкаа съвѣдый, смотреніе оувѣрити въчлчвіа своего, да никто же отъ еретикъ дрзветъ глти, яко по призрачію родися.

Л. 77 об. Слово въ тотъ же днь о стѣмъ Іоаннѣ Златоустемъ. Нач. Поведаше ми амасіанинъ отъ своего брата слышахъ Аделоіа.

Л. 77 об. Иже въ стыхъ оца нашего Тарасіа, архіеппа Константина града, слово о Престѣй Владци нашей Бци прндовѣ Маріи, егда принесена быстъ въ црковь родителема трехъ лѣтъ сущи отъ роду. Нач. Свѣтлое и преславное настоащее трѣжество и любопразднественныа любовь къ цѣнію въздвиже прновы въ црковь вхожденіе.

Л. 83 об. Мца ноевріа 26, сщеніе цркви, иже в Кіевѣ стго великаго и побѣдоносца Хва мчнка Георгіа. Слово похвално сложенно Аркадіемъ, Архіеппомъ Кипрѣскимъ. Блви Оче. Нач. Съзываетъ пакы насъ хртолюбци, хртолюбивый сей блгочестіа добропобѣдникъ Георгіе.

Л. 85 об. Мца декевріа въ 4, стрсть стыа мчницы Варвары. Блгви Оче. Нач. При Максиміанѣ црѣ, влдчствующу Маркіану, бѣ Діоскоръ богатъ зѣло, на восточныхъ странахъ живый въ Оуліа гради.—Конецъ вырванъ (См. Опис. ркп. Св. Тр. Серг. библ. ч. III, № 683, л. 138).

Л. 87. Въ тотъ же днь память прдбнаго оца нашего

Василія, архієппа Кесарія кападокійскія. Нач. Сей иже въ стыхъ оцъ нашъ Василиє бѣ въ цртво Оулеанта.

Л. 87. Въ тотъ же днь отъ житія оца нашего Василія о поставленіи еппомъ, и како служи съ нимъ Гь съ стми апостолы и причастіе ему да. Нач. Въ Кесаріи кападокійстей, преставльшуся еппу Евсевію, съшедшеся съборніи еппи, Стго Духа поспѣшеніемъ, нарекоша Василія на епкій столъ.

Л. 87 об. Въ тотъ же днь, чюдо стго Василія, иже сътвори въ Никеи. Нач. Оуалій, братъ Оуалента, прѣ безаконнаго, изгнавъ еппы христіанскія, и затвори цркви Хвы, и предаста власть аріаномъ.

Л. 88. Мца Генуаріа 5 днь, поученіе предъ Крещеніемъ Гвимъ. Нач. Да есте вѣдуще, братіе, яко днь есть постъ предъ крещеніемъ Гнимъ.

Л. 88 об. Мца Генуаріа въ 6, крещеніе великаго Ба і Спса нашего Іс Ха, въспоминаніе Бгоявленія празднуемъ. Нач. Хотяи Гь Бъ нашъ исплѣнити всю правду и всякъ іоудейскій законъ оуставити, да никто же отъ нихъ речетъ, яко противенъ Бу есть.

Л. 89. Въ тотъ же днь слово на Крещеніе Гне. Нач. Источникъ евъльскихъ ученій, отвръсты иматъ рѣкы.

Л. 90 об. Въ тотъ же днь поученіе на Крещеніе Гне. Нач. Прно подобно естъ, братіе, подвигъ добрый съ вѣрою и любовію являюще.

Л. 91 об. Иже въ стыхъ оца нашего Іоанна, архієппа Константина града, слово на стое Бгоавленіе Га нашего Іс Ха. Нач. Да отверзутся всякаа уста днь къ Бгоавленію, и да въспоетъ всяко слово, иже съ нбси въсѣавшаго Бжіа Слова.

Л. 95. Слово на Крещеніе Гне. Нач. Иже зданію влд. ка..... отъ отеческихъ приде, и обогатися житіе дарованми.

Л. 98 об. Мца генуаріа въ 7 съборъ славнаго пррка і Прдтча и Кртля Іоанна празднуемъ і пренесеніе чтныа его руки. Нач. Чтнаго Прдтча празднуемъ съборъ іспрѣва и выше преданіа.

Л. 99. Въ тот же днь пренесеніе чтнаго прѣста Іоанна Кртля десныа его руки въ Русь от Пряграда. Нач. Гу Бу нашему Іс Ху нетокмо греческую страну просвѣтившу крщеніемъ и свое имя прославившу і стѣа своа оугодники.

Л. 99 об. Мца генуаріа 27, Козмы веститора о пренесеніи мощемъ, иже въ стѣх оца ншего Іоанна, архіеппа Константина града, Златоустаго. Блви Оче. Нач. Слышаста вся к вамъ, о хртолюбивое трѣжество і столубное. собраніе, величиствіе Бжіе, и каменіе самое въздвигнути могущее проповѣдати.

Л. 105 об. Мца февраля въ 1, поученіе на предпразднество Стрѣтеніа Гня. Блви Оче. Нач. Да есте въдуше, възлюбленіи, якъ в сій днь ест предпразднество Стрѣтеніа Гня.

Л. 106. Мца того же 2 Стрѣтеніе Га нашего Іс Ха. Нач. Да оувѣритъ плотское смогреніе свое Гь наш Іс Хс, яко по истинѣ члкъ бысть, и вся по іоудейскому закону съвршилъ.

Л. 108 об. Въ тотъ же днь поученіе на Стрѣтеніе Гне. Нач. Днесъ, братіе, законодавецъ, законъ съвршаа, аки младенецъ въносится въ црковь земнаго Іерлима...

Л. 109 об. Въ тот же днь Кирила, архіеппа Іерлмьскаго, слово на Стрѣтеніе Гне. Блви Оче. Нач. Радуйся зѣло дщи сіонова, проповѣдуй дщи Іерлмля.

Л. 111 об. Иже въ стѣх оца нашего Афанасіа Великаго, архіеппа Александрійскаго, слово на Стрѣтеніе Га нашего Іс Ха. Нач. Яже настоящаа сщеннаго трѣжества евлгскаа труба да оглашаетъ.

Л. 120. Мца того же въ 8 стго великомчяка Θεодора Стратилата. Нач. Въ оно врѣма бысть Леонту, цртвующу въ римстем градѣ і боляромъ его мужствующимъ, показася нѣкій мужъ стратилать.

Л. 121 об. Мца того же въ 9 мученіа стго Никифора. Нач. Быст нѣкій презвитерь, именемъ Саприкый, инъ же бѣше Никифоръ нарицаемъ, простый людинъ.

Л. 123 об. Того же мца въ 13, житіе преподобнаго оца нашего Мартиніана. Нач. Близу града палестинскаго ест гора, юже нарицають ковчезное мѣсце (Слич. Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б. ч. III, № 684, л. 473).

Л. 130 об. Мца февраля въ 14 днь память прѣдбнаго оца нашего Кирилла философа, оучтля словяномъ. Нач. Въ селунстем градѣ бѣ нѣкто добороденъ, ему же іменемъ Левъ, савомъ же сътникъ.

Л. 131 об. Въ тотъ же днь, слово о житіи стго Кирилла архіеппа, оучтля словенского русскимъ языкомъ. Нач. Въ няхъ (нятцѣхъ) же бывшу ему, събращася нанъ еппи і попове і вси чръноризцы, яко врани на сокола, і въздвигоша тріазычную ересь (обѣ статьи—изъ „Паннонскихъ Житій“).

Л. 134. Того же мца февраля въ 17 мученіе стго великомчяка Θεодора Тірона. Нач. Яко же слыце сіаетъ видящимъ, такъ въ мчнцехъ словеса слышащимъ.

Л. 137. В недѣлю притча о Мытари и Фарисеи. Блви Оче. Нач. Иже о мытари и фарисеи притча і вина, яко оученіа і подвиженіе оумышлено быст стыми оци (Поученіе Іоанна Златоустаго).

Л. 140 об. Пооученіе в недѣлю блуднаго сна. Евгліе от Луки. Нач. Блгъ оубо ест Бъ, къ всѣмъ члколюбивъ і длъготерпѣлив, ізрядно же свою блгстыню на съгрѣшающимъ показаетъ (Златоуста).

Л. 146. Повченіе в недѣлю мясопустную. Блви Оче. Нач. Страшен ест днь он втораго пришествія Хва и грядущаго суда, братіа моа (Златоуста).

Л. 150. Пооученіе в недѣлю сыропустную, Евгліе от Матѳеа, блви Оче. Нач. Се оубо оуже четверодесятнаго поста позорище отвръзается нам, братіе (Златоуста).

Л. 154. Повченіе въ недѣлю 1-ю стго поста, въ православную. Нач. Четверодесятный пост сій, братіе, яко лѣствица нѣкаа предлежит нам (Златоуста).

Л. 161 об. Анастасіа, игумена синайскія горы, слово в поведѣляикъ 1 недѣли поста о шестом псалмѣ, имый оученіе стго поста і о покааніи, блви оче прочести. Нач. Подобен ест постный начаток цѣломдрнаго образа покаянію (Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б. ч. I, № 12 л. 195).

Л. 163 об. Мца марта 17, житіе и жизнь стго Алексѣя члка Бжіа. Блви Оче. Нач. Бѣ члкъ блговѣрен в римстем градѣ, именемъ Еоуфиміамъ, славен быст оу цря Аноріа і Аркадіа, оу црю римскую, богатъ сый зѣло (Сн. Оп. ркп. Ц.-арх. М. при Кіев. д. Ак. в. 3, № 581, и Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б. ч. I, л. 148, № 9).

Л. 166 об. Иже въ стых оца нашего Іоавна Златоустаго слово похвальное на Блговѣщеніе Престыа Влдца нашеа Бца. Нач. Въсія нам праведное сляде, се прежде въсходящаго еством, свѣт приносущен, і просвѣти всяческаа.

Л. 169. Иже въ стых оца нашего Іоана Дамаскина слово на Блговѣщеніе Прстыа Влдца нашеа Бца і приодвы Маріа, сут же здѣ гли буквам греческим, арханловым и Бци въщанія і отвѣти. Нач. Нвѣшнему чтному і црковному събранію, свѣтлому і чюдному въспоминанію, страны колѣна изыци всяко достоаніе і много събраніе, і празднолюбное множество, і людіе пресущественніи, нвѣ радующеся дшею, дховно трѣжествуемъ.

Л. 176. Въ тотъ же день на Блговѣщеніе Прстыа Бца слово стго Іоанна Златоустаго. Блви Оче. Нач. Црких тайнъ празднѣствуемъ, в он же вся тварь събрана веселиться (Сн. Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б. ч. I, № 11, л. 62; Оп. Рум. Муз. стр. 696).

Л. 178 об. Іоанна Златоустаго слово о четверодневнемъ Лазари. Нач. Днесъ от мртвыхъ вѣста Лазарь, многу і различну гнѣву раздрѣшеніе намъ даеъ (Сн. Опис. ркп. Цер.-археол. Муз., № 139, л. 38).

Л. 181. Въ тотъ же день, того же Іоанна Златоуста слово о четверодневнемъ Лазари, в субботу 6 поста. Нач. Яко се мти чадолюбива, подавши сесець младавцу веселиться.

Л. 182 об. Въ тотъ же день на вѣскрніе Лазарево слово похвално. Нач. Се предтечет, братіе, свѣтозарное трѣжество, Хва вѣскрніа образъ вѣзвѣщаа.

Л. 184 об. Иже въ стыхъ оца Іоанна Златоустаго слово в недѣлю цвѣтную. Блви Оче. Нач. От чюдесе на чюдеса Гня идем, братіе, идѣм от силы на силу (См. Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б. ч. I, № 9, л. 218).

Л. 187. В недѣлю цвѣтную, от сказанія евлгскаго, слово Кирила недостойнаго мниха. Блви Оче. Нач. Велика і ветха съкровища, дивно и радостно откровеніе, добра і силна богатство (Кир. еп. Тур. см. Пам. Росс. Слов. XII в. л. 3).

Л. 189 об. Стго оца нашего Ефрема слово в понедѣльникъ страстныхъ недѣли о прекраснемъ Іосифѣ. Блви Оче. Нач. Бже авраамовъ, Бже исааковъ, Бе Іаковль, Бе блвен, избравый сѣмя праведное своихъ слугъ възлюбившихъ тя (См. ркп. Ц.-арх. Муз. при Кіев. Ак, в. II, № 515, л. 359, и № 537, л. 6, и Оп. синод. ркп. № 231, стр. 97).

Л. 200 об. Въ понедѣльникъ страстныхъ недѣли Іоанна Златоустаго слово о събраніи събора жидовскаго на Га нашего Іс Ха. Нач. Приподобятъся црковніи строители дѣтех, иже млеко по вся дни пищу себѣ от мтрня съсаа ссуть (См. Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б. ч. I, № 9, л. 42).

Л. 202 об. Въ вторникъ страстныхъ недѣли слово стго Іоанна Златоустаго о десяти двѣ і о млыни і о покааніи і о млтвѣ. Блви Оче. Нач. Вѣсте оубо откуда намъ прѣвое рѣчъ начася, или гдѣ оставися, или чимъ почахомъ, іли гдѣ престахомъ.

Л. 207 об. Въ тотъ же день слово о зависти жидовъ, иже въ евгліи речено бысть, излѣзше фарисеи, съвѣтъ сътвориша на Іса, да Его погубятъ. Нач. Елико васъ оучницѣ есте, Онъ бо оубогіа трапезы вдовича не похули (См. тамъ же л. 45).

Л. 210 об. Въ среду стрное недѣли приподбнаго оца нашего Ефрема слово о блудници і о алавастрѣ мира. Нач. Мнозѣмъ стымъ сущемъ Бжіимъ, достойно хваляще прчтаго Вадку, сподобихся і азъ недостойный словословити въ блгдти вѣры.

Л. 215 об. В ту же среду великую слово о блудници і о алавастрѣ мира. Нач. Всегда оубо Бъ, яко члколюбецъ, времена покаанію далъ есть, оуныніемъ же дшу погубляетъ ленивый.

Л. 218 об. Въ четвертокъ стрныхъ недѣли слово Іоанна Златоустаго, егда оумы нози оучникомъ Гл. Блви Оче. Нач. Млтъ Бжію і члколюбіе проповѣдаетъ оубо тварь вся, проповѣдаетъ же и тварное строеніе (Оп. ркп. Св.-Тр. б. ч. I, № 9, л. 52).

Л. 220 об. Въ тотъ же день, иже въ стыхъ оца нашего Іоанна Златоустаго слово о чтнѣмъ кртѣ. Блви Оче. Нач. Прииди днесъ, о блженный Павле, риторскаяа оставивъ лестнаа словеса (тамъ же л. 55).

Л. 224. Въ стый великій пятокъ слово стго оца нашего Евсевіа, еппа Александрійскаго, о съшествіи стго Іоанна Прдтча въ адъ. Нач. Възлюбленніи, добро естъ рещи, каково естъ блговѣщеніе въ адѣ стго Іоанна Прдтча (Встрѣчается и въ греч. ркп., но доселѣ нездано, кто такой Евсевій еп. александрійскій. См. Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б. ч. I. № 11, л. 11).

Л. 228 об. Въ стую великую субботу слово Григорія Антіохійскаго на стое погребеніе и въскріе Га ншего Іс Ха. Нач. Похвален црковный сий законъ, готовий триднев-
ный смрти Спса нашего память празднествовати.

Л. 232 об. Иже въ стыхъ оца нашего Епифанія, еппа Кипрѣскаго, слово въ стую великую субботу о погребеніи тѣла Га ншего Іс Ха і о Іосифѣ, иже от Аримаѣеа, і о Никодимѣ і о оуспеніи Га ншего Іс Ха і о гробнемъ положеніи, поспнѣй стрти, дивнѣ бывшем і въстаніи. Нач. Что се днесъ безмлъвіе много на земли, что се безмлъвіе много мълчаніе (Св. Опис. ркп. Церковно археологич. Муз. № 139, л. 76).

Л. 239 об. Іоанна Златоустаго слово на преславное въскріе Га нашего Іс Ха. Нач. Въста въ 3 днь Гь нашъ Іс Хс, жизнь мирови даруа (Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б. ч. I, № 11, л. 86).

Л. 242 об. На стую Пасху слово стго Григорія Бого-
словца. Нач. Въскріа днь и зачало десное, просвѣтимъся
празднованіемъ, і другъ друга обіймѣмъ (Св. Оп. ркп. Св.
Тр. Серг. б. ч. I, № 8, л. 84).

Л. 243 об. На стую Пасху слово Іоанна Златоустаго.
Нач. Зѣло мя вѣ дръжат веселяще Гдкаго въскріа чюдеса
и дивнаа видѣнія.

Л. 245. Кирилла недостойнаго мниха слово на стую
Пасху, от пррчьскихъ сказаній. Блви Оче. Нач. Радость
сугуба всѣм хргіаном і веселіе миру неизреченно пришед-
шаго ради праздника днесъ за скръбъ прежде бывшаго
тайнества (Кирилла Туровскаго).

Л. 247. Іоанна Златоустаго слово на стую Пасху, по
цѣлованіи чтется іереомъ. Нач. Иже кто блгочтивъ и хрто-
любив, приидете насладитесь сего праздника.

Л. 248. В недѣлю Өомину 1-ю по Пасцѣ слово стго
Аѳанасіа. Нач. Хс въскресе от мртвых, і всю жизнь члчкую
праздновати сътвори.

Л. 249 об. Въ ту же недѣлю слово Кирилла недостойнаго мниха о поновленіи въскрніа і о артосѣ і о Ѳомини испытаніи ребрь Гнь. Нач. Велика оучтля и мдрасказателя требуетъ цркві на оукрашеніе праздника (Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б. ч. I, № 9, л. 68 и Пам. росс. Слов. стр. 18).

Л. 253. Кирилла недостойнаго мниха слово в недѣлю 3-ю по Пасцѣ о снятіи тѣла Хва съ крта і о міроносицах і похвала Іосіфу. Нач. Праздник от праздника чтиѣ приспѣл есть, подаа блгдть Бжію стей цркви (Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б. ч. I, № 9, л. 73).

Л. 257 об. Въ недѣлю 4-ю по Пасцѣ слово стго Іоанна Златоуста о расслабленнѣмъ. Нач. Яко же свѣтел мцѣ ноцѣ обѣляет, иже по земли и по морю плывущим і ходящим свѣт освѣщаа (См. тамъ же л. 86).

Л. 260 об. В недѣлю 5 по Пасцѣ слово Іоанна Златоуста о самаряныни. Нач. Днесъ Хс всѣм нам стрѣть самаряныни проповѣда.

Л. 264 об. Кирилла недостойнаго мниха слово в недѣлю 6-ю по Пасцѣ о слепцѣ і о зависти жидовѣ, от сказанія евлска. Нач. Млтъ Бжію и члколюбіе Га ишего Іс Ха, блгдть Стго Дха дарованную обилно члчкому роду, сказаю вам, братіе (Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б. ч. I, № 9, л. 96, и Пам. росс. Слов. стр. 56).

Л. 267. Кирилла недостойнаго мниха слово в четвергѣ 7 ндлі по пасцѣ на Възнесеніе Гне, от пррчьскихъ и аплкихъ сказаній, і о въскршеніи всероднаго Адама. Блви Оче. Нач. Прииди ннѣ дхомъ, священный пррче Захаріе, даа намъ начатокъ слову от своихъ прорицаній (См. тамъ же л. 102).

Л. 269 об. Въ тотъ же днь слово стго Іоанна Златоустаго. Нач. Веселитесь нбса и радуйся земле! (Іоанна екз. болг. См. Калайд I. Екс. Болг. стр. 174).

Л. 271 об. Кирилла недостойнаго мниха в ндлю прежде Пянтикостіа, на соборѣ стыхъ оцѣ 318, о Снѣ Бжіи Ісѣ Хѣ, сказаніе от стыхъ книгъ, похвала оцамъ 1 Никейскаго събора. Нач. Яко же историціи вѣтіа прикланяютъ своа слу-

хи въ бывшаа между цри рати і оплѣченіа (Оп. р. Св.-Тр. б. ч. I, № 9, л. 111).

Л. 275. Іоанна Златоустаго слово в идлю пѣдесѣтвую на съшествіе Стго Дха. Блви Оче. Нач. Языки разделивпіа днесъ блгдть, не да ми ся бояти язычныа нищеты.

Л. 276 об. Въ тот же днь слово стго Іоанна Златоустаго. Нач. Се оубо нам днесъ быст земля нбомъ, не звѣздамъ съ нбсе спадшимъ, но апломъ превыше нбсъ вшедшимъ (См. Оп. ркп. Ц.-арх. Муз. при Кіев. д. Ак. в. I, № 139, л. 119).

Л. 278 об. Кирилла недостойнаго мнѣха слово в идлю 1-ю по Пянтикостіи на память всѣхъ стыхъ і похвала стымъ мчникомъ. Нач. Блгдть Бви отврѣзающему наша оуста і дающему намъ слово на похвалу всѣхъ стыхъ.

Л. 281. Мца априля въ 1 днь житіе предбныа мотре нашеа Маріи Египтянины. Блви Оче. Нач. Тайну цреву добро естъ таити, а дѣла Бжіа проповѣдати славно (См. Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б. ч. I, № 34, л. 157 и № 101, л. 281).

Л. 290. Мца априля 23 мученіе великомчнка Георгіа. Нач. Діоклетіанъ, римскій самодръжецъ, недостойнъ хоругви въспріемъ і пръвѣй сый отъ иже с нимъ римское въспріемшимъ начальство, тріе бо бяху сіи.

Л. 298. Мца іюня 24, слово на ржтво стго славнаго пррка і прдчи и Кртля Гня Іоанна. Нач. Слнцю сему хотящу видимому изыти ис предѣла землянаго, зарѣя предварши являетъ, кто по ней грядетъ.

Л. 301. Иже въ стыхъ оца нашего Іоанна Златоустаго, архіеппа Константина града, слово похвално стыхъ врѣховныхъ аплѣ Петра и Павла. Нач. Нбо и земля трѣжествуа веселитъся въ настоящій праздникъ стою и славною аплу Петра и Павла.

Л. 302 об. Мца іюля въ 17 днь мученіе стыа великомчнды Марины. Нач. По възнесеніи Га ишого Іс Ха ко Оцу и по изшествіи стыхъ аплѣ отъ мира сего, многимъ страдав-

шимъ имене ради Хва, в них же бѣ стаа Марина, ея же хощу нѣ страданіе поведати.

Л. 306. Мца іюліа въ 20 огньное въсхождение стго пррока Іліи. Нач. Іліа, славный пррокъ, бѣ от страны Фезвіа, от земля аравитскіа іс племене Ароня.

Л. 306 об. Въ тотъ же днь слово Іоанна Златоустаго о женахъ злыхъ. Нач. Ничтоже есть подобно на земли женѣ злоязычней (См. Оп. ркп. Импер. Археол. Общ. № 12, л. 35; Оп. ркп. Св. Тр. Серг. б. ч. 1, № 202, л. 71; Оп. ркп. Ц.-арх. М. при К. д. Ак. вып. 2, стр. 508 и 533).

Л. 307. Въ тот же днь слово о покааніи. Нач. Доколе лежедши, аще съгрѣшаеши, в послѣдній днь, на немъ же одрѣ лежащи дшу влекій, хотя изыти от житіа сего покайся.

Л. 307 об. Въ тот же днь слово о чести священникъ. Нач. Бгносный Ігнатій повелеваетъ, глѣ еппмъ, внимайте да Бъ и ваша дша пріиметъ і спетъ.

Л. 308. Мца Августа въ 1 днь пооученіе от евгліа. Нач. Гу нашему Іс Ху въ евгліи глущу, аще не излиха будетъ правда ваша, множае книжники и фарисеи, неимате ввити въ цртво нбное.

Л. 311 об. Мца августа въ 6, Анастасіа, смиреннаго мниха стѣа горы синайскіа, слово на стое Преображеніе Га нашего Іс Ха, реченное на той же горѣ Фаворстей въ праздник. Нач. Яко страшно мѣсто се, оудивляем азъ съ патріархом Іаковомъ праздничныа горы възпїя.

Л. 317. Мца августа въ 15 днь, Григоріа, мниха презвитера, слово на всечтвое оуспеніе Прстыа Влдца нашеа Бца. Нач. Гаврііла зрю чиноначалствующа на земли и нбныа силы възывающа (Цамвлака).

Л. 319 об. Сказаніе о нерукотворенномъ образѣ Га нашего Іс Ха. Нач. Рече нѣкто от прѣвыхъ црковникъ, живописецъ сый, о влдчемъ нерукотворенномъ образѣ.

Л. 320. Въ тотъ же днь, повѣсть написана, иже въ стых оцемъ нашимъ Григоріемъ, еппомъ Нисскимъ, о обрѣтеніи нерукотвореннаго и пречтнаго образа Га нашего Іс

Ха, иже въ Камудіанѣхъ. Нач. Гь ншъ Іс Хс, праведный і истинный Бъ ншъ, иже существомъ бжества невидимъ.

Л. 321. Мца августа въ 29, слово Григоріа мниха и презвитера, на оусѣкновение чтныа главы стго і славнаго пррка прдтчі и кртля Іоанна. Нач. Паки Іоудѣа жадаєт пррчесіа крове, паки прркоубійствомъ дышетъ (Григоріа Цамвлага).

Л. 324 об. Мца ноемвріа въ 8, съборъ архаггла Михаи-ла. Нач. Хотя преблгій члклоубецъ Бъ нашъ Іс Хс всего мира сътворитъ от небытіа, пръвое помысли нбныа силы (Отпечатано г. Розовымъ въ „Чтеніяхъ Моск. Истор. Общ.“ 1847 г., № 8, отд. IV, 1—21. См. Оп. Рум. Муз. 167. 227. 234; Царск. 88. 142. 381; Толст. 382; надписывается име-немъ св. Кирилла или св. Кирилла философа; въ Сборн. библ. Іосиф. Волокол. мон. именемъ Авраамія. См. Изв. Ак. І в. т. VШ, стр. 326—327; Обз. русск. дух. лит. § 51).

Л. 324 об. Въ тот же день сказаніе неисповѣдимаго чю-деси великаго архаггла Михаила, сведено въкратцѣ. Нач. Многих и великих блгодѣаній Бжіаа къ члком архггль Ми-хаиль сей быст ходатай и помощникъ (Ср. Оп. ркп. цер. арх. М. при Кіев. д. Ак. вып. II, стр. 451).

Л. 325 об. Мца ноемвріа въ 25 страсть стья мчнци Хвы Екатерины. Нач. Лѣта тридесятаго пртвующа нечести-ваго пря Максентія, бѣ много влѣхвованіе кумиромъ.

Л. 332. Мца декевріа въ 16 память стго пррка Аггеа и память блженное Θεοφаны прци, жены Леона славнаго пря. Нач. Василій от Македоніа, Андріана града, в то вре-мя скипетры дрѣжа греческіа области, роди сна Леона (последніе листы затеряны).

№ 10 (104). Патерикъ азбучный и іерусалимскій ру-копись полууставъ, XVI в., въ 4 ку листа, на 224 лист-кахъ, съ пробѣлами, безъ заглавнаго и начальнаго ли-стовъ (Слич. Опис. рук. Румянц. Муз., стр. 435; Оп.

Св.-Тр. Серг. библ. ч. III, № 701; азб. Пат. Унд. № 224).

№ 11 (113). „Главы книги стго Діонисія Ареопагита“, рукопись полууставъ, XV в., въ 8-ку л., на 623 листкахъ, съ предисловіемъ монаха Исаіи (составъ рукописей см. выше № 8).

№ 12 (114). Іоанна Лѣствичника Лѣствица, полууст., XVI в., въ 8-ку, на 290 листахъ; заглавная заставка кинорварная изъ перевитыхъ круговъ (Слич. Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б. ч. I, № 155).

Л. 1. Посланіе отца Іоанна игоумена Раиѣоу къ Іоанноу досточюдному игоуменоу горы Синайскыя.

Л. 2 об. Скрижали дховныя. Іоаннъ Іоаннови радоватися.

Л. 4 об. Предословіе слова, емоу же именованіе Скрижали дховныя.

Л. 6. Лѣствица Бжтѣвнаго вѣсхода.

Л. 7. Житіе вѣкратцѣ оца Іоанна, игоумена стыя горы Синайскыя, нареченнаго Схоластика, въ стыхъ по истинѣ, списа же ся житіе сіе отъ Давила инока смѣренаго раиѣскаго. Оче блви.

Л. 13. Заглавіе Лѣствицы: Слово постничьское отца Іоанна, игоумена иже въ Синаи горѣ мнихомъ, о отвѣрженіи суетнаго житія, еже и посла къ отцу Іоанну, игоуменоу раиѣскаго, понужденъ бысть отъ него списати.

Л. 290 об. Подпись: простите мя раба Бжїа недостойнаго Андреа з Витебска отколидевичь Еремеевича.

№ 13 (117). Житія святыхъ, рукопись полууставъ, съ датою 1626 г., въ 8-ку, на 288 листкахъ, безъ заглавнаго, начальныхъ и конечныхъ листовъ. Здѣсь заключаются слѣдующія жизнеописанія святыхъ:

Л. 1. Мца іюня въ 12 днь, житіе и жизнь стго преподобнаго отца нашего Петра Аѣонскаго. Блви Оче. Нач. Еже стыхъ житія, и яже тѣхъ боголюбезную жизнь, написано положить (Слич. Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б. ч. III, № 685, л. 232).

Л. 23 об. Мца декемврія 13 мученіе стых мученигъ Евстратіа, Авксентіа, Евгеніа, Мардаріа и Ареста. Блви Оче. Нач. Црствующу Діоклетіану и Максиміану вся власть римськаа безбожныа коумирьскыа лъсти исполнена бяше (См. тамъ же ч. III, № 758, л. 376).

Л. 51. Мца генуаря въ 1 днь, повесть о великомъ блаженномъ Василию, чюдесе рад еже о Юліанѣ прѣстоупницѣ. Блви Оче. Нач. Въ то время Іуліанѣ отступный царь идый на Пръсы (Изъ житія Василія Великаго, составл. Амфилохіемъ Иконійскимъ. См. Curs. Compl. Patrol., Lat. t. LXXIII; Св. Оп. ркп. Рум. Муз. № 434; См. Оп. ркп. ц.-арх. Муз. при Кіев. Акад. в. III, № 573, л. 62).

Л. 56 об. Мца генваря 16 день, житіе и жизнь преподобнаго оца нашего Андоніа великаго, списано Афанасіемъ Александрійскимъ. Нач. Доброу реть въздвигоусте къ иже въ Египтѣ мнихомъ въ еже спстися (См. Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. библи. ч. III, № 763, л. 310).

Л. 122. Житіе и жителъство иже въ стыхъ оца нашего исповѣдника Афанасіа великаго, архиеппа александрійскаго. Блви Оче. Нач. Иніа оубо иная блженных мужъ въспоминаніи къ добродѣтелномоу указанію и рвенію да скажутъ и слоухомъ бголюбивыхъ сіа да предають (См. тамъ же ч. III, № 758, л. 437).

Л. 164. Житіе Іоанна Богослова безъ начала, приписываемое ученику его Прохору.

Л. 234. Мца Септеврія 26 день, поученіе на память стго апла и евлиста Іоанна Богослова. Нач. Паки намъ свбсъ приде великій Іоаннъ, паки слова Ба повѣдаа (Іоанна Злестоустаго. См. Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б. ч. I, № 83, л. 93).

Л. 239. Въ пятокъ сырныя недѣли слово стго оца нашего Василія о стѣмъ постѣ. Нач. Въстроубите речъ въ новомесячноую трубою въ нарочитый днь праздника вашего (Въ Острож. изданіи 1594 г. это послѣднее слово. См. тамъ же ч. I, № 129, л. 191).

Л. 254. об. Мца марта въ 5 днь житіе Іакова черно-
рица многым оумиленіе. Блви Оче. Нач. Многих блгыня и
и дши полѣзныя добродѣяніи и заповѣдемъ Спасовамъ жити
начинающимъ доброе смѣренія приобрѣтеніе ходатай бы-
ваетъ...

Л. 275. Слово о кленоущихся въ лжи именемъ Бжіимъ
стго Іакова. Нач. Въспоминаю вамъ и глѹ, прежде всего,
братіе моя, не кленитесь именемъ Бжіимъ...

Л. 276. О исповѣданіи грѣховъ. Нач. Иже аще хочеть
исповѣдати грѣхи своя съ слезами, яко слѣзы смиреніе при-
носятъ (последніе листы затеряны).

№ 14 (118). „Книга глаголемая патерикъ Скитскій, в
ней же повѣсти стыхъ отцъ и словеса полезная прѣбныхъ
и бгодуховенныхъ отцъ, иже конечнаго ради любуудріа
пустыню и пещеры горскіи постигшихъ, по словеси, якоже
рече Двдъ: се удалихъся бѣгая и водворихъся въ пустыни,
чаяхъ Бга спасающаго мя, имъ же образомъ обрѣтоша иско-
мое вину кійждо аки обрѣтательницу желаемыхъ хотящимъ
наслѣдовати показа“, рукопись полууставъ, XVII в., въ
4-ку, на 368 листкахъ (Слич. Оп. ркп. ц.-арх. Муз. при
Кіев. дух. Ак. в. III, стр. 568, и Оп. ркп. Св.-Тр. Серг. б.
ч. I, № 37).

Л. 132 об. Отъ третіаго надесеяте словесе отъ поуче-
ніа, в немже глет, еже не богатѣти лихѹ, слово 16. Нач.
Да тѣмъ оубо того не отсѣче единою, ни еже без оума при-
нуди.

Л. 134. О смотрѣніи, слово 17. Нач. Рече авва Анто-
ній, яко суть етери стрѣше телеса своя пощеніемъ и зане не
имѣша разсмотренія, далече отъ Ба быша.

Л. 164 об. Яко подобаетъ бодрѹ быти о всемъ, слово
18. Нач. Братъ въ проси отца Арсенія слышати слово.

Л. 180 об. Яко подобаетъ молитися выну съ бодростію,
слово 19. Нач. Глаху о отци Арсеніи, яко вечеръ въ субо-
ту приходящи недѣли, оставляше слнце за собою.

Л. 188 об. Яко подобаєть странники прїимати и миловати съ кротостію, слово 20. Нач. Идоша иногда етери отци къ оцу Іосифу въ Панефѣ, да въпросятъ и о стрѣтеніи братіи.

Л. 194. О блаженнѣмъ послушаніи, слово 21. Нач. Блаженный авва Арсеній рече иногда Александру, егда не достаютъ ти фаліа, прїиди вкуси съ мною.

Л. 208. О смиреннѣй мудрости, слово 22. Нач. Авва Антоній оутруждаєся къ глубинѣ судебъ Божіихъ, въпроша, глѣ: Ги, едины како мало живше оумирають, а друзіи престарѣвшесѣ?

Л. 230 об. Яко подобаєть претрѣпѣти обиду. Слово 23 Нач. Глаху братіа о оци Елладѣ, яко имѣаше си книги кожныа, достойны суща 16 златницѣ.

Л. 241. О любви, слово 24. Нач. Рече авва Антоній, азъ оубо Бга не боюся, но люблю Его, любы бо отгонить страхъ.

Л. 249. О прозорливыхъ, слово 25. Нач. Оцю Антонію явисѣ въ пустыни, яко естъ подобенъ тебѣ въ градѣ ученіемъ врачъ, лишшее свое даа требующимъ; и на всякъ часъ трстое поєтъ съ агглы.

Л. 287 об. О творящихъ знаменіа, слово 26. Нач. Глше авва Дулъ, учнкъ оца Висаріона, яко идущимъ намъ иногда при мори, въжадахъ и рѣхъ оцю Висаріоноу.

Л. 294 об. О житіи доброразличнѣ стомѣ, слово 27. Нач. Повѣда авва Дулъ, глѣ, яко ходѣа иногда въ пустыни, азъ и оцъ мой Виссаріонъ, прїйдоховѣ на етеру пещь.

Внизу по листамъ, съ 1—9, скорописью подписъ. „Іеромонахъ Генадій Шмаровскій сию книгу глаголемую патерикъ великаго скита надалѣ до обители Свтой Троици Чернилявской монастыра названаго под градомъ Яворомъ, который має тамъ навсєгда (прєбывати)“.

ОТДѢЛЪ II.

Книги проповѣдническія и религіозно-нравственнаго содержанія.

№ 15. (100). „Поученія на недѣли и праздники“, рукопись полууставъ, XVIII в., въ листъ, на 382 листахъ, безъ начала и конца, на малороссійскомъ нарѣчїи, съ подписью внизу листовъ отъ 7—15 л.: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Сія книга рекома Евангеліе священнаго іерея Анѣдрея пароха (приходскаго священника) Корпиловскаго вручена священнымъ іереемъ Даніиломъ Влоцѣмѣрскимъ руками своими владычными и жены его Татіаны року 1756“.

Первое поученіе написано на недѣлю »Слѣпнаго«. Начин. Слушна есть рѣчь первѣй для лѣпшого вырозумѣня припомянуги о кривизи (въ Си)луамѣ.

Л. 4. Наука Възнесенія Гня. Евгліе отъ Марка, зач. 71. Въ онъ часъ, кды сѣдѣли оу стола единнадцать оучиковъ, оуказался имъ Гь Іс и пр. Нач. Дня инѣйшняго, брата намилѣйшія, Хс Гь, збавитель нашъ, докончивши sprawy спсенія нашего, вступилъ есть до нба.

Л. 7. Недѣля 7 по Пасцѣ Стыхъ Отець. Евгліе отъ Іоанна, зач. 56. Въ онъ часъ, поднеслъ Гь Іс очи свои в нбо и реклъ и пр. Нач. Нѣмашъ того члка на свѣтѣ, который бы ся нерадъ веселил и был доброй.

Л. 10 об. Поученіе в недѣлю Пентикостія. Іоан. зач. 26. Въ остатній великій день праздника стануль Гь Іс и заволавлъ мовячи и пр. Нач. Яко цѣсаръ, або кроль якій, юже на крлвство обраный, але еще не корунованный, поразивши непріятелъ свои, з великимъ весѣліемъ наvertsается до крлвства своего.

Л. 13 об. Наука въ недѣлю Стыя и живоначальныя Троици. Евангеліе Мѣ. зач. 75. Реклъ Гдь своимъ оучникомъ: стережѣте, абысте невзгордили ни единого с тыхъ малючкихъ

всѣ оставшіеся въ Академіи студенты говѣли, исповѣдывались и Св. Таинъ приобщались. Бывшими же въ отпуску студентами, за исключеніемъ еще не явившагося Θεодора Добржанскаго, а также священникомъ Іаковомъ Головковскимъ, хотя не бравшимъ отпуска изъ Академіи, но не бывшимъ на исповѣди у академическаго духовника, представлены нужныя свидѣтельства о бытіи ихъ у исповѣди. Всѣ таковыя свидѣтельства при семъ прилагаются вмѣстѣ съ исповѣдною вѣдомостію академическаго духовника іеромонаха Антонія“

Справка. Студентъ Θ. Добржанскій явился въ Академію 14 марта и представилъ свидѣтельство о бытіи на исповѣди.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

V. Отношенія: а) Ректора С. Петербургскаго Университета отъ 16 февраля за № 239 съ препровожденіемъ экземпляра „Протоколовъ засѣданій Совѣта С.Петербургскаго Университета за 1-ю половину 1879/80 академическаго года съ предложеніями“ и б) Капеллана 5 и 6 кавалерійскихъ дивизій, почетнаго каноника Станислава Фелинскаго отъ 17 февраля за № 38 съ препровожденіемъ трехъ экземпляровъ составленнаго имъ на польскомъ языкѣ „краткаго римско-католическаго катихизиса“.

Постановлено: Книги передать въ академическую бібліотеку и о полученіи ихъ увѣдомить съ выраженіемъ благодарности.

VI. Письмо Людмилы Николаевой Мاستридовой отъ 18 февраля: „Имѣю честь препроводить при семъ копію съ духовнаго завѣщанія покойнаго дяди моего Д. С. С. Наеанаила Петровича Соколова, и покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи увѣдомить меня въ возможно непродолжительномъ

времени, какъ угодно будетъ Совѣту распорядиться завѣщанной въ пользу Академіи суммой 10,000 р. с.“

Копія съ духовнаго завѣщанія: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, я Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Нааанайя Петровъ Соколовъ, находясь въ здоровѣ умѣ и твердой памяти, желая распорядиться на случай моей смерти имѣющимъ остаться послѣ меня движимымъ имѣніемъ, настоящимъ завѣщаніемъ постановляю: 1-е, изъ капиталовъ моихъ сорокъ тысячъ рублей, именно хранящихся въ Самарскомъ Отдѣленіи Волжско-Камскаго Банка тридцать семь тысячъ рублей и процентовъ по первое января сего тысяча восемьсотъ восемьдесятъ перваго года двѣ тысячи тридцать пять рублей и дальнѣйшіе проценты, завѣщаю въ православныя духовныя—Санктпетербургскую, Московскую, Кіевскую и Казанскую—Академіи, по равной части, на стипендіи для бѣдныхъ студентовъ; если же, въ день исполненія завѣщанія, вышесказаннаго капитала будетъ менѣ сорока тысячъ рублей, то оный пополнить до сорока тысячъ рублей изъ денегъ, завѣщанныхъ мною по сему же завѣщанію племянницѣ моей Людмилѣ Матридовой; 2-е, затѣмъ остальной капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ съ процентами, акціяхъ Волжско-Камскаго Коммерческаго Банка и въ наличныхъ деньгахъ, всего до двадцати тысячъ рублей. завѣщаю родной племянницѣ моей, дочери Коллежскаго Ассесора, Людмилѣ Николаевнѣ Матридовой въ ея полную собственность и изъ этого же капитала употребить часть на устройство приличнаго погребенія мнѣ и поминовенія; и 3-е, все мое движимое имущество, заключающееся въ золотыхъ и серебряныхъ вещахъ, платьѣ, книгахъ, картинахъ и другихъ предметахъ, находящееся въ моей квартирѣ и извѣстное моей племянницѣ,—предоставляю въ полную собственность ей же, племянницѣ моей, Людмилѣ Николаевнѣ Матридовой. Аминь“.

Постановлено: По полученіи завѣщанной суммы войти установленнымъ порядкомъ съ представленіемъ въ Святѣйшій Синодъ объ учрежденіи при Киевской дух. Академіи, съ Высочайшаго разрѣшенія, стипендій съ наименованіемъ ихъ „стипендіями Дѣйств. Статск. Совѣтника Нае. Петр. Соколова“ и съ назначеніемъ ихъ „для бѣдныхъ студентовъ“, такъ что изъ числа кандидатовъ, одинаково заслуживающихъ стипендіи по своимъ успѣхамъ и поведенію, дается предпочтеніе болѣе недостаточнымъ.

VII. Докладъ секретаря Совѣта Академіи: «Предъ началомъ академическаго года, не позже первой половины апрѣля каждаго года, уставомъ дух. академій (§§ 124 и 86 В. 1) и указомъ Св. Синода отъ 13 мая 1870 года за № 1046 требуется отъ Совѣта Академіи представлять Святѣйшему Синоду о вызовѣ семинарскихъ воспитанниковъ въ составъ новаго академическаго курса въ слѣдующемъ учебномъ году и вмѣстѣ съ симъ объявлять объ имѣющемъ быть приѣмѣ въ Академію для желающихъ поступить въ оную волонтерами. При семъ долгъ имѣю представить какъ справку изъ дѣлъ Академіи о вызовѣ семинарскихъ воспитанниковъ въ предшествовавшіе годы, такъ и экземпляръ прошлагодняго печатнаго объявленія „о приѣмѣ воспитанниковъ въ Киевскую дух. Академію“ для измѣненій или дополненій, какія Совѣту Академіи благоугодно сдѣлать въ немъ для настоящаго года“.

Справка. 1. Для имѣющаго образоваться перваго курса по штату Академіи положено для студентовъ 30 казенно-коштныхъ вакансій и съ января 1880 года добавлено еще 15 таковыхъ же вакансій; кромѣ того имѣются двѣ стипендіи Киевскаго городского общества.

2) Въ 1875, 1877 и 1879 годахъ вызовъ лучшихъ воспитанниковъ былъ обращенъ преимущественно къ семинаріямъ бывшаго Киевскаго учебнаго округа съ присоеди-

неніемъ одной или двухъ семинарій другихъ округовъ: С. Петербургскаго, Московскаго и Казанскаго.

Постановлено: Сообразно съ предписаніями Св. Синода и по примѣру 1875, 1877 и 1879 годовъ назначить къ вызову въ составъ новаго курса Кіев. дух. Академіи изъ духовныхъ семинарій: Кіевской 4 воспитанника, Волынской и Воронежской по 3, Кишиневской, Курской, Подольской и Полтавской по 2, Донской, Екатеринославской, Минской, Могилевской, Одесской, Орловской, Рязанской, Таврической Тамбовской, Тифлисской, Харьковской и Черниговской по 1 воспитаннику, всего изъ 19 Семинарій 30 воспитанниковъ, оставивъ 15 казеннокоштныхъ вакансій для лучшихъ изъ волонтеровъ. О чемъ чрезъ Высокопреосвященнѣйшаго Филоея Митрополита Кіевскаго, на основаніи уст. дух. акад. § 86. В. 1., представить въ Святѣйшій Синодъ. Предметами повѣрочныхъ испытаній, при предстоящемъ приѣмѣ воспитанниковъ въ Академію, по примѣру прошлаго года назначить а) догматическое богословіе (или православный христіанскій катихизисъ—для окончившихъ курсъ въ гимназіи) б) общую древнюю церковную исторію, в) логику, г) одинъ изъ древнихъ языковъ—греческій или латинскій, по выбору экзаменующихся, д) одно сочиненіе на тему литературнаго содержанія, е) одно сочиненіе на тему философскаго содержанія и ж) одно сочиненіе на тему богословскаго содержанія. Объявленіе объ условіяхъ приѣма въ Академію напечатать въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи“. При печатаніи объявленія въ семъ послѣднемъ журналѣ сдѣлать двѣ сотни особыхъ оттисковъ и разослать ихъ по духовнымъ семинаріямъ и классическимъ гимназіямъ.

VIII. Составленное помощниками ректора по учебной части расписаніе предстоящихъ испытаній студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ Кіевской Академіи за 1880/81 учебный годъ.

Справка. Назначеніе времени и порядка производства испытаній въ Академіи, по уст. дух. акад. § 86. В. 2., относится къ дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію Совѣта и представляемымъ на утвержденіе епархіальнаго Преосвященнаго.

Постановлено: Составленное помощниками ректора и разсмотрѣнное въ семъ собраніи расписаніе испытаній студентовъ Академіи при семъ журналѣ представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Филофея Митрополита Кіевскаго и Галицкаго. При производствѣ испытаній соблюдать прежнія, установленныя на сей случай, правила.

IX. Докладъ секретаря Совѣта Академіи: „По II ст. журнала общ. собр. Совѣта Академіи постановлено: на имѣющій быть въ *Тифлисѣ* въ началѣ сентября сего 1881 года *Археологическій Сѣздъ* депутатомъ отъ Кіевской Академіи командировать ординарнаго профессора Ник. *Петрова*, а о назначеніи ему пособія для исполненія этой командировки имѣть сужденіе въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта Академіи“.

Справка. На 2-й Археологическій Сѣздъ, бывшій въ С. Петербургѣ въ декабрѣ 1871 г., Совѣтомъ Кіевской Академіи командированъ былъ въ качествѣ депутата экстраорд. профессоръ ея П. Лашкаревъ, которому дано было для исполненія сего порученія денежное пособіе въ количествѣ 250 рублей. Третій Археологическій Сѣздъ въ 1874 году былъ въ гор. Кіевѣ и назначенные отъ Академіи депутаты исполнили данное порученіе безмездно. На 4-мъ Археологическомъ Сѣздѣ въ гор. Казани въ 1877 году былъ депутатомъ отъ Академіи экстр. проф. Ф. Терновскій, который получилъ пособіе отъ Совѣта Академіи въ количествѣ 125 рублей. Означеннымъ профессорамъ выдавалось пособіе изъ

спеціальної процентної сумми съ благотворительнаго капитала, расходъ которой предоставленъ „усмотрѣнію Совѣта Академіи“. Этой сумми въ настоящее время имѣется 235 р. 4 к. и по смѣтѣ Академіи на 1881 годъ ожидается 1074 р. 61 к.

Постановлено: Профессору Н. Петрову, избранному Совѣтомъ на V-й Археологическій Съѣздъ въ качествѣ депутата отъ Киевской дух. Академіи, назначить въ пособіе 300 рублей; о чемъ и сообщить Правленію ея для зависящаго распоряженія о выдачѣ сихъ денегъ изъ процентной сумми, расходъ которой предоставленъ „усмотрѣнію Совѣта Академіи“.

Х. Сданное Высокопреосвященнѣйшимъ Филоеемъ Митрополитомъ Киевскимъ 11 марта 1881 года въ духовную Академію для надлежащаго распоряженія отношеніе г. Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 10 того же марта за № 1021: „Имѣю честь препроводить къ Вашему Высокопреосвященству списокъ лицъ духовно-учебнаго вѣдомства Киевской епархіи, утвержденныхъ въ гражданскихъ чинахъ частію по занимаемымъ нынѣ или прежде должностямъ и частію по ученымъ степенямъ, съ узаконеннымъ старшинствомъ, возвращая при особой описи документы, препровожденные при отношеніяхъ Вашихъ отъ 18 іюля и 31 декабря 1879 года за №№ 658 и 682.

Списокъ лицъ духовно-учебнаго вѣдомства Киевской епархіи, утвержденныхъ указомъ Правительствующаго Сената (по Департаменту Герольдіи) отъ 5 февраля 1881 года за № 755 въ гражданскихъ чинахъ:

Статскаго Совѣтника—ординарный профессоръ Академіи Петръ *Линицкій*, со старшинствомъ съ 30 апрѣля 1877 г., по настоящей должности, со дня занятія оной.

Коллежскаго Совѣтника—экстраординарные профессора Академіи: Иванъ *Корольковъ*, со старшинствомъ съ 22 апрѣля 1877 г. и Митрофанъ *Ястребовъ* съ 26 января 1879 г.,—по настоящей должности, со дня занятія оной.

Надворнаго Совѣтника—экстраординарные профессеры Академіи: Михаилъ Ковальмицкій, со старшинствомъ съ 13 іюня 1869 г., Феодоръ Смирновъ съ 30 января 1871, Акимъ Олесьицкій съ 13 іюня 1869 и Алексѣй Розовъ съ 14 ноября 1870,—по прежней должности доцента той же академіи, со двѣ занятія оной.

Коллежскаго Ассесора—инспекторъ Семинаріи Павелъ Игнатовичъ, со старшинствомъ съ 30 сентября 1857 г., т. е. по прослуженіи четырехъ лѣтъ въ должности преподавателя семинаріи со степенью магистра богословія, на точномъ основаніи 740, 745 и 748 ст. Уст. Служб. Прав. Т. III. Свод. Зак. изд. 1857 г.

Титулярнаго Совѣтника—профессеры Академіи: ординарные—Стефанъ Сольскій со старшинствомъ съ 14 октября 1861 и Александръ Вороновъ съ 30 октября 1862, экстраординарные—Петръ Лаишаревъ съ 13 октября 1859 и Филиппъ Терновскій съ 30 октября 1862 г.,—по степени магистра духовной Академіи, со дня поступленія на службу.

Постановлено: О состоявшемся утвержденіи 11 профессоровъ Академіи въ гражданскихъ чинахъ объявить имъ и записать въ послужные списки ихъ. Возвращенные изъ Департамента Герольдіи аттестаты и дипломы выдать имъ подъ расписки въ описи. За тѣмъ объ утвержденіи въ чинѣ инспектора Киевской д. Семинаріи П. Игнатовича сообщить Правленію сей Семинаріи съ приложеніемъ метрическаго свидѣтельства и магистерскаго диплома его.

XI. Отношеніе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 11 марта за № 1040: „Отъ 10 марта за № 1021 г. Товарищъ синодальнаго Оберъ-Прокурора сообщилъ Преосвященному Митрополиту Филовею списокъ профессоровъ Киевской дух. Академіи, утвержденныхъ Правительствующимъ Сенатомъ въ гражданскихъ чинахъ частію по занимаемымъ должностямъ и частію по ученымъ степенямъ.

Такъ какъ восьмерымъ изъ поименованныхъ въ спискѣ профессоровъ отдано въ старшинство такое число лѣтъ, что вслѣдъ за симъ они могутъ быть вновь произведены въ слѣдующіе чины, то посему Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Кіевской дух. Академіи, на основаніи 5 п. 294 ст. Уст. Служб. Прав. Свод. Зак. т. III изд. 1876 года и примѣч. къ ст. 295 того же тома и Устава (по прод. 1879 г.), нынѣ же войти установленнымъ порядкомъ съ представленіемъ означенныхъ лицъ къ производству въ слѣдующіе чины за выслугу лѣтъ, дабы они могли быть внесены въ общее представленіе о семъ, которое имѣетъ быть сдѣлано Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода Правительствующему Сенату въ концѣ будущаго апрѣля“.

Справка. Выслужили сроки на слѣдующіе чины 8 профессоровъ, изъ коихъ 4-ро состоятъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника и 4-ро надворнаго совѣтника. На основаніи 341 ст. Уст. Служ. Правит. Т. III. Свод. Зак. изд. 1876 г. для производства изъ IX класса, соотвѣтствующаго чину Титулярнаго Совѣтника, въ VIII классъ, соотвѣтствующій чину Коллежскаго Ассесора, полагается трехлѣтній срокъ выслуги, а изъ VII класса (чина Надворнаго Совѣтника) въ VI классъ (чина Коллежскаго Совѣтника) требуется выслужить четыре года. На семъ основаніи и въ виду числа лѣтъ, отданнаго Сенатомъ въ старшинство при утвержденіи въ чинахъ, какъ видно изъ предыдущей (X) статьи сего журнала, могутъ быть произведены въ чинъ Коллежскаго Ассесора профессеры: ординарные Ст. Сольскій и А—ръ Вороновъ, экстраординарные профессеры—Петръ Лашкаревъ и Филиппъ Терновскій, а въ чинъ Коллежскаго Совѣтника экстраординарные профессеры: Акимъ Одесницкій, Мих. Ковальницкій, А Розовъ и Ѳ. Смирновъ,—все со старшинствомъ по закону.

Постановлено: Установленнымъ порядкомъ представить

къ производству въ чины: Коллежскаго Ассесора—ординарныхъ профессоровъ Стефана Сольскаго со старшинствомъ съ 14 октября 1864 года и Александра Воронова съ 30 октября 1865 года, экстраординарныхъ профессоровъ Петра Лашкарева съ 13 октября 1862 года и Фил. Терновскаго съ 30 октября 1865 г.; Коллежскаго Совѣтника—экстраординарныхъ профессоровъ Акима Олсвицкаго со старшинствомъ съ 13 іюня 1873 года, Мих. Ковальницкаго съ того же 13 іюня 1873 г., Алексѣя Розова съ 14 ноября 1874 г. и Ѳ. Смирнова съ 30 января 1875 г., такъ какъ всѣ означенные профессоры своею службою приобрѣли полное право на таковое производство.

ХІІ. Сданное Его Высокопреосвященствомъ 23 февраля 1881 года въ Академію для надлежащаго распоряженія отношеніе Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 12 того же февраля за № 2315: „Англійскій миссіонеръ Джемсъ Лонгъ, посѣтивъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ наши Духовныя Академіи и замѣтивъ въ библіотекахъ недостатокъ англійскихъ книгъ, озабочился, по возвращеніи своемъ въ Лондонъ, собрать самъ и чрезъ знакомыхъ ему издателей, значительное количество англійскихъ сочиненій для каждой изъ Академій, и доставилъ, при письмѣ на мое имя, четыре ящика съ книгами, въ одинаковомъ составѣ и количествѣ для каждой Академіи. Сдѣлавъ, вмѣстѣ съ симъ, распоряженіе объ отсылкѣ одного изъ упомянутыхъ ящиковъ въ Кіевскую духовную Академію для библіотеки оной чрезъ посредство Россійскаго Общества транспортированія кладей, имѣю честь уведомить о вышеизложенномъ Ваше Высокопреосвященство“.

Справка. Ящикъ съ англійскими книгами еще не полученъ.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію, а книги, по полученіи, сдать въ академическую библіотеку.

ХІІІ. А) Отношенія а) Директора Института Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства отъ 18-го февраля за № 830 съ приложеніемъ „записокъ сего Института, годъ 4-й, 1879“, для библіотеки Кіевской дух. Академіи и съ просьбою о полученіи увѣдомить и продолжать высылку изданій Академіи; б) Канцеляріи Митрополита Новгородскаго и С. Петербургскаго отъ 17 февраля за № 490 съ препровожденіемъ, по распоряженію Его Высокопреосвященства, шести тетрадей изданія: «Bulletin de l' Akademie Imperiale des sciences de St.Peterburg, именно томы XXV № 4 и 5, XXVI № 1, 2 и 3, XXVII № 1.

Б) Докладъ секретаря Совѣта Академіи: «Съ половины февраля до сего времени, кромѣ высылаемыхъ различными учеными и учебными учрежденіями періодическихъ изданій ихъ, получены подъ бандеролью, безъ особыхъ препроводительныхъ бумагъ, слѣдующія книги и брошюры: а) Отчетъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей съ 1 ноября 1879 г. по 14 ноября 1880 г., б) Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, вып. 1-й, 1880, в) отъ Пантусова изданный имъ текстъ писаннаго на турецкомъ Таранчинскомъ нарѣчій сочиненія „Война Мусульманъ противъ Китайцевъ“, г) отъ переводческой Коммисіи при Братствѣ св. Гурія три брошюры: 1) «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній, 1880», 2) Букварь для Чувашъ, Казань, 1880, и 3) „Краткій Татарско-русскій словарь, Казань 1880 г.“

Постановлено: Книги сдать въ библіотеку Академіи и о полученіи ихъ увѣдомить съ выраженіемъ благодарности.

XIV. Донесеніе заслуженнаго ординарнаго профессора Ив. Малышевскаго отъ 12 марта 1881 года: „Согласно постановленію Совѣта отъ 16 февраля сего года, рассмотрѣны

мною полученныя изъ Киевской дух. Консисторіи брошюры, которыя отобраны у штундистовъ и относительно которыхъ требуется Консисторіею отзывъ Совѣта о томъ, могутъ ли быть эти брошюры допускаемы для народнаго чтенія. Имѣю честь донести Совѣту, что часть этихъ брошюръ (именно пять) представляетъ отрывки изъ твореній святителя Тихона Воронежскаго и Задонскаго; брошюры эти могутъ быть безусловно допускаемы для народнаго чтенія. Въ остальныхъ (исключая двухъ, а именно „годоваго отчета общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи за 1876 годъ“ и листика подъ заглавіемъ «молитвенная пѣснь») можно усматривать оттънки протестантскихъ мыслей или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую зависимость отъ религіозно-назидательныхъ изданій протестантскаго происхожденія. Но какъ въ брошюрахъ рѣшительно преобладаетъ не догматическое, а нравственно назидательное содержаніе, въ виду чего онѣ, конечно, и разрѣшены были къ выпуску въ свѣтъ духовною цензурою, а нѣкоторыя даже рекомендованы Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для бібліотекъ народныхъ училищъ; то мнѣ кажется, что и онѣ могутъ быть допущены для народнаго чтенія. Возвращая при семъ экземпляры самыхъ брошюръ, считаю нужнымъ заявить, что было бы не лишне удержать по 1-му экземпляру этихъ брошюръ для бібліотеки Академіи, на что, безъ сомнѣнія, согласится Консисторія, если не предполагается возвратить ихъ тѣмъ, отъ кого онѣ отобраны“.

Постановлено: Возвратить Киевской дух. Консисторіи всѣ присланныя ею брошюры, съ поясненіемъ, что онѣ могутъ быть допускаемы для народнаго чтенія, и съ предложеніемъ предоставить Академіи по одному экземпляру ихъ, если онѣ не подлежатъ возврату тѣмъ, отъ кого получены.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ положена такая резолюція: „21 апрѣля 1881. Утверждается“.

1881 года 24 апрѣля.

Въ общемъ собраніи Совѣта Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора ея, присутствовали ординарные и экстраординарные профессора, кромѣ не бывшаго по болѣзни экстраординарнаго профессора Ф. Терновскаго.

Слушам: 1) Сданное Высокопреосвященнѣйшимъ Филоошемъ Митрополитомъ Кіевскимъ отношеніе г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 21 марта 1881 года за № 1282: «Доставленные при отношеніяхъ Вашего Высокопреосвященства, отъ 18 сего марта за №№ 39 и 40, адреса Кіевской духовной Академіи и духовной Семинаріи съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ по случаю мученической кончины въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, я имѣлъ счастье представлять на Высочайшее воззрѣніе, и Его Императорскому Величеству благоугодно было на всеподданнѣйшей запискѣ моей по сему предмету, въ 19-й день текущаго марта, собственноручно начертать: „благодарю искренно“. Долгомъ поставляю сообщить о семъ Вашему Высокопреосвященству для объявленія по принадлежности“.

Постановлено: Объ изложенномъ въ отношеніи г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода привести въ извѣстность всѣхъ состоящихъ на службѣ и учащихся въ Академіи и сообщить Правленію Кіевской духовной Семинаріи.

II. Представленіе Церковно-практическаго Отдѣленія отъ 24 апрѣля 1881 года: „Отдѣленіе въ засѣданіи своемъ 24 апрѣля, выслушавъ подробный отзывъ экстраординарнаго профессора П. Лашкарева о сочиненіи священника, магистра богословія, Михаила Горчакова „О тайнѣ супружества“, представленномъ въ Совѣтъ Кіевской духовной Академіи на степень доктора богословія, и обсудивъ достоин-

ство означеннаго сочиненія, мнѣніемъ постановило: признать сочиненіе удовлетворительнымъ для степени доктора богословія“.

Отзывъ экстраординарнаго профессора Кіевской духовной Академіи П. Лашкарева о сочиненіи профессора С.-Петербургскаго Университета священника Мих. Горчакова подъ заглавіемъ: „О тайнѣ супружества“.

„Предметъ сочиненія—50 глава печатной Кормчей книги. Авторъ поставилъ для себя задачею а) разяснить историческое происхожденіе этой главы, б) показать значеніе ея въ исторіи русскаго права и въ дѣйствующемъ законодательствѣ по предмету брака, и в) опредѣлить ея каноническое достоинство. Въ выборѣ предмета и въ постановкѣ задачъ для своего изслѣдованія авторъ руководился тѣмъ вліяніемъ, какое имѣла и отчасти имѣетъ составляющая главу статья на русское брачное право, съ одной стороны, а съ другой—отсутствіемъ въ русской литературѣ строго-научныхъ изслѣдованій о ней. Богатый и разнообразный матеріалъ, собранный имъ при изученіи исторіи источниковъ церковнаго права, давалъ ему сравнительно съ другими изслѣдователями большую возможность восполнить этотъ издавна чувствительный пробѣлъ въ нашей литературѣ.

Въ изслѣдованіи историческаго происхожденія главы, разобравъ мнѣнія по этому предмету Розенкампа, Неволлина, протоіер. Богданова и г. Павлова, и показавъ, что до послѣдняго времени съ опредѣлительною ясностію и достовѣрностію указанъ главный источникъ одной лишь (именно первой) части этой главы, а въ официальныхъ церковныхъ учрежденіяхъ, для которыхъ глава, въ силу появленія ея въ печатной Кормчей, служила и до извѣстной степени служить обязательнымъ руководствомъ, глава эта еще съ половины прошлаго столѣтія стала вызывать недоумѣнія относительно своего происхожденія, остающіяся безъ разрѣшенія,—авторъ поставилъ для себя задачею указать источники почти всѣхъ составныхъ частей, изъ которыхъ сла-

гается она. Авторъ дѣлаеть это, а) сопоставляя славянскій текстъ ея въ печатной Кормчей съ такимъ же ея текстомъ въ Требникѣ Петра Могилы, изъ котораго статья заимствована издателями Кормчей, б) параллельно съ славянскимъ текстомъ приводя оригинальный текстъ тѣхъ памятниковъ письменности, изъ которыхъ составитель статьи заимствовалъ матеріалъ для своего труда и оставляя безъ этой параллели лишь тѣ мѣста славянскаго текста, источникъ которыхъ остался ему неизвѣстенъ, и в) сопровождая тотъ и другой текстъ указаніями и замѣчаніями относительно самыхъ первоначальныхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствована та или другая часть главы.

Сопоставляя текстъ первой части статьи: „О тайнѣ супружества, сіе есть, законнаго брака“, съ текстомъ ея въ Требникѣ Петра Могилы, и приводя параллельно ей текстъ статьи: De sacramento matrimonii, помѣщенной въ римско-католическомъ Требникѣ, изданномъ въ Польшѣ при Сигизмундѣ III, авторъ находитъ, что первая часть 50 главы Кормчей книги, за исключеніемъ вступительныхъ понятий о бракѣ, представляетъ собою частію буквальный переводъ, частію передѣлку съ нѣкоторыми пополненіями статьи католическаго Требника, которая въ свою очередь представляетъ собою буквальное изложеніе буллы Папы Павла V, въ значительной мѣрѣ повторяющей опредѣленія по тому же предмету Тридентинскаго собора.

Переходя къ подобному же сопоставленію съ источниками второй части упомянутой главы, содержащей въ себѣ таблицы степеней родства и свойства, въ которыхъ запрещается вступленіе въ бракъ, авторъ въ виду того, что такихъ источниковъ въ нашей литературѣ указано не было, призналъ необходимымъ ознакомить предварительно читателя съ происхожденіемъ въ греческой церкви подобныхъ сочиненій о степеняхъ родства и указать тѣ изъ нихъ, которыя въ ближайшее къ составленію статьи Кормчей время имѣли по преимуществу предъ другими руководственное значе-

ніе. Остановившись, какъ на такихъ, на сочиненіяхъ хартофилакса Мануила, Захарія Скордилія и Мануила Малаксы, авторъ, за неимѣніемъ подъ руками сочиненій Скордилія, огривичился сопоставленіемъ славянскаго текста Кормчей только съ сочиненіями хартафилакса Мануила и Мануила Малаксы. Выводъ, къ которому вслѣдствіе такого сопоставленія пришелъ авторъ, выражается кратко въ томъ, что составители Петро-Могилянскаго Требника пользовались трудомъ хартофилакса Мануила, но не прямо, а чрезъ посредство послѣдующей редакціи, которою могла быть только передѣлка или Захарія Скордилія или Мануила Малаксы. Въ особенноти послѣдній отдѣлъ второй части статьи: „О сродствѣ еже отъ св. крещенія“, авторъ считаетъ заимствованнымъ изъ сочиненій Захарія Скордилія не ограничившагося, по его предположенію, передѣлкою статьи хартофилакса Мануила, но и восполнившаго трудъ своего предшественника извлеченіями изъ другихъ авторовъ.

Для послѣдней третьей части статьи: „О супружествѣ обще“, авторъ указываетъ источники въ Синтагмѣ Властара, въ Шестокнижій Арменопула, въ каноническихъ отвѣтахъ Вальсамона и отчасти въ Прохиронѣ Василия Македонянина, но находитъ также, что составитель статьи пользовался этими источниками не непосредственно, а изъ какого нибудь бывшаго у него подъ руками греческаго сборника, которымъ могъ быть тотъ же, не отысканный имъ, трудъ Захарія Скордилія.

Въ ислѣдованіи историко-юридическаго значенія 50 главы авторъ останавливается а) на значеніи главы въ исторіи источниковъ русскаго брачнаго права (въ исторіи права внѣшней), и б) на значеніи ея въ исторіи этого самаго права (въ исторіи внутренней).

Разсматривая значеніе главы въ исторіи источниковъ русскаго брачнаго права, авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о разнаго рода и разнаго каноническаго достоинства статьяхъ, служившихъ въ древней Россіи источниками брачнаго пра-

ва до изданія печатной Кормчей, указываетъ по отношенію къ нимъ особенности статьи Кормчей и раскрываетъ значеніе послѣдней, какъ источника права, на церковно-судебную практику послѣдующаго времени и на образованіе новыхъ въ связи съ нею источниковъ права. Длиннымъ спискомъ статей о бракѣ, считавшихся и служившихъ въ древней Россіи источниками брачнаго права,—статей, при многочисленности своей, разбросанности по многочисленнымъ сборникамъ и книгамъ, перемѣшанныхъ съ статьями не имѣющими никакого отношенія къ браку, не только въ отдѣльности, но и въ цѣлой совокупности своей не обнимавшихъ всѣхъ сторонъ брака, и при разнородности своей и разновременности своего происхожденія не рѣдко даже противорѣчивыхъ между собою, и пр. пр.,—авторъ какъ нельзя нагляднѣе даетъ видѣть тѣ затрудненія, съ какими должны были встрѣчаться древняя русская іерархія и древнее общество русское при разрѣшеніи вопросовъ брачнаго права. Но поясняя, какія въ виду такого состоянія древнихъ источниковъ брачнаго права услуги оказала статья „О тайнѣ супружества“ печатной Кормчей, представляющая собою въ извѣстной степени объединеніе, пополненіе и замѣну древнихъ источниковъ, авторъ съ неменьшею наглядностію уясняетъ и существенные недостатки этой статьи, какъ источника права на послѣдующее, послѣ изданія Кормчей, время. Эти недостатки, обнаружившіеся въ практическомъ примѣненіи статьи, и вызвали, по мнѣнію его, рядъ новыхъ источниковъ брачнаго права, которыхъ не знала древняя русская церковь. Къ такимъ источникамъ авторъ относитъ: судебныя рѣшенія Св. Синода, Высочайшія повелѣнія, разъяснительныя, руководственныя и законодательныя постановленія и указы Св. Синода, и проч., которыя, въ связи съ примѣненіемъ правилъ 50 главы Кормчей книги, сохраняютъ и до настоящаго времени свое значеніе въ дѣйствующемъ правѣ русской церкви.

Въ трактатѣ о вліянні 50 главы Кормчей на историческое развитіе различныхъ сторонъ самаго брачнаго права авторъ отдѣльно разсматриваетъ вліяніе ея на право матеріальное, и отдѣльно—на процессуальное. Въ первомъ отношеніи онъ именно этой статьѣ усваиваетъ установленіе господствующихъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ понятій о существѣ брачнаго союза, равно какъ и нѣкоторыхъ правилъ относительно порядка и условій заключенія брака; но обвиняетъ статью въ недостаточно точной юридической терминологіи относительно способовъ прекращенія брака при жизни супруговъ, принятой существующимъ законодательствомъ. Во второмъ отношеніи недостатками статьи, вызванными недоумѣніи при ея практическомъ примѣненіи, авторъ объясняетъ образованіе такъ называемаго ревизіоннаго процесса по дѣламъ бракоразводнымъ

Каноническое достоинство статьи авторъ опредѣляетъ а) степенью каноническаго авторитета той власти, которой статья обязана своимъ происхожденіемъ, б) отношеніемъ ея содержанія къ канонамъ вселенской церкви и законодательству церковей помѣстныхъ и в) отношеніемъ къ ней высшей правительственной власти русской церкви, въ предѣлахъ которой она принималась и принимается за источникъ права.

Насколько первая часть статьи представляетъ собою извлеченіе изъ католическаго источника, авторъ отказывается признать за нею какое бы то нибыло каноническое достоинство. За второю частью статьи, представляющею собою трудъ хартофилакса Мануила въ передѣлкѣ Мануила Малаксы или Захарія Скордилія, авторъ если и соглашается признать нѣкоторый авторитетъ офіціального источника права, то лишь на столько, насколько могли въ данномъ удѣлѣ помѣстной церкви пользоваться этимъ авторитетомъ произведенія такихъ должностныхъ лицъ, каковы были хартофилаксы и епитропы Константинопольскаго патріарха (Захарій Скордилій былъ епитропомъ послѣдняго). За третью

же чатию авторъ не признаетъ и такого значенія, потому что не видитъ въ ней никакихъ слѣдовъ официальной редакціи. Помѣщеніе всей статьи въ Требникъ Петра Могилы давало ей, по автору, временное значеніе руководственнаго постановленія въ предѣлахъ бывшей Кіевской митрополіи, но не акта законодательнаго; помѣщеніе же ея во 2-й части печатной Кормчей, хотя и вводило ее въ сборникъ памятниковъ законодательства церковнаго, не возвышало авторитета ея сравнительно съ тѣмъ, какой имѣла она и могла имѣть сама по себѣ какъ такой, а не другой памятникъ права.

Находя, за тѣмъ, что нѣкоторые изъ положеній статьи извлечены изъ каноновъ вселенской церкви, авторъ признаетъ за ними, отрывочно взятыми, безусловно обязательное значеніе; но положеніямъ и правиламъ, заимствованнымъ изъ постановленій соборовъ и патріарховъ константинопольскихъ и изъ государственныхъ узаконеній византийской имперіи, усвоетъ значеніе только временное и мѣстное для церкви константинопольской, но не для другихъ автокефальныхъ церквей.

Наконецъ, находя, что высшая правительственная власть церкви русской пользовалась положеніями и правилами статьи различнымъ образомъ: одни пероводила непосредственно въ законы, другія развивала и пополняла, а иныя признавала неудобопримѣнимыми и подвергала ограниченіямъ въ ихъ обязательной силѣ, за всею же въ совокупности статьею не признавала опредѣленнымъ и точнымъ образомъ каноническаго авторитета,—авторъ полагаетъ, что эта правительственная власть вправѣ замѣнить всю 50 главу Кормчей книги изданіемъ самостоятельнаго законодательнаго акта или руководственнаго наставленія по брачному праву, болѣе отвѣчающаго потребностямъ мѣстной автокефальной русской церкви.

Сужденія автора о каноническомъ достоинствѣ статьи, представляющія собою прямой результатъ изслѣдованій его о ея происхожденіи и отношеніи къ ней русской церковно-

правительственной власти, придаютъ труду его въ значительной мѣрѣ интересъ практическій. Смутныя представленія по этому предмету, высказывавшіяся не только въ литературѣ русской, но и въ официальныхъ сферахъ, неизбежно отражались колебаніями при практическомъ примѣненіи статьи къ разнаго рода вопросамъ брачнаго права, — статьи во многихъ отношеніяхъ малопримѣнимой къ условіямъ русской жизни и замѣненной позднѣйшими постановленіями, но въ цѣломъ ея видѣ положительнымъ законодательствомъ не отмѣненной. Но, независимо отъ интереса пракческаго, трудъ автора имѣетъ важное значеніе и въ отношеніи научномъ. Въ изслѣдованіи о происхожденіи 50 главы Кормчей авторъ, хотя и не успѣлъ дойти до непосредственнаго источника второй части этой главы, оказалъ исторіи русскаго церковнаго права несомнѣнную услугу приведеніемъ въ извѣстность памятниковъ, бывшихъ ей неизвѣстными, и разъясненіемъ генетической связи между этими памятниками и упомянутою частью главы. Въ изслѣдованіи историко-юридическаго значенія главы длинный рядъ приведенныхъ и обследованныхъ авторомъ статей, предшествовавшихъ своимъ появленіемъ печатной Кормчей, исчерпываетъ въ значительной мѣрѣ составъ древнихъ кормчихъ вообще, равно и другихъ памятниковъ древней письменности, насколько они могли служить источниками права. Сообщая обстоятельныя свѣдѣнія о всѣхъ такого рода статьяхъ и сопоставляя съ совокупностію ихъ статью печатной Кормчей, авторъ проливаетъ во многихъ отношеніяхъ новый свѣтъ не только на исторію брачнаго права въ древней Россіи, но и на исторію древняго русскаго церковнаго права вообще. Не менѣе свѣта вноситъ онъ и въ исторію послѣдующаго, за изданіемъ Кормчей, русскаго брачнаго права, раскрывая вліяніе, какое имѣла 50 глава ея на установленіе господствующихъ въ новѣйшемъ русскомъ законодательствѣ понятій о бракѣ и условій заключенія его, равно какъ и на ходъ этого законодательства по вопросамъ брач-

нымъ. Документальныя данныя, извлеченныя имъ изъ Архива Синодальнаго, въ значительной мѣрѣ пополняютъ матеріалъ, представляемый для изученія этого предмета Полнымъ Собраніемъ Законовъ.

Признавая въ силу этого рассмотрѣнный мною ученый трудъ для исторіи русскаго церковнаго права весьма цѣннымъ, а обнаруженную въ немъ обширную эрудицію автора заслуживающею всякаго уваженія, я нахожу усвоеніе автору ученой степени доктора богословія вполне справедливымъ“.

Справка. 1) Священникъ М. Горчаковъ свое печатное сочиненіе „О тайнѣ супружества“ въ качествѣ диссертациі на степень доктора богословія представилъ въ Совѣтъ Академіи 10 февраля сего 1881 года. Оно, по III ст. журн. общ. собр. Совѣта отъ 16 тогоже февраля, было передаваемо на разсмотрѣніе въ Церковно-практическое Отдѣленіе.

2) Въ 49 § „положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени“ сказано: „Если представленная на степень доктора богословія диссертациа будетъ признана удовлетворительною, то Совѣтъ допускаетъ автора къ публичному защищенію оной, которое производится порядкомъ, опредѣляемымъ въ §§ 34 и 35 сего „положенія“. По 32 § ищущіе степени магистра или доктора обязаны представить ректору, по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до защищенія, 50 экземпляровъ напечатанной диссертациі.

Постановлено: Въслѣдствіе признанія Церковно-практическимъ Отдѣленіемъ сочиненія священника М. Горчакова удовлетворительною докторскою диссертациею допустить его къ публичному защищенію, для котораго назначить день между 5 и 15 іюня или между 1 и 15 сентября, по соглашенію диспутанта съ ректоромъ Академіи, который въ свое время объявитъ о томъ во всеобщее свѣдѣніе; а официальными оппонентами назначить экстраорд. профессоровъ: церковнаго права П. Лашкарева и русской исторіи Ф. Тернов-

скаго, избранныхъ Отдѣленіемъ. О такомъ постановленіи привести въ извѣстность свящ. Горчакова съ тѣмъ, чтобы онъ прислалъ за двѣ недѣли до диспута 50 экземпляровъ сочиненія.

1881 года 24 апрѣля.

Въ собраніи *Совѣта* Киевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора ея, присутствовали: инспекторъ, три помощника ректора по учебной части и шесть членовъ *Совѣта*, по два отъ каждаго отдѣленія.

Слушали: I) Сданное Высокопреосвященнѣйшимъ Филлоеемъ Митрополитомъ Киевскимъ отношеніе г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 10 апрѣля 1881 года за № 1734: „Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу моему, вслѣдствіе ходатайства Вашего Высокопреосвященства, объ отлично-усердной службѣ экстраординарнаго профессора Киевской дух. Академіи Титулярнаго Совѣтника Петра *Лашкарева* и врача при той же Академіи Стефана *Коршуна*, Всемилостивѣйше соизволилъ къ наступающему дню Св. Пасхи пожаловать: перваго — орденомъ Св. Владиміра 4 степени, а втораго чиномъ Статскаго Совѣтника. Препровождая при семъ упомянутые орденскіе знаки, для выдачи профессору Лашкареву, долгомъ считаю увѣдомить Васъ, милостивый государь и архипастырь, что грамота на оныя будетъ доставлена къ Вамъ по полученіи изъ Капитула Орденовъ и что о пожалованіи чиномъ врача Коршуна будетъ объявлено въ Высочайшемъ приказѣ по духовному вѣдомству“.

Постановлено: О Всемилостивѣйшемъ пожалованіи профессора П. Лашкарева и врача Ст. Коршуна объявить имъ и записать въ послужные списки; орденскіе знаки выдать Лашкареву подъ расписку.

II. Напечатанное въ 12 № „Церковнаго Вѣстника“ за 1881 годъ циркулярное отношеніе г. Товарища Оберъ-Про-

курора Св. Синода къ Преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ отъ 12 марта 1881 года за № 1088: „По поводу выслуги одвимъ изъ состоящихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ врачей срока на производство въ слѣдующій ему чинъ, мѣстнымъ правленіемъ духовнаго училища было сдѣлано сношеніе съ подлежащимъ врачебнымъ отдѣленіемъ губернскаго правленія о представленіи врача къ чину. Но такъ какъ врачебное отдѣленіе отказалось ходатайствовать о производствѣ такового въ чинъ, потому что онъ не состоитъ на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ, а находился врачомъ только въ духовномъ вѣдомствѣ, то и возбужденъ былъ вопросъ: куда и какъ должны быть направляемы ходатайства о производствѣ въ чины, за выслугу лѣтъ, врачей, состоящихъ на службѣ исключительно въ духовномъ вѣдомствѣ.

Медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ коимъ сдѣлано было сношеніе по сему предмету, сообщилъ въ разрѣшеніе вышеизложеннаго вопроса, что, по пункту 3 ст. 1224 Учр. Минист. т. I. Свод. Зак. 1857 г., медицинскому департаменту принадлежать дѣла о награжденіи всѣхъ вообще гражданскаго вѣдомства медицинскихъ чиновниковъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, и изъ дѣлъ департамента видно, что департаментъ герольдіи Правительствующаго Сената на семъ основаніи требуетъ, чтобы и врачи духовнаго вѣдомства къ производству въ чины за выслугу лѣтъ были представляемы чрезъ медицинскій департаментъ. А какъ, за силою ст. 513 кн. II Учрежд. Власт. и мѣсть Губ. т. II ч. 1, изд. 1876 г., всѣ представленія непосредственнаго начальства о награжденіи должностныхъ лицъ, подчиненныхъ административнымъ губернскимъ мѣстамъ и учрежденіямъ, восходитъ въ министерства и главныя управленія не иначе, какъ чрезъ губернатора, то и врачи духовнаго вѣдомства должны быть представляемы къ производству въ чины за выслугу лѣтъ чрезъ мѣстныхъ губернаторовъ въ медицинскій департаментъ, отъ усмотрѣ-

нія котораго будетъ зависѣть дальнѣйшее представленіе врача къ чинопроизводству въ Правительствующій Сенатъ.

Въ видахъ установленія единообразнаго порядка и во избѣжаніе излишней переписки по дѣламъ о чинопроизводствѣ врачей, состоящихъ на службѣ по духовному вѣдомству, долгомъ поставлю о вышеизложенномъ увѣдомить Ваше Преосвященство, покорнѣйше прося Васъ, милостивый государь и архипастьрь, поставить о семъ въ извѣстность правленія духовно-учебныхъ заведеній ввѣренной Вамъ епархіи, съ тѣмъ, чтобы они въ подлежащихъ случаяхъ обращались съ ходатайствами своими о чинопроизводствѣ врачей, съ утвержденія Вашего Преосвященства, непосредственно къ мѣстнымъ губернаторамъ, не выходя по симъ дѣламъ въ сношеніе съ Канцелярією Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода“.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію и въ потребныхъ случаяхъ къ руководству.

III. Отношеніе Прокурора Самарскаго Окружнаго суда отъ 10 марта 1881 года за № 4083: „На основаніи 31 § прилож. къ ст. 1012 т. X, част. 1-й, Зак. Гражд., по продолж. 1876 г., имѣю честь при семъ препроводить въ Кіевскую Духовную Академію копію выписки изъ духовнаго завѣщанія Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Наѣанаила Петрова Соколова, утвержденнаго Самарскимъ Окружнымъ Судомъ къ исполненію, и присовокупить, что дочь Коллежскаго Ассесора Людмила Николаева Матридова проживаетъ въ гор. Самарѣ, 3 части, по Соборной улицѣ, въ домѣ Ечева“.

Справка. Засвидѣтельствованная копія съ завѣщанія Н. П. Соколова Совѣтомъ Академіи получена 23 февраля 1881 г. при письмѣ г-жи Матридовой, а 23 минувшаго марта отъ Самарскаго Отдѣленія Волжско-Камскаго Коммерческаго Банка получено переводное отношеніе его отъ 17 того же марта за № 132 на принятіе изъ Кіевского Отдѣ-

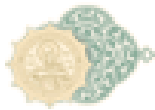
ленія того же Банка завѣщанной на стипендіи для бѣдныхъ студентовъ суммы—10,000 рублей. Сумма эта получена 28 марта и на приходъ записана по книгѣ Правленія Академіи подѣ № 8; за тѣмъ сія сумма Правленіемъ Академіи обращена въ пятипроцентныя государственныя бумаги, именно въ 38 облигацій трехъ восточныхъ займовъ на номинальную сумму 11,000 р., изъ коихъ 34 штуки на 7000 рублей куплены по 92 р. 25 к. за 100 руб. и 4 штуки на 4000 рублей по 92 р. 50 к. Всего на покупку 38 облигацій употреблено наличныхъ денегъ 10157 р. 50 к., т. е., весь полученный капиталъ 10000 рублей и, кромѣ того, 157 р. 50 к. заимствованныхъ изъ свободныхъ штатныхъ суммъ Академіи съ возвратомъ ихъ изъ процентовъ по облигаціямъ на текущій годъ со дня приобрѣтенія ихъ.

Постановлено: Къ слѣдующему засѣданію Совѣта поручить секретарю его составить проектъ положенія о стипендіяхъ Н. П. Соколова.

IV. Сообщенную Правленіемъ Киев. дух. Академіи, на основаніи 109 § уст. дух. акад., вѣдомость о наличныхъ суммахъ ея за мѣсяцъ истекшій—мартъ 1881г. По сей вѣдомости значится:

	наличными деньгами.		билетами кредитныхъ учреждений.		и то го.	
	рубли	коп.	рубли	коп.	рубли	коп.
Къ 1-му марта оставалось	21.856	10 ¹ / ₂	191.291	—	213.147	10 ¹ / ₂
Въ теченіи марта поступило на приходъ	17.472	92	—	—	17.472	92
И то го	39.329	2 ¹ / ₂	191.291	—	230.620	2 ¹ / ₂
Въ теченіи марта израсходовано	12.268	53 ¹ / ₂	—	—	12.268	53 ¹ / ₂
Къ 1 апрѣля 1881 года осталось	27.060	49	191.291	—	218.351	49

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

V. Внесенную въ Совѣтъ Академіи Ректоромъ ея въ домость о лекціяхъ, опущенныхъ г.г. преподавателями Академіи въ теченіи мѣсяцевъ марта и апрѣля. По сей вѣдомости значится, что опущены лекціи:

а) вслѣдствіе болѣзни

1) по св. писанію Епископомъ Михайломъ 2 лекціи (4 и 5 марта)

2) по литургикѣ Смирновымъ 5 лекцій (5, 6, 10, 12 и 17 марта),

3) по психологіи Поспѣховымъ 3 лекціи (5, 10 и 12 марта),

4) по древней общей гражданской исторіи Тумасовымъ 3 лекціи (17 и 27 марта и 3 апрѣля),

6) по исторіи философіи Ливницкимъ 1 лек. (18 марта),

7) по исторіи русскаго раскола Воскресенскимъ 1 лек. (18 марта),

8) по греческому языку Корольковымъ 1 лекція (3 апрѣля);

б) по нахожденію въ отпускѣ

9) по свящ. писанію новаго завѣта Сольскимъ 4 лекціи (14, 16, 17 и 19 марта).

Постановлено: Записать въ протоколъ настоящаго засѣданія для напечатанія въ академическомъ журналѣ и внесенія въ годовой отчетъ по силѣ X пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

VI. Донесеніе Инспектора Академіи отъ 3 апрѣля о томъ, что въ поведеніи студентовъ за истекшій мѣсяць мартъ не замѣчено было имъ никакихъ особенно важныхъ предосудительныхъ проступковъ.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Отношенія: а) Совѣта Владимірскаго Епархіальнаго женскаго Училища отъ 8 апрѣля 1881 года за № 60: „7 сентября 1880 г., по предварительномъ сношеніи съ г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, Епархіальнымъ Преосвященнымъ во Владимірское Епархіальное женское Училище на должность штатнаго учителя русскаго языка опредѣленъ окончившій въ томъ году въ Киевской Академіи курсъ, кандидатъ Василій *Нарбековъ*. Совѣтъ Училища покорнѣйше проситъ Совѣтъ Академіи выслать въ Училище аттестатъ и другіе документы, принадлежащіе г. Нарбекову“.

б) Директора „Петровскаго“ Ростовскаго на Дону Реальнаго Училища отъ 16 марта 1881 г. за № 74: „Кандидатъ богословія окончившій курсъ въ Киевской духовной Академіи священникъ о. Николай *Кирилловъ*, обратился ко мнѣ съ просьбою объ опредѣленіи его законоучителемъ во ввѣренное мнѣ Реальное Училище. Вслѣдствіе этого имѣю честь покорнѣйше просить Правленіе Киевской духовной Академіи о высылкѣ мнѣ всѣхъ документовъ священника Кириллова“.

Справка. Казеннокоштный воспитанникъ В. Нарбековъ, окончившій курсъ Киевской Академіи въ 1880 г., не получилъ назначенія на службу отъ центральнаго управленія; священникъ Ник. Кирилловъ, окончившій курсъ Академіи въ томъ же году, хотя былъ назначенъ на должность преподавателя Екатеринодарскаго духовнаго Училища (мужскаго), но не отправился въ оное, внесши причитающуюся съ него сумму, о чемъ Правленіемъ Училища чрезъ мѣстнаго Преосвященнаго представлено Св. Синоду на предметъ увольненія Кириллова отъ обязательной службы по духовно учебному вѣдомству.

Постановлено: Документы Нарбекова и Кириллова выслать, но съ поясненіемъ г. Директору Реальнаго Училища

въ г. Ростовѣ на Дону, что документы Кириллова могутъ быть выданы ему на руки не прежде, какъ по полученіи имъ отъ Правленія Екатеринодарскаго дух. Училища удостовѣренія или свидѣтельства о томъ, что онъ уволенъ отъ службы по духовно-учебному вѣдомству съ разрѣшенія Св. Синода.

VIII. Предложеніе Ректора Академіи: „На начальства, отъ коихъ зависить опредѣленіе на службу подвѣдомыхъ должностныхъ лицъ, закономъ возлагается обязанность свое временно представлять ихъ къ производству въ чины за безпорочную выслугу лѣтъ въ классныхъ должностяхъ, если не встрѣчается законныхъ препятствій; такъ, что если начальство по какимъ либо соображеніямъ не представитъ чиновника въ первый срокъ по выслугѣ имъ лѣтъ, а въ послѣдующіе сроки, то въ семь случаевъ, по 272 ст. Уст. Служ. Правит. Т. III. Свод. Зак. изд. 1876 г., оно обязано, при ходатайствѣ объ отдачѣ чиновнику полного старшинства, дѣлать особое объясненіе причинъ, воспрепятствовавшихъ своевременному представленію къ чину. Изъ числа лицъ находящихся на службѣ въ Киевской духовной Академіи, но не состоящихъ ни въ духовномъ санѣ, ни въ гражданскомъ чинѣ, есть лекторъ англійскаго языка Алексѣй Михайловскій, который имѣетъ право на производство въ чинъ по занимаемой имъ должности; а изъ должностныхъ лицъ, получившихъ уже чины, секретарь Совѣта и Правленія Ив. Исаевъ выслужилъ установленный срокъ для полученія слѣдующаго по порядку чина. О чемъ и предлагаю Совѣту Академіи на зависящее распоряженіе по предмету своевременнаго представленія поименованныхъ лицъ въ майской трети года къ производству въ чины“.

Справка. 1) Кандидатъ К. Михайловскій на должность лектора англійскаго языка въ Киевской дух. Академіи Совѣтомъ ея избранъ 19 октября 1879 года и Его Высокопрео-

священствомъ Митрополитомъ Кіевскимъ утвержденъ въ сей должности 31-го декабря того же года со дня избранія. По 2 ст. Высочайше утвержденнаго въ 24 день октября 1876 года „положенія о правахъ лицъ, служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ“, лекторы духовныхъ академій по чинопроизводству сравниваются съ лекторами университетовъ, которые, на основаніи 388 и 390 ст. Уст. Служ. Прав. Т. III. Свод. Зак. изд. 1876 г., утверждаются въ чинъ восьмага класса непосредственно за опредѣленіемъ въ должность. Должность лектора дух. академіи по расписанію, приложенному къ вышеупомянутому „положенію“, отнесена къ VIII классу, которому соответствуетъ чинъ Коллежскаго Ассесора.

2) По II ст. журн. Сов. Кіев. д. Академіи отъ 17 августа 1879 г., по случаю состоявшагося производства секретаря Совѣта сей Академіи Ив. Исаева въ чинъ Надворнаго Совѣтника со старшинствомъ съ 24 апрѣля 1877 г., постановлено было: „по выслугѣ Исаевымъ требуемаго закономъ числа лѣтъ имѣть сужденіе о представленіи въ ближайшій срокъ къ слѣдующему чину, на который предоставляетъ ему право занимаемая имъ должность“.—Должность Секретаря Совѣта и Правленія дух. Академіи состоитъ въ VII классѣ и чинъ Надворнаго Совѣтника соответствуетъ сему классу. Поэтому Исаевъ, на основаніи 287 ст. Уст. Служ. Т. III Свода Зак. изд. 1876 г., можетъ быть произведенъ еще въ слѣдующій чинъ Коллежскаго Совѣтника; для полученія сего чина 341-ю статьею того же устава установлена выслуга четырехъ лѣтъ. Исаевъ съ 24 апрѣля 1877 года, т. е. со времени старшинства его въ чинѣ, выслужилъ установленный четырехлѣтній срокъ.

Постановлено: Такъ какъ служащіе въ Академіи лекторъ англійскаго языка А. Михайловскій и секретарь Совѣта Ив. Исаевъ имѣютъ полное право на производство въ чины по закону, именно первый на утвержденіе въ чинѣ Коллежска-

го Ассесора по занимаемой имъ должности лектора со старшинствомъ съ 19 октября 1879 года или со дня избранія въ эту должность, а второй на производство за безпорочную выслугу лѣтъ въ чинъ Коллежскаго Совѣтника со старшинствомъ съ 24 апрѣля 1881 года; то представить о семъ Его Высокопреосвященству Митрополиту Кіевскому для внесенія этого дѣла въ Департаментъ Герольдіи Правительствующаго Сенаата, на основаніи 15 ст. „положенія о правахъ лицъ, служащихъ въ духовно учебныхъ заведеніяхъ“.

IX. Донесанія помощниковъ ректора по учебной части о студентахъ Академіи трехъ отдѣленій I и II курсовъ, которые не представили третьяго семестроваго сочиненія въ назначенный срокъ къ 1-му апрѣля, но подали только въ теченіи апрѣля до сего 24 дня, кромѣ серьезно больныхъ.

Постановлено: Пріобщить къ дѣламъ.

X. а) Прошеніе казеннокоштнаго студента 1 курса церковно-историческаго отдѣленія Кіевской дух. Академіи Мих. *Тифлова* отъ 12 апрѣля: „Не имѣя возможности по своему болѣзненному состоянію держать въ настоящее время экзаменъ, покориѣйше прошу Ваше Преосвященство допустить меня къ отдѣльному испытанію по выздоровленіи и уволить меня въ домъ отца моего, священника Саратовской губерніи, Камышинскаго уѣзда, села Громковъ, Никанора Тифлова, отъ настоящаго времени впредь до излѣченія“.

б) Рапортъ штатнаго врача при Кіевской Академіи Стеф. Коршуна отъ 25 апрѣля за № 6: „Вслѣдствіе предписанія Вашего Преосвященства отъ 21 апрѣля сего года за № 314 я свидѣтельствовалъ сего 23 апрѣля состояніе здоровья студента Академіи Михаила Тифлова и по освидѣтельствованіи нашель у него ослабленіе памяти и значительное притупленіе воспринимательныхъ умственныхъ способностей. Ненормальное состояніе воспринимательныхъ спо-

способностей у студента Тифлова началось съ осени прошлаго года и къ веснѣ этого года усилилось, а въ настоящее время дошло до того, что умственные занятія для него невозможны. Вслѣдствіе вышеписаннаго состоянія своего здоровья студентъ Тифловъ предстоящихъ студентамъ экзаменовъ держать не можетъ. Для предупрежденія могущаго развиться у студента Тифлова, если не оставить умственныхъ занятій, слабоумія, ему необходимъ продолжительный отпускъ и совершенное воздержаніе отъ напряженія умственныхъ способностей, по крайней мѣрѣ, въ теченіи одного года. Съ физической стороны у студента Тифлова замѣтна несимметричность обѣихъ половинъ лица, нервные головныя боли и малокровіе въ значительной степени. При жизни въ деревнѣ въ благопріятныхъ условіяхъ физическое здоровье студента Тифлова возстановится скоро⁴.

Постановлено: Студента М. Тифлова уволить изъ Академіи на годъ для поправки разстроеннаго здоровья его, съ предоставленіемъ ему права чрезъ годъ, во второй половинѣ августа 1882 года, вновь поступить въ составъ 1-го курса безъ повѣрочнаго приѣмнаго испытанія, но по медицинскомъ освидѣтельствѣ состоянія здоровья. Объ этомъ сообщить Правленію Академіи для зависящаго распоряженія касательно снабженія его денежнымъ пособіемъ на проѣздъ въ виду неимѣнія у него собственныхъ средствъ для сего.

XI. Прошеніе казеннокоштнаго студента 1 курса церковно-историческаго отдѣленія Киевской дух. Академіи Андрея *Данаева* отъ 21 марта: „Мотивируя свой отъѣздъ изъ Академіи 16 Декабря 1880 года болѣзнію моей матери, я полагалъ, что это обстоятельство будетъ служить достаточною причиною, объясняющею и оправдающею мое отсутствіе изъ Академіи въ учебное время сего года, почему и самъ не явился въ Академію къ сроку, означенному въ билетѣ, и не представилъ Совѣту Академіи никакого увѣ

домленія о себѣ. Съ половины генваря я заболѣлъ и пролежалъ до половины марта, въ чемъ представляю удостовѣреніе отъ доктора. Между тѣмъ, по постановленію Совѣта отъ 16 февраля 1881 года, я считаюсь выбывшимъ изъ Академіи за долговременную неявку по неизвѣстной причинѣ и лишень стипендіи. Представляя въ соображеніе Совѣта все эти обстоятельства и прилагая при семъ медицинское свидѣтельство, прошу покорнѣйше Совѣтъ принять меня вновь въ число студентовъ Киевской духовной Академіи и выдать мнѣ пособіе за все время моего отсутствія на мои крайнія нужды“.

Справка: 1) Въ опредѣленіи Св. Синода отъ 16/26 ноября 1877 года за № 1738 сказано: „Неявившійся въ Академію болѣе недѣли послѣ назначеннаго срока и не представившій удовлетворительнаго по мнѣнію академическаго Совѣта свидѣтельства о законной причинѣ своей неявки считается выбывшимъ изъ заведенія, и отъ усмотрѣнія Совѣта зависитъ вновь принять его въ заведеніе или отказать въ приѣмѣ“.

2) Студентъ Андрей Дагаевъ, получившій 17 декабря отпускъ на родину, не возвратился въ Академію въ назначенный срокъ 7 января 1881 г. и, какъ неявившійся въ оную болѣе недѣли по неизвѣстной причинѣ, Совѣтомъ Академіи 16 февраля сего года признанъ выбывшимъ изъ Академіи. Прибывши въ Академію во второй половинѣ марта, Дагаевъ представилъ свидѣтельство Рыльского городского врача о болѣзни только за время съ 29 января по 14 марта.

Постановлено: Такъ какъ студентъ Дагаевъ не представилъ свидѣтельства о законной причинѣ своей неявки въ срокъ послѣ Рождественскихъ каникулъ и считается выбывшимъ изъ Академіи, то отказать ему въ обратномъ приѣмѣ его въ число студентовъ ея.

ХІІ. Отношеніе Химическаго Отдѣленія Русскаго Физико-Химическаго Общества за № 21 съ приложеніемъ при-

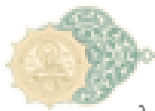
глашенія о подпискѣ на премію Н. Н. Зинива и А. А. Воскресенскаго, основателей русской химической школы, и съ просьбою оказать возможное содѣйствіе предпріятію Общества и возвратить подписной листъ казначею отдѣленія химіи.

Постановлено: Подписной листъ, по предъявленіи его всѣмъ преподавателямъ Академіи, возвратить съ приложеніемъ денегъ, которыя будутъ подписаны желающими.

ХІІІ. а) Отношеніе Пристава Кіево-Подольскаго Полицейскаго Участка отъ 1 апрѣля 1881 г. за № 7537, б) отношеніе того же Пристава отъ 2 апрѣля за № 7624 съ приложеніемъ копій съ отношенія командира 131 пѣхотнаго Тираспольскаго полка на имя Кіевского Полиціймейстера отъ 29 марта за № 1389 и в) донесеніе Инспектора Академіи отъ 20 апрѣля о томъ, что имъ, по порученію Ректора Академіи, вслѣдствіе полученныхъ отъ Пристава Кіево-Подольскаго Полицейскаго Участка сообщеній произведено возможное съ его стороны дознаніе.

Постановлено: Студента ІІІ курса Ф. Н—ича уволить изъ Академіи и выдать ему свидѣтельство объ увольненіи вмѣстѣ съ документами, представленными имъ при поступленіи въ Академію. Въ видахъ поддержанія и усиленія дисциплины между студентами Академіи подвергнуть пересмотру существующія въ ней правила для учащихся; для сего составить комиссію изъ пяти профессоровъ: Инспектора Архим. Сильвестра, Ст. Сольскаго, А—ра Воронова, П. Линицкаго и М. Ковальницкаго, поручивъ ей свои соображенія о необходимыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ представить Совѣту Академіи къ послѣднему засѣданію предъ каникулами.

ХІV. Представленія Отдѣленій Кіевской Академіи:
а) Богословскаго отъ 24 апрѣля о покупкѣ для бібліотеки

недѣлю. „Воскресное Чтеніе“ будетъ выходить также еженедѣльно, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, въ два столбца, не менѣе одного листа въ недѣлю. „Труды Киевской духовной Академіи“ будутъ выходить еженеѣлю книжками не менѣе 12 листовъ, изъ коихъ около 5 заняты переводомъ твореній блаж. Іеронима и Августина и не менѣе 7—оригинальными статьями. Изъ годоваго изданія „Трудовъ“ составятся: одинъ томъ твореній бл. Августина, одинъ томъ твореній бл. Іеронима и три тома статей, каждый около 30 печатныхъ листовъ, съ особымъ счетомъ страницъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.; Воскреснаго Чтенія—4 р.; Трудовъ Киевской Духовной Академіи—7 р.; Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей *вмѣстѣ* съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостей съ Трудомъ—10 р.; Воскреснаго Чтенія съ Трудомъ—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудомъ—12 р. с.

Адресъ: въ Редакцію Киевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или Воскреснаго Чтенія, или Трудовъ, при Киевской духовной Академіи, въ Киевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Киевѣ, на Крещатикѣ, 2) Игн. Л. Тузова—въ С.Петербургѣ, 3) А. Н. Ферапонтова—въ Москвѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), II (1838—39), V (1841—42), X (1846—47), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 2 руб. 60 к. за годъ съ пересылкою.

„Труды Киевской духовной Академіи“ продаются по *уменьшенной цѣнѣ*: 1860—1869 годы (кромя 1867 г.) по 2 р. безъ пересылки, а съ пересылкою 2 р. 60 к.; за 1870—1873 годы по 3 руб. 50 к. безъ пересылки, съ пересылкою 4 р.; за 1874 годъ 4 руб. 50 коп., съ пересылкою 5 р.; за 1875 годъ 6 руб.; за 1876, 1877, 1878, 1879 и 1880 гг. по 7 руб.

Выписывающимъ единовременно не менѣе 10 годовыхъ экземпляровъ „Трудовъ“ и „Воскреснаго Чтенія“ дѣлается уступка по 25% съ номинальной цѣны; выписывающіе „Воскресное Чтеніе“ получаютъ сверхъ того указатель къ первымъ 25 годамъ этого журнала.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 75 коп.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
БИБЛІОТЕКА
твореній св. Отцевъ и учителей церкви
западныхъ:

Книга	1 —	Творенія св. Кипріана Е. Карфаген.,	часть	1
"	2 —	" св. Кипріана	"	2
"	3 —	Творенія бл. Іеронима Стридонск.,	часть	1
"	4 —	" бл. Іеронима	"	2
"	5 —	" бл. Іеронима	"	3
"	6 —	" бл. Іеронима	"	4
"	7 —	Творенія бл. Августина Е. Иппонійск.,	часть	1
"	8 —	" бл. Іеронима	"	5
"	9 —	" бл. Августина.	"	2
"	10 —	" бл. Августина.	"	3
"	11 —	" бл. Іеронима	"	6

Цѣна каждой книги Библіотеки 2 руб. сер. съ пересылкою.

Адресъ: въ редакцію журнала „Труды Киевской духовной Академіи“, въ Кіевѣ.

Экстраordin. профессоръ А. Олещицкій.

Печатать дозволяется. 1 іюля, 1881 г.

Кіевская духовная Академія.

